

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
XXXVIII

№ 3
июль–сентябрь

ТАШКЕНТ
2015

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор
Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор
Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет
Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН
Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО
Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ
Валерий ГЕРМАНОВ
Татьяна КОТЮКОВА
Роман ДОРОФЕЕВ
Вадим МУРАТХАНОВ
Рубен НАЗАРЬЯН
Екатерина ОЗМИТЕЛЬ
Алексей УСТИМЕНКО
Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Алексиевский собор Самарканда (С. 14–27).

Стр. 3: сверху вниз: Самаркандское сюзанае нач. XX века. Джизакское сюзанае кон. XIX века. (С. 135–141). Оссуарий из Сарытепа, VI–VII вв., Узбекистан. (С. 131–134).

Восток Свыше. 2015, № 3 (XXXVIII)

© Ташкентское и Узбекистанское Епархиальное управление Русской Православной Церкви
© Журнал «Восток Свыше»

...Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Валерий ЧЕРКЕСОВ. Детство. Крещение 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

«Откуда начну плакати...» 1275 лет преставления святителя
Андрея, архиепископа Критского (4 июля 740 года) 6

Новостные страницы *иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)*

25-летие архиерейской хиротонии, паломничество в Каракол,
новое в огласительных беседах 11

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ УЗБЕКИСТАНА

Александр ГАЛАК. Алексиевский собор Самарканда 14

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Роман ДОРОФЕЕВ. Закат туркестанского обновленчества и миссия
архиепископа Алексия (Палицына) 1943–1944 годов 28

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Тема: Парадоксы колониализма

Ульфат АБДУРАСУЛОВ. «Тайны хивинского двора»: политическая
борьба в Хиве в период Российского протектората 38

Татьяна КОТЮКОВА. «Трепещем при мысли остаться в положении
пасынков...» Прошения поволжских татар Туркестанского края ... 57

Александр МОРРИСОН. «Мы не англичане...» К вопросу
об исключительности российского империализма 69

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Виктор МОИСЕЕНКО. Фаришане и парижане. Сырдарьинские этюды ... 79

БИБЛИОТЕКИ, БИБЛИОТЕКАРИ, ЧИТАТЕЛИ

<i>Евгений БЕТТЕР</i> . «Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...» Страницы истории Национальной библиотеки Узбекистана имени А. Навои	85
---	----

<i>Наталья СЕЛУЯНОВА</i> . Семейная хроника Селуяновых <i>Публикация О. Илюшкиной</i>	96
--	----

ORIENTALIA

Евангельские истории в произведениях средневековых арабо- мусульманских историков. Из <i>Kitāb at-Ta'riḫ</i> («Книги истории») ал-Йа'куби. <i>Перевод и комментарии</i> <i>Камола ШАНИЯЗОВА</i>	109
--	-----

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Размышления над Евангелием: страницы протоиерея <i>Сергия СТАЦЕНКО</i> Отложенное покаяние	115
---	-----

Тема: Поэзия и Вера

«Мое сознание закрыто для неверия...». На вопросы ВС отвечает поэт <i>Борис ХЕРСОНСКИЙ</i>	120
---	-----

Социальные страницы <i>Лилии КАЛАУС</i> Художники, писатели, музыканты – или кощунники, богохульники и святотатцы?	125
--	-----

Литературные страницы <i>Вадима МУРАТХАНОВА</i> История семьи как оправдание «большой» истории	128
---	-----

Тема: Религиозные символы в искусстве Средней Азии

<i>Елена ПОТОРОЧИНА</i> . Изображение скрещенных на груди рук в христианском искусстве раннесредневековой Средней Азии	131
--	-----

<i>Эльмира ГЮЛЬ</i> . Домусульманские символы в узорах сюзане	135
---	-----

Авторы номера	142
----------------------------	-----

Информация для авторов	143
-------------------------------------	-----

Валерий ЧЕРКЕСОВ

Детство. Крещение

1.

По сусекам поскребу
памяти: авось найдется
светлое и дорогое –
от чего замрет душа.

Напрягаюсь – только детство
выплывает... Неужели
я потом еще полвека
прожил – нету и следа?

Что-то было же! Наверно.
Но, увы, не зацепилось
так, как солнечный воскресный
день и золотистый храм.

2.

Бабушка за руку держит.
Батюшка на шею крестик
надевает:
– Ну, отныне
твой отец – Иисус Христос.

Я похвастаюсь, конечно,
Тольке – пусть не обзывает
безотцовщиной.
Его-то
батя – форменный алкаш.

Называют так в округе,
хоть дядь Гриша безобидный:
как напьется – распевает
про матроса-кочегара.

Он и сам пообгоревший:
танк под Курском подпалили,
ранен был, но жив остался...
И Толяна вон родил.

Медный крестик на минутку
дам дружку – пускай подержит:
может быть, мой новый папа
пожалует и его.

Календарные страницы *главного редактора*

«Откуда начну плакати...»

*1275 лет преставления святителя Андрея, архиепископа Критского
(4 июля 740 года)*

*Я в этой церкви слушала Канон
Андрея Критского в день строгий и печальный...
Анна Ахматова*

Э то имя обязательно возникает в памяти хотя бы раз в год – в первый день Великого Поста, «день строгий и печальный». На вечерне освещение в храмах гасится, клир выходит в черных одеяниях. Молча стоят прихожане; кладутся на холодный пол «подкладки» для земных поклонов, ставятся редкие свечи.

Звучит тихий припев: «Помилуй мя Боже, помилуй мя...»

Откуда начну плакати окаяннаго моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию?..

Так уже почти 1300 лет за великопостным богослужением читается Великий Покаянный Канон.

Создателем этого самого большого церковного гимна был выдающийся ритор, мелург и гимнограф святитель Андрей Критский.

Он родился в Дамаске, около 660 года от Рождества Христова.

За несколько лет до того этот древний город был завоеван арабами. В 661 году к власти в халифате приходит династия Омейядов. Основатель династии Муавия Первый переносит туда столицу халифата.

Город оставался по преимуществу христианским. Церквей здесь было больше, чем мечетей.

В 675 году там же, в Дамаске, родится другой великий гимнограф Церкви, святитель Иоанн Дамаскин. Иоанн был по происхождению араб – его мирским именем было Мансур.

Постепенно Дамаск становится все более мусульманским. Строятся мечети. В мечеть была превращена церковь пророка Иоанна Предтечи. Но серьезных притеснений христиане не испытывали.

Над городом высилась гора Касиюн. В одной из пещер ее – Пещере Крови – по преданиям, жили два брата, Авель и Каин. Абил и Кабил, как называли их мусульмане.

Возможно, молодой Андрей бывал в этой пещере.

В своем Каноне он сравнивает себя с Каином, совершившим гораздо более страшное преступление, чем убийство Авеля: убийство собственной души.

Каиново прешед убийство, произволением бых убийца совести душевней, оживив плоть и воевав на ню лукавыми моими деяньми.

Авель – душа; Каин – наша плоть. Каин-плоть восстает на Авеля-душу, проливая прозрачную, незримую ее кровь.

До семи лет Андрей был немым.

Впитывал в себя звуки, голоса и речи. Колыбельный напев матери, шум базаров, журчанье воды. Впитывал – и молчал.

В семь лет его впервые подвели к причастию.

Отрок сложил руки крестообразно и шагнул к чаше. *Причащается раб Божий...* Кто-то из взрослых назвал его имя.

Была ли и будет ли для рода человеческого какая-нибудь радость более той, как быть причастником Божественного естества? – напишет святитель Андрей позже.

После причастия отрок отверз уста и заговорил.

Начальное образование он получил в родном Дамаске. Изучал основы грамматики, риторики и философии.

В пятнадцать лет он перебирается в Иерусалим. Ходит по иерусалимским церквям, вслушивается в разноязычную речь паломников, в жалобный напев нищих. Поступает в Святогробское братство. Братство объединяло монашествующих Иерусалимской православной церкви; целью его было служение паломникам, молитвы и псалмопение в церкви Гроба Господня.

Иерусалим, как и Дамаск, был уже под властью арабов. Халифы признавали братство и не препятствовали ему.

В Братстве Святого Гроба Андрей пострижен в монашество и посвящен в чтеца. Позже ученого инока назначают нотарием (главным писцом) и экономом.

В 680 году Андрею довелось принять участие в VI Вселенском Соборе. Собор сурово обличил монофелитскую ересь – признание во Иисусе Христе одной воли, а не двух – Божественной и подчиненной ей человеческой.

С монофелитами Андрей еще столкнется в будущем...

Осенью 685 года он прибыл в Константинополь.

В тот же год императором становится шестнадцатилетний Юстиниан Второй. Новый монарх полон честолюбивых планов возрождения империи в ее былом блеске. И поначалу ему это удавалось. Молодой император одерживает победу над арабами в Армении и отвоевывает у них часть Кипра.

В Константинополе Андрей пробудет двадцать лет. Он служит в храме Святой Софии, Премудрости Божией. Храм этот, построенный за полтора столетия до того Юстинианом Первым, стоит в своем первоизданном великолепии. Еще сияют мозаич-

ные своды, которые вскоре будут разрушены иконоборцами. Еще не успели исказить облик храма массивные контрфорсы, возведенные через три столетия после сильного землетрясения... Еще блещет золотом и драгоценными камнями утварь храма, от которой после нашествия крестоносцев не останется и следа...

Андрей был посвящен во диакона Святой Софии.

В то время в храме служило около ста диаконов. В ведении Андрея находились сиротский приют и богадельня при храме.

Как совместить слово земное и слово небесное? Поэзию – как ремесло и поэзию по внушению свыше? Андрей задумывается над этим.

Избранные из богомудрых причастники Святого Духа, – пишет святитель, – от преизобильной радости о богосладостном утешении, начали попеременно петь вдохновенные погребальные песнопения. Однако песни эти не были составлены ими: их научил произносить и давал слышать Дух Святой.

Все, что говорили и слушали песнословившие, несравненно превосходя наше земное искусство, ничем не отличалось от звуков Ангелов, торжествующих на Небесах. Их высоту, глубину и бесконечную красоту описывать не нам, никогда не вкушавшим такой сладости: скорее, мы должны почитать их молчанием, как превосходящие наше разумение.

И почтив то, что превосходит наше земное искусство, Андрей создает свои великие богослужебные творения. Канон праздника Рождества Христова, трипеснцы на повечерие Недели Ваий и на первые четыре дня Страстной седмицы, стихиры праздника Сретения Господня...

В 692 году Юстиниан Второй нарушил мир с арабами, но был разбит в Киликии войсками халифа Абд аль-Малика. Юстиниану изменила часть славян, бывших в его войске. Тогда, – пишет св. Феофан Исповедник, на которого нам еще придется сослаться, – Юстиниан истребил всех оставшихся славян с женами, с детьми...

Арабы начали опустошать Восточную Римскую империю.

И было великое затмение солнца, так что днем стали видны звезды.

Юстиниан же продолжал строить дворцы. И чем хуже шли дела, тем более пышным было строительство.

Призвав как-то патриарха Каллиника, он потребовал от него совершить молебен для разрушения церкви пресвятой Богородицы, чтобы на месте ее построить себе беседку.

Патриарх отвечал на то: мы служим молебствия для основания церкви, а на разрушение их молебствий не имеем. Но поелику царь принуждал его и всяческим образом требовал молебствия, то патриарх отвечал ему: Слава Богу, долготерпеливому всегда и ныне и присно и во веки веков, аминь. Выслушав это, разрушили церковь и построили беседку... (Св. Феофан Исповедник).

Народ, устав от притеснений и военных неудач, восстал.

В 695 году полководец Леонтий поднял в Константинополе мятеж, захватил Юстиниана, велел отрезать у него нос и язык и отправил в ссылку в Крым.

Через десять лет, в 705 году, Юстиниан с помощью болгарского хана овладел Константинополем и устроил резню. *Бесчисленное множество и гражданских, и военных чиновников погубил он; многих потопил в море, бросая в мешках, иных приглашал на обед, и*

когда вставали от стола, то иных вешал, иных рубил, и великий страх овладел всеми. (Св. Феофан Исповедник.)

Патриарх Каллиник был низложен и сослан; Леонтия в оковах протащили по городу и обезглавили на Собачьем рынке.

А что Андрей? Он не был в числе пострадавших ни при Юстиниане, ни при Леонтии, ни после возвращения Юстиниана. Держался подальше от политических бурь. Слагал священные гимны. Нес службу в соборе, занимался пропитанием нищих и сирот, которых хватало при любом правителе.

При святом патриархе Кире (706–712) Андрей был хиротонисан во епископа и получил назначение на кафедру в Гортину, что на Крите, с титулом архиепископа Критского.

Епископский сан оставлял на сложение гимнов меньше времени; много было более насущных забот. На Крите архиепископ Андрей строит церкви, устраивает приюты и богадельни. По молитвам его совершаются многочисленные чудеса. Казалось, все идет благополучно...

В 711 году произошел очередной мятеж против Юстиниана.

Юстиниан был обезглавлен, к власти пришел император Филиппик.

Сразу же после прихода к власти Филиппик низложил патриарха Кира и объявил об отмене постановлений Шестого, антимонофелитского, Вселенского собора. Монофелитство стало официальной верой империи. Под давлением императора новый патриарх, Иоанн VI, в 712 году закрепил это на поместном Соборе.

По свидетельству св. Феофана Исповедника, архиепископ Андрей, вместе со святителем Германом епископом Кизическим, был принужден подписать анафему VI Вселенскому Собору.

Что заставило архиепископа Андрея подписать еретическое определение?

Стремление сохранить хрупкое единство Церкви? Защитить свою критскую паству от преследований? Обычный человеческий страх? Еще свежа была память о Максиме Исповеднике, которому его противостояние монофелитству стоило отсеченной десницы и вырезанного языка...

Через год, в 713 году, Филиппик был свержен.

Списки актов VI Вселенского Собора, осудившего монофелитство, вновь разосланы, приняты и подписаны всеми бывшими участниками Собора 712 года. В том числе – и архиепископом Критским Андреем.

Православие было восстановлено. Но раскаяние в том, что он поддержал еретиков, не исчезло, продолжало кровоточить.

«Помилуй мя Боже, помилуй мя...»

Господь, писал св. Августин, и зло обращает во благо.

Раскаяние подвигает архиепископа Андрея на создание Великого Покаянного Канона.

Согрешил больше всех человек, един согрешил Тебе, но смилуйся и будь милосерд ко мне, ибо Ты Благоутробен...

Вся священная история, весь Ветхий и Новый завет проходят, эпизод за эпизодом, в этом Каноне. Адам и Ева. Каин и Авель... Все это – не что-то далекое; грехи и преступления, описанные в Священном писании, непрерывно сотрясают душу каждого человека.

С великим искусством, – писал протоиерей Александр Шмеман, – св. Андрей переплетает великие образы – Адама и Еву, рай и грехопадение, патриарха Ноя и потоп, Давида, Обетованную Землю и выше всего Христа и Церковь – с исповеданием грехов и раскаянием. События Священной истории явлены как события моей жизни, дела Божии в прошлом как дела, касающиеся меня и моего спасения, трагедия греха и измены как моя личная трагедия. Моя жизнь показана мне как часть той великой, всеобъемлющей борьбы между Богом и силами тьмы, которые восстают на Него.

Через весь Канон проводится одна мысль, мысль о греховности человека. И вера в милосердие Божие. В Его благоутробие.

В 740 году по пути из Константинополя на Крит архиепископ Андрей заболел. Было ему уже около восьмидесяти.

Болезнь оказалась к смерти. 4 июля в местечке Ирессос на острове Лесбос архиепископ отходит ко Господу. Мощи его были положены в храме мученицы Анастасии – ныне церкви святителя Андрея Критского.

Святитель Андрей рано стал почитаться на Руси. Он был небесным покровителем святого благоверного князя Андрея Боголюбского и Андрея, сына другого благоверного князя – Александра Невского. В честь Андрея Критского был наречен и Андрей, сын Ивана Калиты. Авторы русских «хожений» в Царьград рассказывали об исцелениях от нетленных мощей святителя, покоившихся в константинопольском Свято-Андреевском монастыре. Но главная память о нем сохраняется в его проповедях, канонах и тропарях. И прежде всего – в Великом Покаянном Каноне, который звучит *в день строгий и печальный*, призывая каждого к покаянию.

Новостные страницы *иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)*

25-летие архиерейской хиротонии, паломничество в Каракол, новое в огласительных беседах

Начнем с новостей Среднеазиатского митрополичьего округа. В начале июля прошло празднование 120-летия одного из самых старых храмов Кыргызстанской епархии – церкви в честь Живоначальной Троицы города Каракол. 9 июля, в день почитания иконы Пресвятой Богородицы «Тихвинская», храм встречал множество гостей: архиереев, священнослужителей и монашествующих среднеазиатских епархий, а также более полутора тысяч паломников. В храме находится чудотворный образ Царицы Небесной «Тихвинская», написанный монахами на Святой горе Афон в конце XIX века. 118 лет назад он был передан в дар Свято-Троицкому мужскому монастырю, который до разграбления и разрушения в 1916 году располагался на берегу озера Иссык-Куль.

Божественную литургию возглавил глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий. Торжества продолжились на храмовой площади праздничным концертом, который посетили также мэр города Рыскул Калыгулов и имам-хатиб Каракола Талант Сабриков.

11 июля, в день памяти преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, уже в Бишкеке, в строящемся храме в честь святого равноапостольного князя Владимира, архиереи Округа освящали кресты для куполов. Чин освящения возглавил митрополит Викентий.

15 июля 2015 года главный храм Узбекистанской епархии и епархиальный духовно-административный центр посетил министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров, находившийся с официальным визитом в столице Узбекистана. Во время встречи с митрополитом Викентием С. Лавров заверил в готовности российского дипломатического ведомства поддержать епархиальные мероприятия, посвященные предстоящему 145-летию юбилею Туркестанской епархии и другим памятным датам российско-узбекистанских отношений.

С 16 по 20 июля, в Царские дни, традиционно прошла благотворительная поездка паломников Среднеазиатского митрополичьего округа по святым местам Урала. Впервые в рамках фестиваля Царских дней в Екатеринбурге епархиальный отдел по культуре «Сретень» представил спектакль-концерт «Мир души семьи Романовых». Автором проекта выступил режиссер-постановщик Государственного Академического Большого театра им. Алишера Навои, руководитель отдела «Сретень» Андрей Слоним. В спектакле-концерте также приняли участие пианист-концертмейстер театра Людмила Слоним и ведущая солистка театра, лауреат международных конкурсов Рада Смирных.

В июле Катехизаторский и Молодежный отделы епархии начали проводить огласительные беседы перед принятием таинства крещения для слабослышащих и глухонемых людей.

«У нас в столице много верующих людей из числа глухонемых, – говорит протоиерей Сергей Алахтаев, ключарь Свято-Успенского кафедрального собора. – Когда они приходят в храм, то, к сожалению, не чувствуют нашего соучастия, нашей заботы. Мы не знаем, как построить с ними диалог, рассказать о святынях собора, например. Возникает не барьер, а скорее огромная непреодолимая стена. И вот чтобы ее разрушить, мы решили начать с огласительных бесед».

Огласительные беседы проводятся при поддержке профессионального сурдопереводчика из Общества глухих Узбекистана Зои Абдунабиевой.

Ряд торжественных мероприятий прошли 9 августа 2015 года в Ташкенте по случаю престольного праздника северного придела Успенского кафедрального собора, освященного в честь святого великомученика и целителя Пантелеимона. В этот воскресный день были совершены две Божественные литургии, а для пожилых прихожан храма и детей до 12 лет Социальный отдел собора впервые организовал День здоровья. В медпункте Ташкентской духовной семинарии несколько квалифицированных специалистов – эндокринолог, невропатолог, психиатр – вели бесплатные первичные консультации.

Активисты епархиальных молодежного и катехизаторского отделов особое внимание уделили детям, больным лейкемией. На территории соборной площади проводилась благотворительная акция по сбору средств на их лечение: кружок по декорированию организовал благотворительную ярмарку-продажу своих поделок, а волонтеры молодежного отдела обращались за помощью ко всем, кто приходил в этот день в Успенский кафедральный собор.

В начале сентября было торжественно отмечено 25-летие архиерейской хиротонии правящего архиерея Ташкентской и Узбекистанской епархии митрополита Викентия. 2 сентября 1990 года в Христорождественском соборе Кишинева архимандрит Викентий был хиротонисан во епископа Бендерского, викария Кишиневской митрополии, Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

2 сентября в ташкентском кафедральном соборе была отслужена Божественная литургия, которую возглавил митрополит Викентий. В этот день владыку приехали поздравить: митрополит Кишиневский и всея Молдовы Владимир (Кантарян), глава Казахстанского митрополичьего округа митрополит Астанайский и Казахстанский Александр (Могилев), митрополит Вострский Тимофей (Маргаритис) из Иерусалимского Патриархата, митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов), архиепископ Уральский и Актюбинский Антоний (Москаленко), архиепископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт

(Курьянов), епископ Павлодарский и Экибастузский Варнава (Сафонов), епископ Орский и Гайский Ириной (Тафуня), епископ Исилькульский и Русско-Полянский Феодосий (Гажу), епископ Бирский и Нефтекамский Амвросий (Мунтяну), епископ Душанбинский и Таджикистанский Питирим (Творогов), епископ Бишкекский и Кыргызстанский Даниил (Кузнецов), епископ Кокшетауский и Акмолинский Серапион (Колосницин). А также клирики Ташкентской, Бишкекской, Кишиневской и других епархий, многочисленные прихожане ташкентских храмов.

По окончании литургии в адрес митрополита Викентия было сказано много добрых слов и пожеланий, вручены церковные награды. Митрополит Астанайский и Казахстанский Александр также передал в дар Ташкентской епархии образ подвижника XX столетия, служившего в Казахстане, – святителя Николая Алматинского, с частицей мощей святого. В тот же день в Государственной консерватории Республики Узбекистан в честь юбиляра был дан праздничный концерт.

Завершить обзор наиболее важных епархиальных событий за июль-сентябрь хотелось бы сообщением о двух монашеских постригах. 18 августа, в канун праздника Преображения Господня, был совершен монашеский постриг над иереем Алексием Назаровым, клириком Свято-Успенского кафедрального собора, с наречением ему имени Аввакум, в честь ветхозаветного пророка Аввакума. 20 сентября, в канун праздника Рождества Пресвятой Богородицы, ангельский образ сподобился принять насельник Свято-Георгиевского мужского монастыря в городе Чирчике иерей Сергей Башук. Новопостриженный монах был наречен Севастьяном в честь преподобного и богоносного отца нашего Севастиана Карагандинского. Оба пострига совершил митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий.

Александр ГАЛАК

Алексиевский собор Самарканда^{*}

15 октября следующего года исполнится сто лет со дня, когда в Самарканде произошло освящение военного собора во имя святителя Алексия Московского чудотворца. Изначально этот величественный храм задумывался как главный военный собор города. Еще до освящения Свято-Алексиевский собор был принят с Высочайшего соизволения под высокое покровительство наследника цесаревича Алексия¹. Но... многое из того, что в те годы задумывалось и планировалось, как известно, не сбылось. Сначала война 1914 года, а затем и революция 1917 совершенно изменили ход событий. Свято-Алексиевский собор оказался последней постройкой в ряду православных храмов, возведенных в царское время в Туркестане. Попытаемся восстановить историю тех дней от начала.

Строительство собора

В 1868 году в центре самаркандской цитадели был возведен первый православный храм – во имя святого великомученика Георгия Победоносца. Эта постройка оказалась недолговечной. Через десять лет храм стал разрушаться.

Тогда, по существующему порядку, во всех Туркестанских стрелковых бригадах и Закаспийских стрелковых батальонах существовали свои походные церкви. Но эти церкви, сопровождавшие полки в военное время, были громоздкими и маломестительными. Они перевозились в составе обозов и были очень неудобны для совершения богослужений. Позже было решено в местах постоянного квартирования воинских частей возводить гарнизонные или полковые храмы.

В 1882 году на площади напротив Военного собрания за десять месяцев выстроили новую Свято-Георгиевскую церковь. С 1890 по 1899 годы в Самарканде, стараниями генерал-губернатора графа Н.Я. Ростовцева, были построены еще две военные

^{*} Благодарю за помощь в написании этой статьи свою супругу Елену Ларину, старшего научного сотрудника Самаркандского областного краеведческого музея Светлану Жукову и художника Рамазана Халикова.

церкви. На привокзальном участке – во имя святого Николая Чудотворца и в военном лагере при 2-м Уральском казачьем полке – во имя святого благоверного князя Александра Невского. Первая из них была выстроена попечением железнодорожного ведомства, а вторая – военно-инженерным ведомством.

В 1888 году возникает вопрос о строительстве в Самарканде главного городского собора на 1500 душ². Городские власти планировали построить Софийский храм, превосходящий своими размерами и высотой все строения города. У этого собора должно было быть два придела – один во имя Георгия Победоносца, а другой – во имя святителя Николая Чудотворца. В 1890 году из Одессы был прислан план собора, составленный академиком архитектуры С. Толвинским. В 1899 году был представлен еще один проект, выполненный академиком архитектуры А.И. фон Гогеном. В нем были использованы мотивы среднеазиатской традиционной архитектуры. Еще одна новаторская для того времени идея – выстроить этот собор из бетона.

Очень долго специалисты не могли определиться с местом под постройку такого большого сооружения; изыскания и пробы производились в разных местах города в течение нескольких лет. В итоге место для Софийского собора было выбрано на возвышенности в Ивановском парке (ныне «Парк Озеро»). Был создан специальный комитет, а также собраны огромные по тем временам средства (250 000 рублей) и закуплены все необходимые стройматериалы. В сентябре 1912 года Самарканд посетил только что назначенный на Туркестанскую кафедру архиепископ Иннокентий (Пустынский) и совершил чин освящения закладки собора.

Но всем этим планам так и не суждено было осуществиться.

В городе постепенно растет количество православных храмов. В 1903 году на территории Самаркандского гарнизона, в здании казармы 12-го Туркестанского стрелкового полка, устраивается полковая церковь в честь праздника Вознесения Господня³. Начинают появляться и не военные храмы. В 1904 году в здании новой женской гимназии на Абрамовском бульваре была освящена церковь во имя священномученика Анфима, епископа Никомидийского. А в 1905 году завершилась постройка церкви Покрова Божией Матери*. Но, несмотря на это, священство в своих отчетах постоянно сообщает о том, что храмы переполнены и в них не хватает места для всех молящихся. Острая нехватка ощущалась не только в храмах, но и в священниках. В 1900 году при военной церкви во имя Георгия Победоносца на 1500 воинских чинов и 3000 душ православных обывателей состоял всего один священник.

В 1900 году военный министр А.Н. Куропаткин составил на Высочайшее имя доклад с предложениями по улучшению быта нижних чинов. В нем, в том числе, отмечалось:

...Представляется необходимым изыскать средства для постройки церквей при всех частях войск, в которых по штату положены священники, и для расширения существующих войсковых храмов, для чего необходимо разработать тип военной церкви, хотя бы барачной системы, но поместительной и недорогой, чтобы изысканием для постройки церквей средств не пришлось откладывать удовлетворение этой насущной нужды⁴.

* О Покровском храме см.: Галак А., Ларина Е. Самаркандский храм Покрова Божией Матери // ВС, 2015, № 2 (XXXVII). С. 33–41. (Прим. ВС.)

На докладе собственною Его Императорского Величества рукою было написано: «Дай Бог в скором времени удовлетворить религиозные нужды войск, что Я считаю делом в высокой степени важным. 23 января 1900 года».

После этого, по Высочайшему повелению от 23 января 1900 года, при Главном Штабе была учреждена особая комиссия под председательством члена Военного Совета, генерала от инфантерии графа Татищева, при участии протопресвитера военного и морского духовенства и представителей от Главного Штаба, Главного Инженерного Управления и Высочайше учрежденной при Военном Совете комиссии по постройке казарм, а также других лиц, для обсуждения вопросов, касающихся удовлетворения религиозных нужд войск и для поднятия их религиозно-нравственного воспитания. Комиссией был разработан типовой проект образцовой военной церкви, отвечающий всем требованиям вместительности и экономичности сооружения.

Этот проект был разработан военным инженером Федором Михайловичем Вержбицким. Выпускник Петербургского строительного училища, Вержбицкий был специалистом по железнодорожному и казарменному строительству, состоял членом Комиссии по устройству казарм при Военном совете Военного министерства России. Его проект образцового храма удостоился Высочайшего одобрения и премии в 500 руб.

Ф.М. Вержбицкий решил поставленную перед ним задачу, заключавшуюся в том, чтобы создать помещение максимально вместительным при наименьших затратах средств. Созданный им тип церкви продолжал направление в церковном строительстве, начатое в первой половине XIX века ведущим архитектором того времени Константином Андреевичем Тоном – автором проекта храма Христа Спасителя в Москве. Проект Ф.М. Вержбицкого творчески сочетал в себе традиции русского храмового зодчества с новейшим развитием строительного дела. С 1 декабря 1901 года было объявлено Высочайшее повеление о строительстве военных храмов по утвержденному образцу. Приказ по Военному ведомству № 37 от 1901 года предписывал планировать вместимость храмов из расчета: для полковых церквей – на 900 человек, а для батальонных – на 400.

В 1902 году проект Ф.М. Вержбицкого попадает в Ташкент, в ведение инженерной дистанции (ведомства, занимавшегося строительством). По типу образцовых воинских церквей по всей Российской империи было построено более 65 храмов. Семь из них – в Туркестане, причем каждый из них имел свои характерные особенности. Первым в Туркестане был построен храм в городе Термезе (1905), после него – в Верном и в Керки (1906), затем в Скобелеве (ныне Фергана, 1907), в Кушке (1908) и в Чарджуе (ныне Чарджоу, 1910). Самаркандский Алексиевский собор был в этом списке последним по времени постройки.

После рождения в июле 1904 года цесаревича Алексея новый собор в Самарканде решено было посвятить свят. Алексею Митрополиту Московскому. На строительство была собрана значительная по тем временам сумма – 150 000 рублей⁵. Собор был построен, в том числе, на пожертвования государыни императрицы – Александры Федоровны и воинских чинов⁶. Вся постройка собора происходила под наблюдением Благочинного Ташкентских Военно-неподвижных церквей протоиерея А. Маллицкого⁷.

Во многих источниках об истории постройки Самаркандского собора свт. Алек-

сия допускается неточность: архитектором собора называют Ф.В. Смирнова, и даже на соборной мемориальной доске значится его фамилия. На самом деле автором изначального проекта, как уже сказано, был Ф.М. Вержбицкий, а военный инженер-строитель Ф.В. Смирнов, по всей видимости, адаптировал его проект к местным условиям и внес поправки. Сам Смирнов – выпускник Николаевской Инженерной академии Санкт-Петербурга 1901 года, которую он закончил по 1-му разряду в звании капитана и за отличные успехи в науках был переведен в военные инженеры. После этого в 1902 году его переводят в Туркестан на должность обер-офицера Ташкентской инженерной дистанции. К 1913 году он дослужился до должности делопроизводителя по строительной части окружного управления по квартирному довольствию войск Туркестанского военного округа в чине подполковника, а затем и полковника. В 1916 году его переводят служить из Ташкента в Семиреченский округ.

Руководителем строительства Алексиевского собора был назначен капитан ведомства Самаркандской инженерной дистанции Виктор Андреевич Войцехович, тоже военный инженер-строитель. Окончив сначала военное училище, а затем Санкт-Петербургскую военную Академию с отличием, он прошел в той же Академии еще дополнительный курс обучения, получив звание военного инженера-строителя.

Новый собор строился на территории квартала, полностью занятого Штабом и военным гарнизоном, на углу пересечения улиц Николаевской и Ростовцева (ныне – Абдурахмона Джами и Бабура мирзо), рядом с церковью 12-го Туркестанского стрелкового полка. Эта была походная полковая церковь Вознесения Господня, размещавшаяся в одном из казарменных зданий военного гарнизона с 1903 года и вмещающая до 300 человек. Точная дата окончания строительства Алексиевского собора нам не известна, но в справочном издании города Самарканда за 1914 год в перечне действующих православных храмов он еще не фигурирует. Рядом с собором по улице Ростовцева было построено капитальное здание для благочинного всех военных церквей Самаркандской области («Архиерейский дом»). Это здание сохранилось до нашего времени, сегодня в его стенах располагается военная прокуратура.

Алексиевский собор создан в формах неорусской архитектуры, однако в нем нет той перегруженности деталями, которая встречается в других церквях, выстроенных в этом стиле. Изнутри церковь решена в виде большого и высокого зала, без опор и колонн, что создает впечатление простора и величия. С северной и южной сторон алтаря расположены по одному вспомогательному помещению, пономарка и ризница. С западной стороны собора – главный вход, по бокам которого тоже находятся два небольших помещения (сейчас там располагаются воскресная школа и кухня). Через кухню проходит лестница, ведущая наверх, по ней можно попасть на хоры и на колокольню. Хоры очень просторные и способны вместить до 60 человек (певчих), акустика в соборе прекрасная. С западной стороны возвышается восьмигранником колокольня и над нею шатер с луковичным куполом. Восьмигранный барабан над алтарем покрыт сомкнутым сводом. Свод окаймлен снаружи двумя рядами декоративных кокошников и увенчан небольшой луковичной главкой. Гладь стен оживлена только плоскими лопатками, узкими высокими оконными проемами и глухими плоскими арками. Более нарядны боковые фасады. Сдвоенные высокие арочные окна объединяются резными декоративными полуколоннами⁸.

Отдельно следует сказать о покрытии полов. Возглавляя постройку собора, В.А. Войцехович предложил сделать в храме полы из специальной высокопрочной плитки, похожей на керамическую. Цементные квадратные плитки заливались сверху специальной цветной каменной жидкой массой.

На строительство здания собора ушло несколько лет. Изначально собор святителя Алексия предназначался для квартировавшего в Самарканде 5-го Туркестанского стрелкового полка, но пока он строился, ситуация изменилась. С 1914 года этот полк был откомандирован из Самарканда для участия в военных действиях. За время отсутствия стрелкового полка строительство собора было закончено, однако церковь так и стояла неосвященной.

22 июля 1916 года Туркестанским генерал-губернатором был назначен А.Н. Куропаткин. В сентябре 1916 года он посетил Самарканд. Зайдя во время объезда города в Алексиевский собор, он дал указание освятить его. Спустя 25 дней после его посещения, 2 октября 1916 года, собор был освящен.

Церковь была временно передана «на баланс» 731-й Саратовской дружины, квартировавшей в Самарканде. 4 января 1917 года начальник штаба Туркестанского Военного Округа генерал-лейтенант Николай Николаевич Сиверс писал главе военного и морского духовенства протопресвитеру Георгию Иоанновичу Щавельскому:

В городе Самарканде, с вашего разрешения, освящена 2-го октября 1916 года вновь построенная на средства Туркестанского окружного управления, по квартирному довольствию войск, церковь во имя Святителя Алексия, Московского Чудотворца, принятая, с Высочайшего соизволения, под высокое покровительство Его Императорского Высочества – Наследника Цесаревича Алексия Николаевича. С начала постройки эта церковь предназначена была для квартирующего в городе Самарканде 5-го Туркестанского стрелкового полка с тем, чтобы она служила и гарнизонным собором, в котором могли бы совершаться торжественные богослужения в великие праздники и Царские дни, с парадами войск всего Самаркандского гарнизона. О таком предположении было сообщено Вашему Высокопреподобию в письме Командующего войсками округа от 30-го января 1914 года за № 1582. Испрашиваю согласия Вашего на передачу вновь построенной Алексиевской церкви 5-му Туркестанскому стрелковому полку по возвращении его с театра военных действий, а Георгиевскую церковь названного полка – 12-му Туркестанскому стрелковому полку, так как имеющаяся у этого полка церковь помещается в казармах с земляною крышею и пришла в полную ветхость. В настоящее время вновь построенная Алексиевская церковь временно передана в 731-ю Саратовскую дружину, квартирующую в городе Самарканде, и обслуживается священником Епархиального ведомства, назначенным Его Преосвященством Епископом Туркестанским и Ташкентским – Архиепископом Иннокентием (Пустыньским), а Георгиевская церковь 5-го Туркестанского стрелкового полка, по ходатайству господина Военного Губернатора Самаркандской области, с разрешения Командующего Войсками Округа, передана временно, до окончания войны, в Епархиальное ведомство для обслуживания гражданского населения города Самарканда⁹.

Однако вплоть до октябрьского переворота статус церкви так и оставался неопределенным. Об этом можно узнать из письма протопресвитеру Щавельскому Командующего войсками Туркестанского военного округа от 28 июня 1917 года:

О предполагаемой передаче новой Алексиевской церкви по окончании постройки 5-му Туркестанскому стрелковому полку были осведомлены и Вы в письме бывшего Командира войсками генерала Самсонова от 30-го января 1914-го года за № 1582. После освящения Алексиевской

церкви по приказанию бывшего Командующего войсками Генерала Куропаткина, Начальник окружного штаба в письме от 4-го января 1917-го года за № 482 входил с ходатайством к Вашему Высокопреподобию о передаче вновь построенной и освященной Алексиевской церкви 5-му Туркестанскому стрелковому полку, по возвращении его с театра военных действий. Как мне известно, начальник Самаркандского гарнизона в отношении на Ваше имя от 13-го января 1917-го года за № 106 ходатайствовал, помимо моего на то согласия, об открытии отдельного штата причта при Алексиевской города Самарканда церкви, с наименованием ее гарнизонной, и о выдаче в эту церковь всех церковных книг для ведения церковной отчетности, а также и о выдаче разрешения на изготовление церковной печати. Ни на чем не обоснованное ходатайство Начальника гарнизона побуждает меня вновь подтвердить перед Вашим Высокопреподобием возбужденное ходатайство о передаче Алексиевской церкви 5-му Туркестанскому стрелковому полку по возвращении его с театра военных действий.¹⁰

Вопрос о принадлежности церкви так и не был решен. Через четыре месяца с небольшим в России установилась власть большевиков.

Алексиевский собор разделил участь большинства храмов, построенных до 1917 года. Какое-то время он оставался действующим. В 1924 году в Самарканд проникает обновленчество. Настоятелем Алексиевского собора становится обновленческий протоиерей Мефодий Авдашкевич, выпускник Санкт-Петербургской Духовной Академии 1888 года, где он учился на одном курсе с будущим святейшим Патриархом Тихоном (Беллавиным). В 1927 году отец Мефодий, уже в качестве настоятеля Алексиевского собора, встречает приехавшего в Самарканд обновленческого митрополита Александра Введенского¹¹.

27 марта 1929 года на заседании президиума Самаркандского горсовета было зачитано ходатайство о передаче Алексиевского собора под дом физкультуры. А 16 февраля 1930 года, по ходатайству рабочих типографии № 3, ЦИК республики подтвердил решение президиума горсовета о закрытии Алексиевского собора. Горместхозу было поручено срочно снять все колокола с церковью города и

создать комиссию для немедленного закрытия Алексиевского собора и составления описи на его имущество. Ввиду того, что на Алексеевскую церковь имеется ряд претендентов и что Совету не совсем ясно, кто и под какие цели мыслит ее использовать, какие средства имеет на ее переоборудование, вопрос о закреплении указанной церкви оставить открытым¹².

Некоторые из прихожан успели спасти небольшое количество икон и прятали их потом в своих домах. Впоследствии некоторые из этих икон оказались в церкви Покрова Божией Матери и в подвалах-запасниках Самаркандского музея истории и культуры. Одна из спасенных старых икон – большая икона Спасителя – спустя 60 с лишним лет вернулась в собор после его возвращения.

После закрытия собора здание его было превращено в танцевальную площадку, потом в столовую, потом в спортзал, в 1970-е – в клуб авиационного полка, склад... В августе 1980 года авиационный полк покидал стены гарнизона. В течение недели солдаты грузовиками вывозили имущество полка на вокзал, где стоял эшелон. Вывозили все что могли, даже выкапывали кусты роз. Последний начальник клуба вывез в неизвестном направлении старинное паникадило, еще остававшееся в соборе, приблизительно тогда же пропали и настенные канделябры...

Восстановление Алексиевского собора

Новая история собора началась 17 декабря 1988 года. Тогда жительница Самарканда, хирург-онколог, инвалид 2-й группы Евдокия Николаевна Дудина написала письмо епископу Ташкентскому и Среднеазиатскому Льву (Церпицкому, ныне – митрополит Новгородский и Ладожский):

...В Самарканде построено из жженого кирпича огромное стройное здание бывшего Алексиевского собора, где ныне расположен военный клуб. Вот что меня привело написать Вам. Я родилась в Самарканде, крестилась в Покровской церкви. Мои мама с папой повенчаны были в Алексиевском соборе 29-го января 1917-го года. У меня есть подлинная справка, выданная маме 2-го января 1929-го года с церковной печатью и подписью протоиерея А. Пинегина и протоиерея Т. Гурова...

Далее Евдокия Николаевна просила епископа Льва ходатайствовать о возвращении храма верующим. А в январе 1990-го она же пишет второе письмо владыке Льву о том, что самаркандские студенты собрали более двухсот подписей в пользу открытия собора. Спустя какое-то время количество подписей увеличилось до 368. В другом письме православные города Самарканда обращались к депутату Верховного совета Узбекской ССР В.И. Криворучко с просьбой ходатайствовать о регистрации общины православных христиан, открытия счета и передаче верующим здания Алексиевского собора¹³.

20 июля на Ташкентскую и Среднеазиатскую кафедру был назначен епископ Владимир (Иким, ныне – митрополит Омский и Таврический), который энергично поддержал обращение самаркандских верующих. 17 сентября 1991 года на адрес епархиального управления пришла выписка из решения 9-й сессии Самаркандского горсовета народных депутатов:

Учитывая просьбы верующих, общественности города Самарканда и архиепископа Ташкентского и Среднеазиатского Владимира, передать Алексиевский собор в ведение архиепископа Ташкентского и Среднеазиатского для использования его по назначению».

Принятию этого решения содействовали усилия благочинного Самаркандского округа Георгия Хорунжего, народных депутатов Республики Узбекистан Н.Н. Якубова, В.А. Тараника, В.И. Криворучко и Архиепископа Ташкентского и Среднеазиатского Владимира. Его встречи с Президентом Узбекистана И.А. Каримовым решили исход дела.

Здание собора было отдано церкви. Но в каком виде... Отсутствовали купола и каменное крыльцо главного входа, иконостас и паникадило, иконы и кресты и многое другое.

Вспоминает первый настоятель и восстановитель Алексиевского собора отец Виктор Панченко:

После возвращения Алексиевского собора верующим (а сбор подписей и ожидание решения городских властей заняли три с половиной года) меня назначили старостой и руководителем вос-

становления храма. Было это в 1991 году. Через год я был рукоположен владыкой Владимиром в сан диакона, а в 1993 году – в иерея.

Расскажу о чуде, которое произошло буквально в первые дни восстановления собора. Когда нам все-таки вернули его, мы отправились туда. Двери собора были наглухо заколочены. С трудом открыв их, мы были потрясены – все помещение храма было изгажено (в буквальном смысле слова), стены «расписаны» нецензурной бранью... Потолок разворочен, стекла выбиты, кресты в оконных чугунных решетках спилены, лепные тяги разбиты, пристроены какие-то нелепые бетонные перегородки. В алтаре раскиданы изгаженные матрацы, повсюду кучи головешек от костров... У меня полились слезы... Я почувствовал, что ничего не смогу сделать... Ведь для того, чтобы хотя бы очистить храм от следов вандализма, нужны средства и рабочая сила, чего у меня не было... Но тогда поначалу ни епархия, ни кто бы то ни было не дали практически ни копейки на восстановление собора. Меня поддержала только сестра Ксения – старица, подвизавшаяся до этого в Покровском соборе, а потом попросившая у благочинного благословения послужить в Алексиевском соборе и жить в нем. Она выбрала для себя место в маленькой келии у западного входа. Мы наспех очистили для нее эту комнату, и Ксения стала день и ночь молиться и читать акафисты. И к нам потянулись люди. Сначала пришли несколько школьников, живших по соседству, и предложили помощь в расчистке храма от мусора. Однажды мы разбирали кирпичную перегородку под хорами. Я ушел за какой-нибудь едой для них. А возвратившись, застал их сидящими снаружи храма. Ребят колотила дрожь. Они категорически отказывались вернуться в храм. На все мои вопросы они поначалу не хотели отвечать. Спустя некоторое время самый старший из них рассказал о том, что произошло. Когда ребята расковыривали эту перегородку (а сделали ее уже в советское время, когда храм был превращен в гарнизонный клуб) – работа двигалась очень медленно. Дети, понятное дело, устали. И вдруг из пыли, клубившейся над ними, возник силуэт высокого старца в черном одеянии и клобуке. Он как бы парил над полом.... Старец этот обратился к ребятам со словами: «Отдохните, отроки, я вам помогу». Дети испуганно сбились в кучку. Тут раздался грохот... А когда они раскрыли свои глаза, то ни старца, ни стены уже не было. Только на полу лежали глыбы разрушенной стены. Они в страхе выбежали из храма. Когда я вошел в собор, то увидел, что дети говорили правду. По моим расчетам, мы эту стенку должны были разобрать дня за два или три, а тут за какие-то полчаса, что меня не было. Тут и я задумался и укрепился в вере, что Господь ведет нас.

Параллельно с работой по восстановлению храма я служил в Покровском соборе, а затем и в Георгиевском храме, и еще служил молебны в Алексиевском соборе. Кроме этого я бегал по разным инстанциям, фабрикам и организациям, вымаливая средства и материалы. А время было сложное, тогда массово уезжали русскоязычные жители города, останавливались цеха на заводах и фабриках, обесценивались деньги. И только вера помогала мне и спасала от отчаяния. Все приходилось решать самому. Каждый мой день тогда начинался с визитов к директорам заводов и предприятий. Кто-то помогал нам материалами, кто-то деньгами (кстати, среди жертвователей были и мусульмане), а кто-то, и таких было большинство, откровенно посылали нас куда подальше.

Около трех лет мне не давали разрешения на то, чтобы добиться документального закрепления за Алексиевским собором собственной территории. А еще я регулярно получал анонимные письма с угрозами – видимо, возрождающийся православный собор, да еще в самом центре города, был для кого-то как кость в горле. Слава Богу, меня духовно поддерживал и укреплял архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир. В тот период в храме совершенно не было икон, и я пошел в городской музей истории и культуры. Там мне с большим трудом удалось выпросить несколько старинных икон. Одну из них – большую икону Спасителя «Верховный Архиерей» я отреставрировал, эта икона, когда-то находившаяся в этом самом храме, теперь вернулась. Я сам также написал для собора несколько небольших образов, в том числе и святителя Алексия (по Дионисию) для аналоя. Самаркандские скульпторы Нодар Бандзеладзе и Анзор Бердзенишвили сделали эскизы креста на купола. А модель и отливку сделали уже на заводе «Красный двигатель», и притом безвозмездно, в качестве благотворительной помощи. Ограду для собора, используя

элементы прекрасно сохранившихся декоративных решеток окон, выковал за чисто символическую плату мой ныне покойный однокашник по изостудии А.В. Лариной – Владик Григорян.

Так как высота потолка была приличная, а потолочное перекрытие нужно было реставрировать, то мы со знакомым инженером с «КИНАПА» придумали конструкцию на колесах. Она охватывала всю ширину потолка одновременно. Для этого я выклянчил у главного инженера аэропорта старую, списанную тележку для трапа самолета. Затем мы наварили на нее конструкцию по нашему чертежу и прозвали эту машинку «самолетом». Она действительно напоминала самолет, парящий под потолком храма. Ее легко могли перекачивать несколько человек. Таким образом, мы облегчили себе работу над потолком и стенами.

Одним из первых художников, с кем мы вместе начинали росписи в алтаре, был мой товарищ, самаркандский живописец Алексей Щербаков. Им были написаны Архангелы Михаил и Гавриил и Спас Нерукотворный. Тогда перед нами стояла непростая задача, выбор художественного стиля. К большому сожалению, никаких фотографий или архивных документов, указывающих на то, как именно выглядел интерьер собора или иконостас, мы не обнаружили. В итоге решено было взять за основу классическое письмо XV–XVI веков. Моим друзьям – Олегу Енину и Жене Коношенко, прекрасным художникам, я предложил написать иконы для иконостаса. Первой работой Жени была копия с иконы Андрея Рублева «Спас в силах», для запрестольного образа. Этот образ она писала на большом листе ДВП.

Приблизительно в это же время Олегом Ениным были написаны два трубящих ангела на стене под потолком, по правую и левую стороны арки, ведущей в алтарь. А на стене, противоположной алтарю, на хорах они вместе сделали рисунок на всю стену под роспись «Воскресение Христово». Они очень ответственно отнеслись к работе в соборе, а Олег, вдобавок к этому, был еще моим водителем, причем безвозмездно. В свободное от его работы время мы с ним ездили вместе по предприятиям, вымаливая средства, как могли¹⁴.

Первая Литургия в возвращенном храме состоялась 25 февраля 1992 года. С иконой святителя Алексия процессия прошла крестным ходом через весь город до собора, в основном это были бабушки. Возглавлял крестный ход благочинный, вместе с ним шли отец Димитрий – настоятель храма св. Георгия и пономарь Роман (в будущем протоиерей и благочинный). Встречал эту процессию отец Виктор, стоя в дверях Алексиевского собора. Потом тремя священниками была отслужена Литургия. Причащение прихожан и детей происходило на фоне разоренного храма. А после службы был совершен благодарственный молебен Святителю Алексию – святому покровителю собора, и читался ему же акафист. Все стояли с зажженными свечами и молились. Впервые за много лет в соборе вновь затеплилась жизнь.

В 1994 году отец Виктор покинул пределы епархии, и художественно-реставрационные работы в соборе возглавили супруги Олег Енин и Евгения Коношенко. Оба закончили в 1981 году Ташкентский театрално-художественный институт имени А.Н. Островского. Они изучали образцы древнерусского церковного искусства, потом разрабатывали эскизы. Так как все попытки выяснить, как именно прежде выглядели иконостас и внутренний вид собора, оказались безрезультатными, все пришлось начинать с нуля. Пропорции и конфигурация иконостаса были разработаны заново. Очень тщательно отбирались образцы для написания икон. Было принято решение делать трехъярусный иконостас. Первый ряд – местный, второй – праздничный и третий – апостольско-пророческий. Предстоящий план живописных работ был откорректирован и одобрен владыкой Владимиром.

Позволю себе поделиться и собственными воспоминаниями. Меня позвали ра-

ботать в собор в конце 1994 года. Помещение внутри было еще сильно израненным. Посреди всего возвышался знаменитый «самолет». Помимо художественных работ в храме велись еще и строительные. Сербские строители только закончили штукатурные работы. Сам храм чем-то напоминал большой муравейник. Каждый занимался своим делом. Производилась замена обветшавших фрагментов потолочного покрытия, одни работали на крыше, другие восстанавливали крыльцо, третьи делали забор. В храме одновременно работало около 30 человек – сварщики, художники, плотники, каменщики. Самаркандские, простые ребята: братья Владимир и Сергей Кулаковские, братья Виталий, Иван и Вячеслав Капитоновы, Алексей Гордеев и Алексей Пицин. Мастер-отделочник, дядя Саша, восстановил все изуродованные тяги и лепнину в алтаре, а затем и по всему помещению собора. Под хорами стоял длинный стол, за который садились обедать все разом.

В этот период жизни храма все организационные и административные вопросы решались матушкой Людмилой Улановой и ее верной соратницей – тетей Галой Сергеевой. Всех работающих нужно было накормить и оплатить их труд. Найти нужные материалы и решить массу сопутствующих проблем. Но, на удивление, дело продвигалось без задержек. В центре алтаря стояли строительные леса под самый купол. Свод уже был расписан. Евгения Павловна Коношенко разработала эскизы для орнаментальной росписи стен алтаря. Для осуществления этой работы к ней примкнули молодые художники – сначала Сергей Зотов, а за ним я и Василий Овсяков. Пока мы делали орнаментальную роспись, Евгения Павловна написала двух серафимов. По ее же эскизам был сделан иконостас. Андрей Александрович Игнатов красиво, профессионально и быстро вырезал из сосны весь иконостас с орнаментами, царскими вратами и кружевным крестом, венчавшим всю композицию. После этого им были также исполнены и оба клироса.

Закончив росписи в алтаре, мы дружно взялись за подготовку досок для иконостаса. Прямо посреди храма напилили ДСП по размеру икон (другого материала у нас не было). Конечно же, мы старались все подготовительные работы сделать так, как это делалось старыми мастерами. Изучив соответствующую литературу, мы оклеивали, обтягивали марлей и грунтовали доски. Затем подготовленные, залевкашенные доски заняли свои места в иконостасе. Царские врата тогда еще не были расписаны, и дьяконские двери тоже. Первые иконы, которые были написаны для иконостаса, – Богоматерь «Донская» и «Господь Вседержитель». Писала их Евгения Павловна. Тогда же мы поставили в алтаре самодельные мольберты и сели лицом к горнему месту писать иконы. Василий начал писать архангелов на дьяконских дверях, мне дали писать икону «Благовещение», а Сергею Зотову – образ Богоматери «Умиление». Для всех нас эта работа была еще новой, ведь иконопись – это особый вид творчества, со своими законами и правилами. Специально иконописи никто из нас не обучался, и поэтому решено было строго держаться образцов. Кисти и масляные краски для этой работы освятил сам владыка Владимир.

Помню, как только в первый день мы приступили к работе, к нам подошла матушка Людмила и, встав на колени возле моего мольберта лицом к горнему месту, стала горячо, со слезами, молиться.

Это была довольно сложная задача – сразу взять и написать образ. На удивле-

ние, работа шла довольно гладко, нас никто не подгонял, и в результате мы писали практически без переделок. Следом за «Благовещением» мне дали писать образ Успения Божией Матери по Феофану Греку, а за нею – Рождество Господне и Крещение Господне. Василий Овсяков написал «Преображение Господне» и «Вознесение Господне». Александр Жмайло написал икону «Вход Господень в Иерусалим», Лада Зикеева – «Введение во храм Богородицы». Главной задачей было написать образы для иконостаса и алтаря, а потом уже для основного помещения собора. Пространство интерьера собора долгое время оставалось практически незаполненным.

В июле 1996 года в Алексиевский собор назначили нового батюшку – отца Александра Поряева. Отец Александр родился в Самарканде. В юности он вместе со своим другом Георгием начинает ходить в церковь, и они оба становятся пономарями у отца Димитрия в Свято-Георгиевском храме. В ноябре 1993 года владыка Владимир рукоположил Александра в самаркандском Покровском соборе в сан диакона. Своим телосложением он напоминал русского богатыря, всегда выглядел бодрым и жизнерадостным. Вместе с ним в соборе служил певчим будущий священник – отец Олег Цветков. Отец Александр умел говорить с людьми и обладал способностью решать проблемы легко и быстро. Он никогда не сидел на месте, и казалось, что все успевал: и встречался с руководителями предприятий, и совершал требы.

При нем были сделаны и установлены луковки куполов над алтарем и колокольной. Эта работа заняла много времени и сил. Сначала, по эскизу, сварщики сварили каркасы под луковки. Потом решили покрыть купола медными листами. За эту работу взялся Владимир Рогов. Он делал различные выкройки и расчеты и сам после многочисленных проб нашел решение этой задачи. Еще при отце Александре провели отопление и обложили красивым розоватым мрамором панели собора. Цвет и рисунок мраморных плит он выбирал вместе с Евгенией Павловной.

Почти одновременно с назначением отца Александра, в соборе прошел слух о том, что в Самарканд собирается приехать сам Патриарх Алексий. Сначала эта новость казалась невероятной, но... Выяснилось, что в ноябре епархия готовится к празднованию своего 125-летия. Впервые глава Русской Православной Церкви собирался посетить Среднюю Азию и в частности – Самарканд. Стали думать, как его встречать. Хотелось больше успеть сделать к приезду Патриарха. Мы тогда уже знали, что сам Патриарх Алексий будет освящать наш собор, а это требовало соответственной подготовки. В алтаре поставили новенький престол для освящения, сделали царские врата, и над ними Евгения Павловна написала образ «Тайная вечеря». Кроме этого для иконостаса были написаны практически все иконы праздничного и местного рядов. Установили луковку с крестом над алтарем. Из Ташкентского Кафедрального собора владыка Владимир прислал старое красивое паникадило. Отец Александр закупил для храма новую утварь. Из Покровского собора благочинный подарил старинные иконы святых – преподобного Серафима Саровского, святителя Николая и великомученика Пантелеимона.

Более четырех месяцев шла подготовка к приезду Святейшего. Накануне его визита, всю ночь, рабочие доделывали крыльцо главного входа и обкладывали его мрамором.

13 ноября, в день приезда Патриарха Алексия, в Самарканде под утро выпал снег.

В самом соборе было не протолкнуться. Собралось столько людей, как ни до, ни после этого события. Всем хотелось увидеть Патриарха. На хорах пел епархиальный хор. Собравшиеся в храме люди оборачивались то в сторону певчих, то в сторону алтаря. Служба совершалась особым чином. Патриарх возглавил освящение престола и всего храма. Процессия торжественно и чинно прошла по окружности собора, и кисточкой на длинном шесте помазывали крестообразно стены, почти под самым потолком. Святейший возгласил: «Возьмите врата князи ваша, и возमितесь врата вечныя, и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь сил, Той есть Царь славы». И вокруг стен собора пошел крестный ход. Патриарх, архиереи и духовенство в праздничных, сверкающих ризах, за ними людская река. Вместе с Патриархом в Самаркандском соборе молились архиепископ Солнечногорский Сергей, архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир, архиепископ Тамбовский и Мичуринский Евгений, архиепископ Алматинский и Семипалатинский Алексей, епископ Чимкентский и Акмолинский Елевферий. После службы Патриарх обратился со словом ко всем присутствующим с амвона:

Я с особым чувством волнения совершал сегодня чин освящения этого храма в честь моего Небесного покровителя, имя которого я ношу в своем монашеском постриге. Я рад был сегодня совершить Богослужение в древнем городе Самарканде... Я хочу напомнить вам всем слова апостола Павла, который в одном из своих Посланий говорит: «Братия, стойте в вере»...

Святейший Патриарх даровал собору на престольное Евангелие и икону святителя и Чудотворца Алексия, митрополита Московского. Настоятель собора священник Александр Поряев преподнес в дар Первосвятителю ковер ручной работы, выполненный самаркандскими мастерицами.

Первая Пасхальная служба в возрождающемся соборе состоялась в 1997-м году. Храм был полон людьми, и все радовались тому, что наконец-то, после большого перерыва, Алексиевский собор ожил. Совершал службу отец Александр. Как потом оказалось, это была его первая и последняя пасхальная служба: летом того же года он поехал в отпуск, а в августе в Самарканд передали трагическую весть о том, что 10-го числа на одной из дорог России отец Александр и Владимир Рогов погибли: их «жигуленок» столкнулся со встречной машиной...

На время все работы по храму приостановились. Почти год за собором присматривал Сергей Зотов. По праздникам и воскресеньям приходил служить священник из Георгиевского храма и друг отца Александра, отец Георгий Федченко. На пасху следующего, 1998 года из Ташкента приехал служить протоиерей Михаил Котляров. Но, конечно же, всем хотелось, чтобы в соборе был свой, постоянный батюшка. С 1 августа 1998 года настоятелем собора был назначен молодой иерей, выпускник Ташкентского Духовного училища отец Роман Загребельный. Так как Алексиевский собор простоял целый год без настоятеля, накопилось множество нерешенных вопросов, были и задолженности. Несмотря на то, что новый священник еще не имел опыта работы, ему довольно быстро удалось наладить и организовать жизнь на приходе. Вокруг него сплотилась группа единомышленников. Отец Роман брался за любую работу. Он горел желанием больше сделать и старался, не жалея своих сил.

При отце Романи была завершена роспись иконостаса и начата роспись на хорах

«Воскресение Господне». Самые профессиональные по письму иконы были созданы Евгенией Павловной Коношенко: это образы на иконостасе – Иоанна Крестителя, пророков Даниила и Иеремии, святителя Николая и, конечно же, образ самого святителя Алексия, митрополита Московского. На клиросах были написаны образы Троицы и Воскресения Господня. На территории возле собора выстроили подсобные помещения, разбили сад. Да и сама территория была расширена – отец Роман добился, чтобы к ней прибавили участок земли. На колокольне, под звонницей, был произведен капитальный ремонт. В августе 2003 года собор посетили высокие гости – два президента в сопровождении митрополита Владимира: Президент Узбекистана И.А. Каримов и Президент России В.В. Путин¹⁵.

В 2000 году настоятель Самаркандского Покровского собора покинул Среднеазиатскую епархию, и до июня 2006 года отец Роман становится настоятелем сразу двух храмов, неся двойную нагрузку.

Следующим настоятелем после отца Романа стал иерей Игорь Бабаков, также выпускник Ташкентской Духовной семинарии. Это было первое его назначение, ему надо было вникнуть в особенности служения в соборе, собрать новый коллектив работников. Поначалу помогали друзья, знакомые и родные, а со временем собрался очень хороший и слаженный коллектив. Многие люди впоследствии трудились и помогали храму, но хочется отметить хотя бы некоторых из них. Одной из первых пришла работать Нина Михайловна Чудинова – прекрасный повар, очень чуткий, скромный и добрый человек. А еще все эти годы незаменимым помощником настоятеля, певчей и преподавателем воскресной школы является Евгения Борисовна Ли. И третий, о ком хочу упомянуть – это Павел Евгеньевич Семин, мастер на все руки и водитель при соборе. Им 12 апреля 2014 года была создана группа Алексиевского собора на «Одноклассниках.ru», сразу ставшая весьма популярной и многочисленной. Инициатива и творческий подход ее создателя делают страницу группы очень интересной и познавательной. На ней освещается как жизнь самого прихода и нашей епархии, так и новости с других православных сайтов. В 2015 году его же стараниями был открыт сайт Свято-Алексиевского собора.

К приходу отца Игоря внутреннее пространство собора было восстановлено и расписан иконостас, но в целом икон в храме было немного и стены практически пустовали. Стараниями отца Игоря для собора было написано много новых, больших икон и продолжались реставрационные работы. Первым делом Анна Сироджева написала поясные образы на обоих клиросах. Позже Еленой Лариной и автором этих строк были написаны образы Покрова Божией Матери, свт. Великомученика Георгия Победоносца, святых Веры, Надежды и Любви и матери их Софии. К 2011 году была создана большая икона «Всех святых в земле Русской просиявших», работа над которой оказалась нелегкой и заняла практически два года. В эту икону вставлен мощевик с частицей святых мощей святителя Никиты епископа Новгородского.

Начиная с 2011 года епархию возглавил митрополит Викентий. Отразилось это и на жизни Алексиевского собора. В Самарканде стали частыми гостями и сам владыка Викентий, и священнослужители, и представители других епархий. Были привезены и выставлены для поклонения в соборе мощи святых: святителя Николая Мирликийского, блаженной Матроны, священномученика Киприана и мученицы Иустиньи...

В феврале 2014 года с восточной стороны от алтаря, на том месте, где должен находиться храмовый образ, была написана и установлена икона святителя Алексия. Образ святителя написан в стиле русской иконописной традиции XV века. Это место в специальной нише многие годы пустовало, и вот теперь, на храмовый праздник, фигура святого наконец заняла его. Супруга отца Игоря, матушка Виктория – регент, организовала небольшой, но профессиональный и прекрасно слаженный хор певчих.

28 апреля 2015 года с западной стороны, под колокольной, на высоте была установлена и освящена отцом настоятелем новонаписанная икона Божией Матери «Нерушимая Стена». Совсем недавно, в мае 2015 года, буквально на несколько часов в собор приехала делегация, в составе которой был священник из Джорданвиля отец Иоанн. Он привез с собою икону святителя Иоанна Шанхайского с частичкой мощей этого святого. Отец Иоанн оставил в дар Алексиевскому собору другую небольшую икону этого святого, освященную на мощах Иоанна Шанхайского.

Отец Игорь служит в Алексиевском соборе по сей день. Постоянно ведется работа по украшению и благоустройству храма и прилегающей к нему территории. Со временем планируется возведение целого комплекса, включающего в себя крещальню и столовую, помещение для воскресной школы, комнаты для гостей и собраний. Впереди – еще много работы...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 806, оп. 5, д. 9886, л. 5.

² См.: Справочная книга Самаркандской области, 1905 год. Издание Самаркандского Областного Статистического Комитета. Самарканд: Типолиграфия «Товарищество Б.А. Газаров и К. Слиянов», 1905. – С. 97.

³ См.: *Цитович Г., свящ.* Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание. Пятигорск: Типолиграфия б. А.П. Нагорова, 1913. – С. 60.

⁴ Цит. по: Там же. – С. 13.

⁵ Там же. – С. 60.

⁶ См.: *Капков К.Г.* Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. – М.: Летопись, 2008. С. 592.

⁷ РГИА. Ф. 806, оп. 5, д. 9886, л. 3.

⁸ См.: *Нильсен В.А.* У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX – нач. XX вв.). Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Г. Гуляма, 1988. (URL: <http://e-samarkand.narod.ru/nilsen.htm>).

⁹ РГИА. Ф. 806, оп. 5, д. 9886, л. 9–11.

¹⁰ Там же. Л. 5–6.

¹¹ См.: *Дорофеев Р.* Храм великомученика Георгия в Самарканде // ВС. 2014. № 1-2 (XXXIII). С. 13.

¹² Самаркандский областной государственный архив. Ф. 6, оп. 1, д. 260, л. 8.

¹³ См.: «Слово жизни». 2012. № 1–2 (306–307).

¹⁴ Письма отца Виктора Панченко, 2014 год. Из личного архива автора.

¹⁵ См.: «Слово жизни». 2003. № 8 (205).

Роман ДОРОФЕЕВ

Закат туркестанского обновленчества и миссия архиепископа Алексия (Палицына) 1943–1944 годов*

В этой статье уже дважды цитировались отрывки из книг А.Э. Левитина-Краснова, в которых общее число обновленческих приходов в Средней Азии на 1944 год определяется числом в девяносто единиц. С легкой руки Александра Эммануиловича эта цифра – «90 приходов» – прочно прописалась в современной исследовательской литературе¹. Но из какого источника он сам почерпнул такую информацию?

Наиболее вероятным будет предположить, что эти сведения исходили от обновленческого митрополита Александра Введенского, у которого Левитин в 1942 году непродолжительное время состоял личным секретарем². Если это так, то нет особой нужды в них сомневаться: Александр Иванович наверняка имел подробную информацию о реальном положении Обновленческой церкви. Однако остается еще один вопрос. Какой именно регион митрополит Александр Введенский называл «Средней Азией»?

И вопрос этот не такой уж праздный, как может показаться на первый взгляд.

Собственно название «Средняя Азия» появилось по историческим меркам недавно, в 1920-е годы, для обозначения Западного Туркестана, бывшего до 1917 года частью Российской империи. Советская Средняя Азия включала, как известно, четыре республики: Узбекскую, Туркменскую, Киргизскую и Таджикскую ССР; а также две автономии – Каракалпакскую АССР (в составе Узбекистана) и Горно-Бадахшанскую область (в составе Таджикистана). В таком виде регион существовал и в 1943–1944 годах, к которым относятся описываемые события.

Но если обратиться к путевым очеркам самого А. Введенского «По Средней Азии» (1927 г.), то получится несколько иная картина. В них Александр Иванович рассказывает, что посетил следующие *среднеазиатские* города: Актюбинск, Кзыл-Орду,

* Окончание. Начало в № 2 (XXXVII), 2015. С. 61–71.

Туркестан, Арысь, Ташкент, Бухару, Чарджуй (Чарджоу), Мерв (Мары), Ашхабад, Самарканд, Фергану и города Ферганской долины, Чимкент, Аулие-Ата, Алма-Ата (Алматы), Пишпек (Бишкек) и т.д.³.

Иными словами, митрополит Александр Введенский *совершенно не отделял* Южный Казахстан от тех республик Средней Азии, которые он посетил. Для него понятие «Средняя Азия» – это среднеазиатские республики плюс, по меньшей мере, южная часть Казахской ССР. В представлении обновленческого первоиерарха регион более-менее совпадает с границами имперского Туркестана (что естественно для человека дореволюционной формации) или же вписывается в популярное определение советского времени «Средняя Азия и Казахстан».

Цифра «90», таким образом, отражала число приходов в Средней Азии и Казахстане (пусть даже и в пределах его южных областей). И такое число официальных обновленческих приходов, если включить в него незарегистрированные общины, было вполне возможным.

Вопрос о географических понятиях и числах можно было бы не поднимать вообще, если бы в последний год существования обновленчества личная судьба митрополита Александра Введенского не оказалась тесно переплетенной с исторической судьбой Среднеазиатской епархии.

28 февраля 1944 года митрополит Александр, с октября 1943 года находившийся в Москве, отправился на прием к председателю СД РПЦ Георгию Григорьевичу Карпову. Во время встречи «первоиерарх» попытался решить несколько важных вопросов, один из которых напрямую касался Среднеазиатского диоцеза:

На встрече с Карповым Введенский также сообщил, что получил телеграмму от «епископа» Гавриила Ольховика, проживавшего в Киргизии, который оставался верен обновленчеству, и спрашивал, какие меры предпринять против перехода приходов в ведение Патриаршей Церкви⁴.

Митрополит Александр попытался согласовать с Г.Г. Карповым назначение владыки Гавриила на Среднеазиатскую кафедру. Но Георгий Григорьевич своего согласия не дал, одоблив только перевод епископа Ольховика на Урал – викарием к обновленческому митрополиту Филарету Яценко⁵.

Встреча с председателем Совета завершилась явной неудачей. Введенскому не удалось установить контроль над приходами Средней Азии и Казахстана. Практически, он уже потерял одну из ключевых епархий.

Впрочем, даже если у митрополита Александра еще оставались какие-то надежды, то им суждено было полностью рассеяться всего через месяц.

В начале весны 1944 года Александр Иванович поехал из Москвы в Ульяновск: навестить жену и недавно родившуюся дочь. Однако после крестин дочери он оказался буквально запертым в городе. Выписанный в Москве Карповым пропуск, обеспечивавший в условиях военного времени свободный проезд между городами, «вдруг» оказался недействительным⁶.

В Ульяновске митрополит Введенский просидел в этой блокаде около недели, а в это время начался лавинообразный переход московских обновленческих храмов в Патриархию. Вслед за Москвой от «первоиерарха» стали отделяться и обновленческие епархии. Одним из первых отпал Среднеазиатский диоцез.

Не радовали и вести из провинции, – пишут А. Левитин-Краснов и В. Шавров, – совершенно прекратились всякие известия из Средней Азии. Отчаянные телеграммы А.И. Введенского епископу Сергию Ларину, Гр[игорию] Брицкому и И.Е. Лозовому оставались без ответа. Наконец, пришла сухая телеграмма от прот. Лозового (личного эmissара А.И. Введенского), в которой сообщалось, что Средне-Азиатская епархия признала патриарха, «в связи с чем поминовение вашего имени за богослужением нами прекращено».

Это был страшный удар: ведь Средняя Азия была главной цитаделью обновленческой церкви, насчитывавшей 90 с лишним храмов и молитвенных домов. Как мне удалось выяснить впоследствии, из Средней Азии (из Киргизии и Казахстана) летели в Москву и в Ульяновск к А.И. Введенскому сотни писем и телеграмм от священников и мирян с запросами – однако ни одного письма А.И. Введенский не получил⁷.

Изоляция А.И. Введенского в Ульяновске практически уничтожила обновленческую «Православную Церковь в СССР». Она перестала существовать именно в качестве *церковной* организации (во всех земных смыслах этого понятия), сократившись до Пименовского храма в Москве, маленького прихода в Ульяновске и небольшой группы духовенства, все еще державшейся за митрополита Александра Введенского.

В начале весны 1944 года было сыграно заключительное действие последнего акта в истории туркестанского обновленчества.

12 марта 1944 года в Ташкент из Куйбышева (ныне – Самара) прибыл представитель патриарха Сергия, архиепископ Алексей (Палицын).

Архиепископ Алексей (Палицын Василий Михайлович) родился в 1881 году в селе Дубровки Рязанской области в семье священника. В 1903 году окончил Рязанскую Духовную семинарию, после чего учился в Харьковском ветеринарном институте. В 1914 году принял монашеский постриг, затем был рукоположен во иеродиакона и во иеромонаха. В 1922 году был назначен настоятелем Донского монастыря, где проживал до самой своей смерти патриарх Тихон. Иеромонаху Алексию выпало стать последним настоятелем монастыря перед его закрытием властями.

1924–1926 годы отец Алексей провел в ссылке в Нарымском крае. 28 марта 1926 года был рукоположен во епископа Можайского, викария Московской епархии. Однако кафедрой не управлял, так как вскоре был снова арестован и заключен в Соловецкий Лагерь Особого назначения (СЛОН).

В 1941 году возведен в сан архиепископа с назначением на Волоколамскую кафедру. Осенью 1941 года, после отъезда в эвакуацию митрополита Сергия (Страгородского), остался в Москве, чтобы управлять Московской епархией. В 1942 году архиепископ Алексей был переведен на Куйбышевскую кафедру. В октябре 1943 года участвовал в Архиерейском Соборе, на котором митрополит Сергей (Страгородский) был избран патриархом. Активно занимался патриотической деятельностью и сбором средств на нужды фронта. Был награжден медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1952 году скончался в Куйбышеве от инсульта.

Основной целью миссии владыки Алексия была легитимация канонических структур Русской Православной Церкви в Средней Азии и Казахстане: необходимо было подтвердить официальный статус Патриаршей Церкви в союзных республиках региона, воссоединить с православием местных обновленцев и восстановить здесь, хотя бы в предварительных формах, канонически-легитимную епархиальную структуру.

Наиболее деликатной из этих задач были переговоры с Григорием Брицким и

Иоанном Лозовым. От их исхода, в полном смысле, зависел успех в деле присоединения региональных «живоцерковников» к Патриаршей Церкви.

В столицу Узбекистана архиепископ Алексий прибыл без предварительного извещения. Впоследствии владыка писал в своем отчете на имя нового патриарха Алексия (Симанского)⁸:

Моему приезду предшествовали две вести, прилетевшие из Москвы в Ташкент. Одна весть указывала точно день моего приезда в Ташкент – 25/II, и это сообщение вызвало напрасные встречи меня на вокзале, встречать ходили как православные, так и обновленцы. Другая весть гласила, что почивший Святейший Патриарх Сергей послал в Ср[едне]-Азиатские края самого строгого архиерея⁹.

Архиепископ Алексий поселился на «нейтральной» квартире по улице Мичурина, 9, чтобы одинаково дистанцироваться и от «староцерковников», и от обновленцев¹⁰. Свел знакомство с уполномоченным СД РПЦ по Узбекистану Александром Ивановичем Степановым, человеком весьма неординарным и умным¹¹. Затем приступил к выяснению церковной обстановки в Ташкенте.

На квартире архиепископа Алексия сразу же начали посещать верующие и священники со «староцерковной» и обновленческой сторон. Приходили «заштатные» священники-«староцерковники», в большинстве своем не так давно освободившиеся из лагерей. Приезжали для беседы «живоцерковники» из провинции. На эту же квартиру владыка вскоре стал приглашать для бесед и ташкентских обновленцев¹².

В докладе архиепископ Алексий таким образом обрисует сложившееся у него, по итогам всех этих бесед, впечатление:

Картина церковной жизни в Ташкенте вырисовывалась такая. Большой город, в котором обитает немало православных христиан, а православного храма нет ни одного! Существует только один – обновленческий. На кладбище близ храма имеется небольшая часовенка, весьма ценящаяся православными. В этой часовне прежде, православными архиереями, совершались богослужения. Православные и собирались около этой часовни. Теперь эта часовня была заперта. Храмом она, конечно, по своей малости быть не может. Между православными, ютившимися возле часовни, и обновленческим духовенством был какой-то жестокий антагонизм.

Передо мной стоял громадный город, лишенный православного храма, стояли православные люди, жаждущие и ждущие храма, стояли ряды заштатных священников и, наконец, стояли три конспиративные точки в городе, где совершались литургии православными священниками...¹³

В один из мартовских дней владыка Алексий приступил к переговорам с местными обновленцами. Прежде всего – с Григорием Брицким, которого в своем отчете владыка характеризовал даже с некоторым уважением:

Ташкент являлся цитаделью обновленчества; отсюда по всей Средней Азии шли все нити, как по организации, так и по управлению обновленчеством. А протоиерей Григорий Брицкий – главарь обновленчества, авторитет. Ему теперь 75 лет. Одаренный от природы недюжинным умом, сильной волей, администратор по призванию, дает тон всему среднеазиатскому обновленчеству...¹⁴

Первоначально переговоры шли как с Брицким, так и с Лозовым. Владыка порознь приглашал каждого из них для беседы на свою квартиру. Первая беседа с

Брицким продолжалась более трех часов, не намного короче был разговор с Лозовым. Таких встреч было еще несколько; точное их число, к сожалению, неизвестно. Кроме лидеров архиепископ Алексей приглашал к себе также и рядовых членов причта Александро-Невского храма.

Как показали переговоры с обновленческими протопресвитерами, основным препятствием к соединению было даже не требование Патриархии о чиноприеме через покаяние. Брицкий был готов принести покаяние и с трудом, но согласился даже на освящение Александро-Невского собора (обновленческие храмы освящались через окропление святой водой как еретические). Согласился на личное присоединение через покаянный чин и Иоанн Лозовой. По всей видимости, к этому моменту ни Брицкий, ни Лозовой уже не настаивали на почетной капитуляции, с принятием епархии статус-кво.

Главной проблемой стало второбрачие обновленческих лидеров. Оба протопресвитера были женаты вторично, причем «в сущем сане». Брицкий, после смерти первой супруги, женился на Екатерине Васильевне Бахваловой¹⁵; Лозовой, овдовев в 1918 году, вступил в гражданский брак (зарегистрировался в загсе) с Зинаидой Петровной Булгаревич¹⁶.

Второбрачие клириков было дозволенной практикой в обновленческой Синодальной церкви. Еще в 1920-е годы обновленцы демонстративно провели реформу некоторых аспектов канонического права. Но в Патриаршей Церкви вступление священнослужителя во второй брак расценивалось как нарушение канонических норм и влекло за собой запрещение в священнослужении или лишение сана.

Понимая, что их второбрачие не будет считаться нормативным после перехода в Патриаршую Церковь, оба протопресвитера все же попытались разными способами оправдать свое семейное положение. Брицкий объявил свой брак полностью фиктивным и заявил, что согласен на развод со второй супругой¹⁷; Лозовой пытался оправдаться тем, что его второй брак благословил грузинский католикос Христофор и что второбрачие не мешало ему находиться в каноническом общении с преемником этого патриарха – католикосом Каллистратом¹⁸.

Проблема оказалась действительно очень сложной и грозила завести переговоры в полный тупик. Архиепископ Алексей писал:

При решении вопроса о принятии Брицкого и Лозового в лоно Православной Церкви стало тяжелое для меня затруднение – как поступить с ними относительно их сана, ибо на пути стояло второбрачие... Если я лишу их сана и приму в звании мирянина – то они не оставят обновленчества, не отдадут храма и сорвут в Ташкенте и, возможно, в других местах [Средней] Азии дело принятия через покаяние обновленцев. Мне необходимо было найти какой-либо выход или ехать обратно восвояси¹⁹.

В итоге, архиепископу Алексию пришлось применить византийский принцип «икономии», чтобы хоть как-то обойти жесткие требования церковного права. Он принял решение, которое на тот момент было и мудрым, и вполне оправданным. Оставив вопрос о второбрачии на дальнейшее усмотрение патриарха, он признал за протоиереем Брицким и протоиереем Лозовым право на священный сан, в надежде на их помощь в деле присоединения обновленцев.

В дальнейшем эта надежда вполне оправдалась, хотя протоиерей И. Лозовой и не проявил инициативы к сотрудничеству. Впрочем, самоустранение Лозового было полностью компенсировано активным содействием со стороны отца Григория:

Брицкий, действительно, оказал большую помощь в деле присоединения обновленцев в лоно православия. Он целеустремленная натура. И насколько он был активен в обновленчестве, настолько же активности проявил и теперь. Он рассылал свое покаяние другим обновленческим священнослужителям, вел их к покаянию, приглашал и вызывал ко мне в Ташкент²⁰.

Как видим, протоиерей Брицкий, со всеми его связями, энергией и волей, оказался очень ценным приобретением.

22 марта 1944 года в Александро-Невском кладбищенском храме состоялся торжественный чин воссоединения обновленцев с Русской Православной Церковью.

Утром архиепископ Алексей впервые приехал на старое русское кладбище. Но в первую очередь отправился не в церковь, а к той часовне, которая долгие годы была единственным храмом для всего «староцерковного» Ташкента.

Близ храма, в стороне, группа православных, из тех, которые привитали около часовни, с иконой встретили меня. Мой первый шаг на кладбище была (так! – Р.Д.) панихида, которую я совершил на могилах митрополитов Арсения [Стадницкого] и Никандра [Феноменова]. Панихиду пел часовенный хор. После окончания панихиды, обращаясь к присутствующим православным, я сказал: – «а теперь пойдёмте освящать храм!». И певчие, и предстоящие у могил, вместе со мной вошли в храм. Вблизи дверей приготовлен был стол. Совершенно было освящение воды, и я окропил алтарь и весь храм²¹.

После малого освящения храма архиепископ Алексей вошел в алтарь, где при открытых царских вратах – то есть, фактически на обозрении у стоящего в церкви народа – обновленческие священнослужители: протоиерей Иоанн Лозовой, протоиерей Василий Кокурин, три диакона и псаломщик, принесли покаяние за грех раскола²².

Воссоединение, по-видимому, происходило следующим образом: каждый клирик подходил к стоящему перед престолом архиерею и либо своими словами, либо по заготовленному заранее тексту произносил свое покаяние. После чего архиерей возлагал на его голову омофор и читал разрешительную молитву (возможно, взятую из чина таинства исповеди).

Как видно из отчета, большинство обновленцев в тот день было принято в общение в алтаре храма. Но отец Григорий Брицкий по собственной инициативе выбрал путь публичного покаяния. Свою покаянную речь он прочел на амвоне, перед всем собравшимся народом. Как впоследствии писал очевидец этих событий, будущий митрополит Иоанн (Вендланд):

Покаяние о. Григория произвело потрясающее впечатление. Он говорил долго и очень искренно. После его речи архиепископ Алексей возложил на его голову омофор и, произнеся разрешительную молитву, присоединил к Православной Церкви²³.

После присоединения обновленцев архиепископ Алексей отслужил в храме Преждеосвященную литургию. Ему сослужили не только теперь уже бывшие обновленцы, но и двое из заштатных «староцерковных» священников²⁴.

Преждеосвященная литургия 22 марта стала завершающим актом в долгом бытии обновленческого движения в Средней Азии. И, по странной иронии истории, протоиерей Григорий Брицкий, двадцать лет назад стоявший у колыбели туркестанского обновленчества, всеми силами способствовал его скорейшим похоронам...

После 22 марта переход среднеазиатских обновленцев в Патриаршую Церковь принял более-менее массовый характер. К архиепископу Алексию стали один за другим обращаться обновленческие священнослужители, но покаяние от «живоцерковников» он принимал теперь не в храме, а у себя на квартире, «келейным» порядком, в присутствии кого-нибудь из священников, оказавшихся у него на приеме. Александро-Невская церковь находилась достаточно далеко от квартиры владыки, и подобный порядок чиноприема был для него наиболее приемлем²⁵.

Всего лично архиепископом Алексием в Ташкенте было принято в общение 18 священнослужителей: шесть клириков Александро-Невского храма и двенадцать священников «келейным» порядком. Во время отъезда владыки в Алма-Ату «протоиереем Павлом Медведевым было принято покаяние еще от одного протоиерея. Всего в Ташкенте покаялось – 19 человек»²⁶.

Цифра на фоне многочисленного обновленческого духовенства не исчерпывающая, но весьма внушительная.

11 августа 1944 года прихожанка Георгиевского храма в Самарканде Елизавета Николаевна Сокольская написала своим родственникам в Ташкент:

Уже обнародовано, что откроют церковь, будет хорошо, приезжал какой-то архиерей, но я его не видела²⁷.

Приезжим архиереем был архиепископ Алексий, посетивший Самарканд 30 марта 1944 года, в день памяти св. Алексия, человека Божия.

В городе в 1944 году было три церкви. Две из них – Покровский собор и привокзальная Никольская – состояли в обновленческом расколе, а Георгиевский храм принадлежал к «староцерковной» ориентации.

В день приезда архиепископ Алексий, что естественно, отправился в Георгиевский храм, где совершил молебен, в сослужении настоятеля протоиерея Петра Княжинского и еще двух священников.

В Самарканде, так же как и в Ташкенте, одной из первостепенных задач владыки было присоединение местных обновленцев. 31 марта в алтаре Георгиевского храма он принял покаяние от трех священников и одного диакона.

Священник обновленческого поставления, Петр Соколов, служивший в Никольской церкви, был принят в звании мирянина. Впрочем, 1 и 2 апреля владыка Алексий рукоположил Соколова, сначала во диакона а затем во пресвитера²⁸. Последняя хиротония состоялась во вновь освященном обновленческом Покровском соборе. Как писал об этом сам архиепископ:

Сначала о. Петр Соколов огорчился было, но после совершенных рукоположений, воссиял душой, заявив: – «Вот теперь-то я почувствовал очищение и спокойствие совести!». Соколов оставлен мною священником в том же Привокзальном храме. Он с глубоким настроением переживал рукоположение и у некоторых присутствующих вызвал слезы умиления²⁹.

Одним из последних принятых архиепископом Алексием обновленческих клириков оказался архиепископ Анатолий Сеницын. Его воссоединение с Патриаршей Церковью проходило при самом деятельном участии Брицкого. Протоиерей Григорий несколько раз отправлял к Сеницыну в Джамбул телеграммы и, в конце концов, устроил встречу между ним и архиепископом Алексием, во время краткой поездки последнего в Алма-Ату:

Брицкий сообщил ему о моем выезде в Алма-Ата (так! – Р.Д.) и указал поезд, с которым я отправляюсь в путь. И вот, в вагоне поезда на ст[анции] Джамбул была наша встреча с Анатолием Сеницыным. Уговорились, что он приедет в Ташкент и там будет ожидать возвращения моего. Когда я вернулся, Сеницын был в Ташкенте. Он явился ко мне все еще с неустроенной психологией. Его очень смущало перерукоположение. Я отвечал – «Переиначивать, изменять постановление вышестоящих надо мною инстанций я не могу». В беседе с Сеницыным я коснулся его телеграммы ко Святейшему Патриарху. Сеницын сообщил мне, что Введенский предлагает ему быть свердловским архиереем. Я ответил словами: «Аще хочешь!» [«как хочешь»]. Сеницын ушел от меня без определенного решения. Через день он снова явился ко мне в сопровождении Брицкого. Разговор был краток, Анатолий уже не делал на меня психологических наскоков и заявил: «Я готов»³⁰.

Анатолию Сеницыну, получившему хиротонию от знаменитого сибирского митрополита-обновленца Петра Блинова³¹, пришлось смириться с необходимостью пройти повторное рукоположение. Перспектива перехода от архиепископа к простому мирянину для человека, в недалеком прошлом имевшего полноту архиерейской власти, не могла быть безболезненной. Тяжелое психологическое состояние А.Е. Сеницына прекрасно видно из процитированного выше документа, и можно с уверенностью предполагать, что без участия протоиерея Брицкого его воссоединение с Патриаршей Церковью вряд ли стало бы реальностью.

10 мая 1944 года Анатолий Сеницын принес покаяние на квартире архиепископа Алексия, в присутствии архимандрита Гурия (Егорова, будущего епископа Ташкентского и Среднеазиатского) и еще нескольких священнослужителей. Принят он был в чине мирянина. Но уже 12 мая владыка рукоположил его в сан диакона, а 13-го – в сан пресвитера. Затем архиепископ Алексий предоставил ему возможность вернуться в Казахстан, выдав документ «такого содержания, что он направляется в г. Джамбул в качестве кандидата в настоятели к открывающемуся в Джамбуле храму, и при открытии храма вступит в должность настоятеля оного»³².

Позже о. Анатолий Сеницын опять окажется в среднеазиатских пределах и в 1960-е годы будет возглавлять Фрунзенское благочиние в Киргизстане³³.

Архиепископ Алексий (Палицын) пробыл в Средней Азии почти три месяца, выполняя работу дипломата и своеобразного «кризисного менеджера». И разрешил большинство из проблем епархии наиболее оптимальным образом. Уезжая, владыка Алексий оставил сформированный орган временной центральной власти, Благочиннический совет, в задачу которого входило поддержание в диоцезе порядка вплоть до приезда постоянного архиерея³⁴. Ему удалось более или менее урегулировать вопрос с «заштатными» клириками. Часть из них была определена на приходы; к не желавшим служить легальным порядком применял достаточно жесткие меры³⁵.

Одна из главных задач архиепископа Алексия, преодоление обновленческого раскола, была выполнена с большим искусством и тактом. Ему удалось достаточно быстро разобраться в обстановке, правильно расставить приоритеты и, что немало важно, отнестись со снисхождением к принимаемым обновленцам. Налаженный им механизм чиноприема обновленческого духовенства бесперебойно работал даже при вновь назначенном на Ташкентскую кафедру епископе Кирилле (Поспелове), так же спокойно и без эксцессов принявшего в общение подавляющее число обновленцев Киргизии³⁶.

Миссия архиепископа Алексия (Палицына) в Средней Азии стала тем водоразделом, который отделил начавшийся в 1923 году долгий и тяжкий период церковной смуты от нового периода в историческом бытии диоцеза, вступавшего в краткую, но очень яркую эпоху сталинского конкордата между Церковью и государством и религиозного «ренессанса» в СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Беглов А.* Последний бой обновленцев. Эпизоды воссоединения с Патриаршей Церковью в 1944–1946 гг. // Альфа и Омега. № 2 (40), 2004. (Приводится по электронной версии: www.krotov.info/history/20/1940/beglov_obn.htm). *Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В. и др.* Русская Православная Церковь. XX век. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – С. 343.

² См.: *Левитин-Краснов А.Э.* Рук Твоих жар (1941–1956) // Круг. Тель-Авив, 1979. (URL: www.krotov.info/history/20/1940/levitin_9.htm).

³ См.: *Александр (Введенский), митр.* По Средней Азии // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. № 9-10 (22-23), 1927. – С. 11–16.

⁴ *Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В. и др.* Русская Православная Церковь. XX век. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – С. 343.

⁵ См. там же.

⁶ См.: *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. – С. 648–649.

⁷ Там же. – С. 649–650.

⁸ Патриарх Сергей скончался 14 мая 1944 г.

⁹ Архив Ташкентской и Узбекстанской епархии (АТУЕ). Оп. 1, л/д № 47. Л. 12.

¹⁰ «Напряжение между обеими церковными ориентациями накануне приезда архиепископа Алексия достигло своего апогея и принимало иногда смешные формы. Как писал местный уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви, “представители и того и другого течения наняли для архиепископа квартиры, приглашая его друг перед другом; встречали его на вокзале каждая группа со своим автомобилем”» (*Беглов А.* Последний бой обновленцев...).

¹¹ *Степанов Александр Иванович* (1882–1951) – первый

уполномоченный СД РПЦ при Совнарком/Совмине УзССР (1944–1951). До революции 1917 года служил в царской армии, участвовал в русско-японской войне. В апреле 1917 года вступил в ВКП(б). Участник Октябрьской революции и Гражданской войны. Сотрудник ОГПУ-НКВД; работал в Одессе, на Памире, в Фергане и Ташкенте (1922–1939). Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУ). Опись фонда ЛФ-2272.

¹² АТУЕ. Оп. 1, л/д № 47. Л. 12-13.

¹³ Там же. Л. 13-14.

¹⁴ Там же. С. 14.

¹⁵ «Главным обновленцем в Ташкенте был протоиерей Григорий Брицкий... При нем жила обслуживавшая его женщина – Екатерина Васильевна, лет 50-ти. Говорили, что он обвенчался с ней вторым браком, и даже Уполномоченный, хитро помигивая, говорил, что ему известно “кое-что” из ЗАГСа». (*Иоанн (Вендланд), митр.* Митрополит Гурий (Егоров). – Машинопись. Б.м., 1980–1981. – С. 35).

¹⁶ АТУЕ. Оп. 1, л/д № 222. Л. 2, 11.

¹⁷ АТУЕ. Оп. 1, л/д № 47. Л. 15.

¹⁸ АТУЕ. Оп. 1, л/д № 222. Л. 2-2об. *Христофор II Цицкишвили* (1873–1932), *Каллистрат Цицнадзе* (1866–1952), католикосы-патриархи всея Грузии.

¹⁹ АТУЕ. Оп. 1, л/д № 47. Л. 14–15.

²⁰ Там же. Л. 15.

²¹ АТУЕ. Оп. 1, л/д № 47. Л. 15–16.

²² Там же. Л. 16.

²³ *Иоанн (Вендланд), митрополит.* Цит. соч. – С. 34. – В 1943 г. Константин Николаевич Вендланд (тайный иеромонах Иоанн), проживал в Ташкенте и работал ассистентом кафедры петрографии Ташкентского Индустриально-геологического института и преподавателем факультета геологии Среднеазиатского государственного университета. См. о нем:

Васильковский Н. «Попытаюсь уговорить его бросить эту церковь...». Воспоминания о митрополите Иоанне (Вендланде) // ВС. 2014. № 3 (XXXIV). С. 28–36.

²⁴ АТУЕ. Оп. 1, л/д № 47. Л. 16.

²⁵ Там же. Л. 16.

²⁶ АТУЕ. Оп. 1, л/д, д. 47, л. 17.

²⁷ Гомолицкий Н. «Есть слух, что скоро закроют совсем...». Самаркандский Георгиевский храм в конце 1930-х – начале 1940-х годов: по страницам старых писем // ВС. 2014, № 1-2 (XXXIII). – С. 21.

²⁸ См.: Патрахин Л., прот., Лай П., прот. По стопам апостола Фомы. – Воронеж: [б. и.], 2009. – С. 160.

²⁹ Цит. по: Там же. – С. 160.

³⁰ АТУЕ. Оп. 1, л/д № 47. Л. 16-17а. Содержание данной телеграммы в тексте доклада, к сожалению, не приводится. Возможно, что имеется в виду прошение архиепископа Анатолия, которое он, по сообщению А.М. Катаева, послал в Патриархию в ноябре-декабре 1943 года: «9 декабря 1943 г. на заседании Синода были рассмотрены прошения обновленческих архиереев: ташкентского епископа Сергия Ларина и алма-атинского архиепископа Анатолия Сеницына – о принятии их в Русскую Православную Церковь. Вопрос об их приеме был предварительно обсужден Патриархом Сергием с Карповым. Синод принял постановление о приеме их мирянами: “Ввиду того, что все ру-

коположения Анатолия Сеницына получены им от обновленческих епископов после наложения на них покойным Патриархом Тихоном запрещения, принять его можно по церковным правилам только в звании мирянина, чем не исключена возможность получения им православного рукоположения”» (Катаев А.М. Последние годы обновленчества в контексте государственно-церковных отношений в 1943–1945 гг. // Приход. Православный экономический вестник. 2006. №№ 4, 5. (www.orthedu.ru/ch_hist/obnovlen.htm#).

³¹ См.: Мануил (Лемешевский), митр. Каталог русских архиереев-обновленцев. Материалы для «Словаря русских архиереев-обновленцев» (1922–1944) // «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). – М.: Об-во любителей церковной истории. Издательство Крутицкого подворья, 2002. – С. 660.

³² АТУЕ. Оп. 1, л/д № 47. Л. 17а.

³³ Патрахин Л., прот., Лай П., прот. Цит. соч. – С. 179–181.

³⁴ См.: Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Арфеа. Издательский совет РПЦ, 2008. – С. 199.

³⁵ См. там же. – С. 199–200.

³⁶ См.: Патрахин Л., прот., Лай П., прот. Цит. соч. – С. 172.

Ульфат АБДУРАСУЛОВ

«Тайны хивинского двора»: политическая борьба в Хиве в период Российского протектората

В преддверии Первой мировой войны устоявшееся течение политической жизни Хивинского ханства, находившегося почти полвека под протекторатом Российской империи, было нарушено двумя чрезвычайными событиями.

Первое из них (1911–1912) было связано с арестом и длительной опалой группы влиятельных чиновников, известной как «партия диванбегийцев».

Второе – с дерзким и кровавым убийством в августе 1913 года Саййида Ислам-Ходжи – главного визиря (*вазир-и акбар*) и основного проводника намечавшихся реформ административной и финансовой системы ханства. Убийство формально так и осталось нераскрытым.

Оба этих события породили множество слухов, домыслов и спекуляций и продолжают привлекать внимание историков¹. В этой статье на основе различных источников (агентурных донесений и рапортов российской администрации, материалов хивинских авторов – современников этих событий и т.д.) предпринята попытка восстановить их историю. Мы попытаемся заглянуть в отдаленные закоулки хивинского двора², приоткрыть некоторые тайны местной придворной жизни начала XX столетия, определить главных действующих лиц и мотивы их действий. А в более широкой перспективе – частично затронуть вопрос: что же представлял собой «Хивинский протекторат»?

Установление Российского протектората над Хивой

В результате аннексии Российской империей территорий Кокандского ханства (1865, 1876) и части Бухарского эмирата (1868) и создания на их основе Туркестанского генерал-губернаторства (1867), границы империи вплотную приблизились к Хивинскому ханству. Хива была в то время, по выражению Сеймура Беккера,

«наиболее проблемным соседом России»³. Обострились противоречия, связанные с определением границ и сфер влияния между двумя государствами: со стороны побережья Каспийского моря, песков Кызыл-кума, низовьев Сырдарьи.

Для утверждения своего влияния российская сторона предприняла ряд действий – от снаряжения карательного отряда в низовья Сырдарьи⁴, наращивания своего присутствия на восточном берегу Каспия до ультимативных посланий хивинскому правительству с требованиями значительных уступок⁵. Хива, в свою очередь, совершала встречные «недружелюбные маневры»⁶. Хивинские элиты, вероятно, полагались на географическую труднодоступность оазиса, окруженного пустынями, которые служили препятствием для масштабных военных операций⁷. Кроме того, еще была свежа память о прежних неудачных военных российских экспедициях в Хиву⁸.

В сентябре 1871 года начались рекогносцировочные продвижения русских отрядов со стороны Каспийского моря (Красноводского залива) и Джизака до пределов Хивинского оазиса. Уверенность Хивы в своей недоступности пошатнулась; правящие круги ханства были вынуждены пойти на поиск дипломатических путей решения конфликта⁹.

Однако процесс российского продвижения к тому времени уже принял необратимый характер и «погибель Хивы считалась... лишь вопросом времени»¹⁰. Тому способствовали как общая динамика продвижения России вглубь региона, так и личная инициатива первого Туркестанского генерал-губернатора Константина фон Кауфмана¹¹. В Петербурге также рассматривали сложившуюся в 1872 году международную обстановку как относительно благоприятную для военных действий против Хивы¹².

В результате в марте 1873 года был начат поход против Хивинского ханства. Под общим командованием фон Кауфмана было задействовано в общей сложности 12 300 солдат. Русские войска выступили по направлению к Хиве с четырех сторон – Ташкента, Казалинска, Оренбурга и из двух точек на Каспии (Красноводска и Мангышлака). Уже 29 мая 1873 года они вошли в Хиву, покорив перед этим практически все основные стратегические пункты ханства. Хивинский правитель Мухаммад Рахим II, бежавший из Хивы несколькими днями ранее, в начале июня был возвращен в столицу и утвержден русскими властями в качестве верховного правителя ханства, признающего себя, вместе с тем, «покорным слугою императора Всероссийского»¹³.

Последующие недели были использованы российскими властями для организации управления на завоеванных территориях, а также для проведения ряда экспедиций против туркмен-йомудов, продолжавших оказывать сопротивление¹⁴. Среди осуществленных организационных мероприятий следует отметить принятие 12 июня 1873 года хивинским ханом манифеста об отмене рабства в пределах Хивинского ханства, а также ликвидацию влиятельной антироссийской группировки при дворе, возглавляемой Мухаммад Мурадом-диванбеги. Последний вместе с другим чиновником – Рахматуллой Ясаулбаши был отправлен в ссылку, первоначально в Казалинск, а позднее в Калужскую губернию¹⁵.

12 августа 1873 года между хивинской и российской сторонами был подписан мирный договор, получивший название Гандемианского. Для российской стороны он был гораздо более выгодным с точки зрения обеспечения ее господства и «рас-

ширенных прав» в Хиве, нежели прежние договоры с Бухарой и Кокандом. В частности, хивинский хан отказывался

от всяких непосредственных и дружеских сношений с соседними владетелями и Ханами и от заключения с ними каких-либо торговых и других договоров ... без разрешения высшей русской власти¹⁶.

Трактат также закреплял ряд территориальных уступок Хивы в пользу России. Ханство отказывалось от своих претензий на Устюрт, восточное побережье Каспийского моря, левобережье Сырдарьи. Наиболее чувствительной потерей стала передача всех хивинских владений на правом берегу Амударьи. Значительные преференции по новому договору получала и русская торговля¹⁷. Таким образом, завоевание Хивы стало «пиком российского продвижения в Средней Азии указанного времени» и в значительной мере «укрепляло ее позиции в Азии»¹⁸.

С самого начала подготовки к завоеванию Хивы российские власти в Ташкенте и в Петербурге были более или менее единодушны в вопросе о необходимости избежать аннексии ханства. Предполагалось ограничиться лишь показательной «поркой» Хивы, продемонстрировав «и ее досягаемость, и слабость»¹⁹. Главной же целью было включение Хорезма в орбиту прямого влияния России, что и было достигнуто. Поэтому практически сразу же после заключения договора российские войска стали покидать территорию ханства, возвращаясь к местам своей постоянной дислокации. В качестве меры сдерживания и влияния на Хиву на правом берегу Амударьи, примерно в 40 милях от столицы ханства, 21 августа 1873 г. начаты были работы по возведению форта Петро-Александровск. Название крепости было дано в память российских императоров Петра I и Александра II. Новое укрепление было расположено в десяти километрах от переправы через Амударью у города Ханки. Расположение крепости в относительной близости от основных центров ханства, по свидетельству Ф. Лобысевича, давало возможность «постоянно следить и своевременно знать о всем совершающемся в Хиве»²⁰.

Из аннексированных земель правобережья Амударьи с центром в Петро-Александровске в том же году был образован Амударьинский округ, переименованный в 1874 году в Амударьинский отдел (АДО) в составе Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства²¹. Согласно Положению об управлении Туркестанским краем 1886 года, новая административная единица «представляла собою что-то промежуточное между уездом и областью»²². Начальником отдела был назначен полковник Н.А. Иванов (в должности – 1873–1877), являвшийся одновременно руководителем гражданской и военной администрации отдела. В его обязанности входили также осуществление всех видов сношений с Хивинским правительством, сбор информации и контроль над внутренними делами ханства, а также, в случае необходимости, оказание военной поддержки хивинскому хану (в особенности при выступлении туркмен). Создание Амударьинского отдела, с более или менее автономной администрацией и военным гарнизоном, позволяло русским властям в Туркестане иметь действенный инструмент воздействия на Хиву.

Одним из ключевых направлений стало налаживание постоянно действующего документо- и письмооборота между империей и ханством. О том, насколько боль-

шое внимание уделялось этому вопросу со стороны русских властей, можно судить из предписания (от 14 ноября 1897 года) Туркестанского генерал-губернатора к недавно назначенному Начальником АДО полковнику А.С. Галкину (в должности – 1896–1902). Начальник края настаивал на необходимости разъяснения хану, что

предложения русских властей <...> всегда направлены, между прочим, к пользе управляемого им (ханом – УА.) народа и потому ответы на разного рода запросы русских властей задерживать не следует, без вполне уважительных к тому причин²³.

В сфере обсуждения между Хивой и Петро-Александровском находился широкий спектр вопросов²⁴: от согласований сроков и деталей поездки хивинского правителя в Санкт-Петербург и выделения хивинцам военного снаряжения для оснащения внутренних войск до расследований по разнообразным бытовым конфликтам, вопросам орошения и т.д. Оставаясь формально отстраненной от внутренних дел ханства, русская администрация, тем не менее, пыталась быть в них осведомленной и держать под контролем ключевые аспекты внутренней политики ханства.

В свою очередь, эта активная переписка способствовала развитию внутреннего делопроизводства в Хивинском ханстве. Необходимость своевременного ответа по многочисленным запросам русской администрации стимулировала развитие внутреннего канцелярского делопроизводства и его систематизации. Ведение переписки по определенным вопросам на протяжении длительного периода подразумевало неоднократные ссылки на предыдущие письма. Это, в свою очередь, стимулировало развитие системы фиксирования, хранения и архивирования документов в Хиве, их внутренней взаимосвязи, а также увеличило аппарат чиновников и писарей.

Дальнейшая политика Российской империи в отношении Хивинского ханства развивалась в контексте дебатов между сторонниками и противниками «полного присоединения» Хивы. Выразители обеих этих позиций были и среди колониальной администрации Ташкента и Петро-Александровска, и в высших эшелонах власти в Петербурге. В соответствии с характером развития этих дебатов определились контуры и степень вмешательства русских властей во внутренние дела ханства.

Генерал-губернатор Туркестанского края барон А.Б. Вревский (в должности – 1889–1898) пытался обозначить основные контуры взаимоотношений империи с Хивой таким образом:

Русские власти Туркестанского края должны поддерживать существующее в Хивинском ханстве правительство, устраняя обстоятельства, могущие привести к нарушению порядка и спокойствия в ханстве. <...> При этом надлежит сохранить за Хивинским ханом ту самостоятельность по отношению к делам внутреннего управления ханства, коей он ныне пользуется. Вмешиваться в управление ханом своими подданными значило бы принимать на себя ответственность за недостатки этого управления, ответственность, которая всецело должна лежать на самом хане и его советниках²⁵.

Границы полномочий администрации Амударьинского отдела в отношении «внутренних дел ханства» оставались неопределенными. М. Терентьев, например, характеризовал инструкции, предписанные Начальникам АДО, как «туманные» и дававшие возможность российским чиновникам по собственному усмотрению «прони-

коть в пределы ханства для вмешательства во внутренние дела его под благовидным предлогом»²⁶. Известный российский востоковед Н.С. Лыкошин, будучи в 1912–1914 годах Начальником АДО, был вынужден признать неопределенность своих полномочий. Особенно это касалось тех случаев, когда возникала необходимость оказания давления на хивинские власти в вопросах внутреннего управления ханством. В своей служебной записке он отмечал, что его действия в отношении хивинского хана «стесняет» то обстоятельство, «что во всех инструкциях ..., во всех переписках о пограничных сношениях с Хивой красной нитью проходит признание за Ханом абсолютного (!) права независимо распорядиться внутренними делами Ханства. То же говорится и в договоре Гандемианском». В таких условиях, констатирует Начальник АДО, «наше решительное вмешательство» может стать «явным нарушением прав Хана в смысле внутреннего управления Ханством»²⁷.

Примечательно, что ни российскими авторами того периода, ни чиновниками колониальной администрации в регионе термин «протекторат» для обозначения политического статуса Хивинского владения практически не использовался²⁸. Обычно говорилось о «вассальной зависимости», «автономии», «полусамостоятельном государстве».

В целом же, отсутствие определенности во взаимоотношениях метрополии со своим протекторатом, сфере компетенции и полномочий чиновников создавало широкий простор для индивидуальных действий и инициатив, неформальных договоренностей и «подковерной» борьбы. Представители колониальной администрации, вовлеченные по роду своей службы в «хивинские дела», стремились налаживать личные контакты в хивинской политической среде – как при ханском дворе, так и далеко за его пределами. Это давало возможность получать альтернативную информацию и иметь инструменты влияния. В свою очередь представители хивинских элит, включая и туркменских предводителей, искали (и находили) покровителей в лице представителей имперского истеблишмента и пользовались их протекцией для продвижения своих интересов.

Все это нашло выражение в событиях, последовавших после смерти Мухаммада Рахим-хана II в 1910 году.

«Баланс сил» при хивинском дворе и арест «диванбегийцев»

К концу правления Мухаммада Рахим-хана II (1865–1910) при дворе хивинского правителя сформировались контуры двух влиятельных группировок.

Первая из них возглавлялась сыновьями Матмурада (Мухаммад Мурада)-диванбеги. После возвращения из калужской ссылки в 1880 году этот высокопоставленный чиновник был восстановлен в должности и почти до своей смерти в 1901 году осуществлял фактическое руководство ханством²⁹. После его смерти сыновья – Мухаммад Хусайн-бек, унаследовавший от отца пост диванбеги, а также Шайх Назарбай и Аман Келди-бай, входившие в ближайшее окружение хана, продолжали удерживать в своих руках значительную политическую власть.

Лидером второй группировки принято считать Саййида Ислам-Ходжу. К 1908

году он стал одним из наиболее влиятельных сановников ханства – в его ведении находились вопросы финансового управления. Мухаммаду Рахим-хану II, видимо, удавалось сдерживать взаимные претензии и амбиции обеих группировок. Это обстоятельство отмечал, в частности, Н. Лыкошин, находившийся уже позднее, после смерти хивинского хана, в должности Начальника АДО (1912–1914). Мухаммад Рахим-хан, писал Лыкошин,

хотя и имел подле себя нескольких выдающихся сановников, но бразды правления твердо держал в своих руках, и народ это очень хорошо знал³⁰.

О том же доносил он в своих секретных рапортах на имя Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова (в должности – 1909–1914):

Еще при покойном хане при хивинском дворе шла постоянная борьба. Диванбеги Мад Мурад и Ибрагим Ходжа (отец Сеид Ислам* Ходжи) оспаривали друг у друга первенство при Рахим Хан Багадуре. Старый хан, обладавший твердым характером, всеми силами старался прекратить эту вредную борьбу двух враждебных партий и для этой цели настоял даже на женитьбе <...> Сайид Ислам Ходжи на дочери Мад Мурада Диван-беги³¹.

После смерти Мухаммада Рахим-хана 16 августа 1910 года на престол с одобрения русских властей был возведен его сын Асфандияр (1910–1920). Противоборство придворных элит еще более обострилось: началась борьба за влияние на молодого правителя. Восхождение на престол нового хана совпало и с настоятельными требованиями российской администрации по проведению реформ, прежде всего, в администрации и финансовом управлении ханства. Основная идея реформ заключалась в реорганизации административного и финансового управления протектората и приближения к нормам и стилю административного и финансового управления метрополии. Реформы предполагали более четкое определение круга полномочий должностных лиц и получение ими фиксированного жалования из казны, проведение полномасштабного кадастрирования земель и их равномерного налогообложения, упорядочение трудовых повинностей и др.³².

Ставка в реализации данной задачи делалась на Сайида Ислам-Ходжу³³, слывшего реформатором и сторонником умеренной либерализации. Соответственно, еще более укрепились его позиции и влияние на молодого хана. Вскоре он был возведен в должность главного визиря (*вазир-и акбар*) и фактически превратился в самого могущественного чиновника ханства. Он контролировал основные административные и финансовые дела, в его ведении находились официальные контакты ханства с российской администрацией. По его рекомендации назначались чиновники на ключевые должности; для того, чтобы добиться решения любого вопроса, нужно было непременно заручиться поддержкой *вазир-и акбар*'а³⁴. В доме Сайида Ислам-Ходжи сформировалось нечто вроде альтернативного, или «малого», двора, где обсуждались важные государственные вопросы. Туда, наряду с двором хана, приходили многие чиновники для «саляма» – традиционного приветствия придворных своему сюзеру.

* В документах написание имен хивинских политических деятелей оставлено без изменений. (Прим. ВС.)

Согласно информации Н. Лыкошина, Саййид Ислам-Ходжа

увлекся властолюбием и, понемногу, сосредоточил в своих руках все отрасли власти. <...> На должность беков и при дворе новый временщик поставил <...> преданных себе людей. <...> В своем стремлении к единовластию Сеид Ислам Ходжа сводил свои давнишние счёты с сыновьями покойного Диван-беги Мад Мурада, пользовавшегося при покойном хане значительным влиянием и занимавшего ответственные должности³⁵.

Однако и сам хан уже не хотел довольствоваться ролью марионеточного правителя. Он пытался играть на противоречиях между своими приближенными, особенно той их части, чье возвышение состоялось еще при покойном хане. Судя по всему, ему это удалось. Первым актом этого противостояния стал арест в 1911 году трех сыновей Мухаммада Мурада-диванбеги. Им были предъявлены туманные обвинения в составлении некоего воззвания против реформ правительства и самого хана. Все их имущество было конфисковано. Главный министр (*вазир-и акбар*) ханства Саййид Ислам-Ходжа в своем письме на имя временно исполняющего должность Начальника АДО полковника П.Ф. Васильева, мотивируя причины ареста чиновников, сообщал, что предполагаемые хивинским правительством реформы «были не в интересах некоторых состоящих при Его Светлости сановников, которые извлекали личную пользу еще при старом режиме». В результате последними якобы было организовано «несколько тайных совещаний, на которых было решено тайно восстановить народ против нововведений». При этом «злоумышленники» «от имени населения составили протест ..., выразив несогласие с изложенным в ярлыке и допустив неприличные выражения», и спровоцировали акты «волнений и сопротивления власти» среди населения некоторых городов³⁶.

Между тем, Палван-Нийаз Юсупов, очевидец этих событий, в своих мемуарах отмечал, что составление данного воззвания, направленного прежде всего против Саййида Ислам-Ходжи, было в действительности инициативой самого Асфандияр-хана. Последний пытался таким образом столкнуть влиятельных сановников друг с другом.

Хан начал вести интриги против сановников и крупных должностных лиц, служивших его отцу. <...> При наличии у власти этих сановников, его приверженцы не могли иметь авторитета в глазах народа. <...> Главным образом он боялся авторитета и влияния Ислам-Ходжи; боялся, что он, пользуясь своим положением, возьмет в свои руки управление государством. <...> Он (Хан. – У.А.) призвал к себе сановников и высказал свои сомнения [в отношении Ислам-Ходжи]; доверчивые же сановники, не подозревая интриги и хитрости Хана, начали [открыто] выражать свое недовольство Ислам-Ходжой. [Тогда] Хан предложил написать на Ислам-Ходжу коллективное заявление с изложением всех претензий. <...> Приняв [затем] от них это заявление, <...> Хан показал его Ислам-Ходже. <...> Этой интригой Хан преследовал определенную цель – усилить неприязнь, создать раскол между сановниками, служившими его отцу, расшатать их авторитет и влияние. <...> Для Хана было ясно, что при наличии союза и сплоченности между этими сановниками, Хан не мог чувствовать себя хозяином ханства и быть свободным в своих действиях³⁷.

Позиция и действия русских властей в связи с этим вопросом отражают политику России в отношении протектората в Хиве в целом. С одной стороны, они старались придерживаться принципа формального невмешательства во внутренние дела ханства. Власти в Ташкенте и Санкт-Петербурге, очевидно, полагали, что прямое давление на хана, равно как любые очевидные шаги в данном направлении, повлекут

падение авторитета последнего. Они также не желали, чтобы действия России могли быть интерпретированы как поддержка той или иной группировки. Колониальная администрация опасалась превратиться в «участвующую сторону конфликта», на которую будет возложена «нравственная ответственность» за последующее развитие событий³⁸.

С другой стороны, российская администрация в регионе не могла допустить, чтобы развитие событий в ханстве оказалось вне ее контроля. Сам арест «диванбегийцев», судя по внутренней переписке, произошел без ведома колониальных властей³⁹. Они были также всерьез обеспокоены усилением «единовластия» Саййида Ислам-Ходжи. Особую тревогу вызывали периодически поступавшие агентурные данные о прямых или опосредованных контактах последнего с представителями Османского правительства. В создавшейся ситуации был максимально мобилизован сбор информации, в том числе агентурных сведений, о событиях внутри двора, а также инициирован ряд встреч с ханом. На этих встречах хану «время от времени разъяснялось отношение Русской власти к опальным сановникам» – то есть к арестованным сыновьям Матмурада-диванбеги. Так, 4 августа 1912 года Хиву специально для встречи с ханом посетил военный губернатор Сырдарьинской области А.С. Галкин в сопровождении Начальника АДО Н.С. Лыкошина. На этой встрече высшие чины колониальной администрации «дали понять хану, что русскими властями обращено должное внимание на постигшую сыновей диванбеги Мад Мурада опалу»⁴⁰.

В Ташкенте и Петро-Александровске не был оставлен без внимания также тот факт, что из девяти сановников, обвинявшихся в подписании воззвания, только четверо были подвергнуты аресту и конфискации имущества. Как отмечал в своем рапорте Лыкошин:

Что бы ни говорил сам хан, <...> степень вины трех сыновей Мад-Мурада Диван-беги остается совершенно недоказанной⁴¹.

Такая избирательность местного правосудия позволяла русским чиновникам смотреть на действия хана как «на провокацию заговора с целью избавиться от популярных в народе сыновей Мат Мурада Диванбеги»; «участие в заговоре является лишь предлогом к устранению власти нежелательных сановников и к завладению их богатствами»⁴².

Однако до поры до времени основным инициатором этих событий русские власти были склонны рассматривать Саййида Ислам-Ходжу, отводя хану роль послушного исполнителя его замысла. Хан, как предполагалось, был неспособен «по своему нерешительному характеру <...> силою своей власти прекратить вражду двух группировок» и «обойтись без помощи Саид Ислама Ходжи»⁴³.

Пока Саид Ислам Ходжа монополизировал в своих руках власть и влияние на хана, не видать свободы мешающим единовластия «вазири-акбара» в Хиве⁴⁴.

Конечно, как свидетельства Палван-Нийаза Юсупова, на тот период – одного из близких людей Хусайна Мурада-диванбеги, так и данные Н. Лыкошина должны быть приняты во внимание с известной долей критичности. Вместе с тем, сведения обоих

источников позволяют заключить, что более всего выиграл от развернувшихся придворных баталий непосредственно Асфандияр-хан. Умело использовав нараставшее среди части «служивого сословия» недовольство усилением единовластия Саййида Ислам-Ходжи, он спровоцировал их открытое выступление, сам же занял место «над схваткой». Взяв на себя функции арбитра, он тем самым вынуждал обе стороны конфликта апеллировать к нему, ставя их в положение, зависимое от принимаемых им решений. Действуя таким образом, как будет показано ниже, Асфандияр-хан смог существенно ослабить потомков Матмурада-диванбеги и близких к ним элит, а затем начать нейтрализацию влияния и самого Саййида Ислам-Ходжи.

«Теперь единовластию Саид Ислам Ходжи пришел конец...»

Вопреки прогнозам колониальных чиновников, арест «диванбегийцев» отнюдь не способствовал упрочению позиций Саййида Ислам-Ходжи. Этот инцидент все больше использовался оппонентами влиятельного сановника при дворе для его дискредитации как среди населения ханства, так и в глазах русской администрации. В ноябре 1912 года Н. Лыкошин в своем рапорте на имя Туркестанского генерал-губернатора доносил, что с арестом сыновей Матмурада «борьба партий отнюдь не прекратилась, а лишь приняла характер тайного, скрытого брожения в закоулках дворца Хивы»⁴⁵.

Ставку в этой игре Асфандияр-хан сделал на своих приближенных, не занимавших ключевых позиций при его отце и обязанных своим выдвижением прежде всего нынешнему хану. Лыкошин называет «душой этой придворной интриги» Мухаммада Вафу (Матвафу) Караванбаши (Баккалова), «именующего себя министром промышленности и торговли».

Этот сановник, не пользовавшийся до сего времени значительным влиянием при дворе хана, в свое время принимал участие в обнаружении заговора, послужившего поводом к удалению от должностей сыновей Диван-беги, но в то же время [не только] не подчинился Саид Ислама Ходжи, а повел интригу против него⁴⁶.

В качестве другого «тайного обитателя двора» Лыкошин упоминает Туру Ибрагим-Ходжу – воспитателя наследника хивинского престола Темура Гази. Тура Ибрагим-Ходжа, по его сведениям, первоначально был замешан в заговоре наряду с «диванбегийцами», однако не только не был наказан, но и продолжал активно интриговать против главного министра⁴⁷. Итак, одновременно с ослаблением «диванбегийцев», при дворе исподволь шла работа по ослаблению позиций самого Ислам-Ходжи.

В своих рапортах Лыкошин неизменно докладывает о настроениях в широких массах Хивы и их отношении ко всем этим процессам. Так, в своем донесении от августа 1912 г. чиновник сообщает о «простом народе, симпатизирующем осужденным»⁴⁸, которые «в глазах народа сделались жертвою <...> властолюбия вазири-акбара Саид Ислам Ходжи»⁴⁹. Спустя некоторое время Лыкошин констатирует продолжающийся рост «недовольства в общем настроении в ханстве существующими нынче порядками» и то, что «все чаще слышится протест против самовластия вазири-акбара...»⁵⁰.

Народу хочется верить, что и служебная карьера невинно, по их мнению, осужденных не кончена, а в нужную минуту Хан может совершенно неожиданно призвать их к власти⁵¹.

И, наконец, сразу же по освобождении «диванбегийцев» и восстановлении их в прежних должностях в декабре 1912 г., чиновник информирует, что

помилование сановников <...> и народом было встречено восторженно, как проявление ранее нарушенной справедливости по отношению к популярным у хивинцев придворным⁵².

Как и при каких условиях произошло снятие с арестованных «диванбегийцев» опалы? Обратимся вновь к подробным рапортам Начальника АДО. В своем рапорте от сентября 1912 года Лыкошин обращает внимание на определенные послабления в отношении опальных чиновников. В частности, он сообщает о снятии постоянного караула у их домов, а также допущение их, «ранее безвыходно находившихся в своих домах», к участию в общей праздничной молитве по случаю завершения поста в месяц Рамазан⁵³.

6 ноября 1912 года, во время празднования в Хиве Курбан-байрама, опальные были допущены уже к традиционной церемонии приветствия хана – «салям» – во время его торжественного выезда из своей резиденции Нурулла-бай. По свидетельствам очевидцев, «хан искоса посмотрел на опальных сановников, приветствовавших его, проведя затем по бороде рукой, <...> [тем самым] принимая приветствие». Этот едва заметный знак «все присутствующие заметили и истолковали в том смысле, что Хан не сердится [более] <...> и принимает их поклон». В тот же момент из толпы вышла какая-то старуха – как говорили, мать опальных сановников. Она стала

громко проклинать Саид Ислама Ходжу и <...> так же громко благословляла милостивого Хана... Эта выходка старухи произвела сильное впечатление на толпу⁵⁴.

Безусловно, что допущение опальных чиновников к торжественному приветствию и, в особенности, проклятия «старухи» в адрес главного министра не могли произойти без ведома и согласия хана (или его новых советников) и имели вполне определенное назначение. В условиях Хивинского ханства подобные символические жесты обладали не меньшим, а, пожалуй, и большим эффектом, нежели формальные официальные действия. Не случайно в одном из своих рапортов Лыкошин отмечает, что население очень чутко прислушивается к происшествиям при дворе и делает соответствующие выводы. Инцидент с «проклятиями» предвещал изменение баланса сил при дворе и ослабление власти первого министра.

Наконец, 8 декабря 1912 г., спустя пятнадцать месяцев опалы, состоялось помилование «диванбегийцев» и их восстановление в прежних должностях. Судя по тону и содержанию донесения Лыкошина, это событие стало полной неожиданностью не только для колониальной администрации в крае, но и для самих придворных. Вот как Лыкошин описывает его со слов своих информаторов при хивинском дворе:

Утром 8 декабря Хан <...> без всякого предупреждения или совещания с кем-либо, приказал призвать к себе опальных сановников. Когда их звали, никто не знал, зачем их зовут. Первым вошел поспешивший на зов хана Шейх Назар-бай. <...> Хан сидел на мраморном возвышении, где

он располагается, посреди двора для разбора жалоб. Юсуф Есаул-баши стоял при этом на своем обычном месте. <...> Хан приказал ему удалиться, а Шейху Назар-баю приказал занять его место, пояснив, что он назначает его на должность Есаул-баши, которую Шейх Назар занимал до опалы.

Вошли затем остальные опальные сановники, и всем им Хан объявил о помиловании. Таким образом, Хусайн-бек был восстановлен в должности Диван-беги, которая, по его смене, оставалась вакантной, а Аманкелди, третий сын [Матмурада] Диван-беги, был назначен по-прежнему состоять в совете сановников хана. Вызван был также находящийся в опале Саибназар и восстановлен в должности Мехтара, остававшейся [в течение всего периода опалы] вакантною⁵⁵.

Конечно, на решение о помиловании опальных чиновников повлиял целый ряд обстоятельств: заступничество за них представителей колониальной администрации и некоторых придворных групп, симпатии к осужденным населения. Похоже, что ситуация была выгодно использована ханом и его новым окружением в борьбе против первого министра.

Не случайно в рапорте от 8 января 1913 года Начальник АДО сообщал:

...Хлопоты о восстановлении в должности сановников велись настолько умело и тайно, что Саид Ислам Ходжа не имел возможности раскрыть заблаговременно интригу и помешать ее развитию. По полученным мною сведениям, Саид Ислам Ходжа был ошеломлен совершенно самостоятельным на этот раз решением Хана и когда узнал, что Хан зовет к себе сановников, не мог догадаться, что последует амнистия⁵⁶.

В результате, практически сразу же после помилования

при хивинском дворе началась скрытая глухая борьба сановников, направленная уже не только к ослаблению власти Ислам Ходжи, а по-видимому к совершенному дискредитированию в глазах хана его первого сановника⁵⁷.

Излагая свои прогнозы дальнейшего развития событий, Лыкошин полагал:

Хан до времени будет дорожить Саид Ислам Ходжой, прежде всего по родству с ним и вследствие того, что считает его знатоком пограничных сношений, с которыми другие сановники недостаточно знакомы⁵⁸.

Однако последнему предстоит «борьба с сильнейшим противником», ибо на стороне его оппонентов «и сильная партия, и традиции, и народ»⁵⁹. Так или иначе, по мнению русского чиновника, самое важное свершилось и отныне «единовластие Саид Ислам Ходжи пришел конец»⁶⁰.

В своем ответном послании Начальник края предписывал Начальнику АДО «внимательно следить за борьбою сановников» и «продолжать поддерживать справедливые требования помилованных ныне опальных и ограбленных сановников»⁶¹. Колониальные власти были все более обеспокоены участвовавшими контактами первого министра с представителями Турции и Ирана⁶². В своей записке на имя Военного министра Самсонов настаивал на «необходимости ныне же принять меры против единовластия Ислам Ходжи» хотя бы посредством «восстановления того равновесия, <...> которое существовало до 1910 г.»⁶³.

Похоже, «единовластие» Сайида Ислам-Ходжи становилось обременительным не только для хивинских элит, но и для колониальной администрации в крае.

Убийство в ночи

9 августа 1913 Саййид Ислам-Ходжа был убит. Расследование убийства не принесло никаких результатов; более того, они откровенно затемнялись хивинскими властями. По-видимому, оно было результатом заговора, в который были вовлечены высшие должностные круги ханства, и вряд ли могло произойти без санкции самого Асфандияр-хана. В любом случае, устранение Саййида Ислам-Ходжи укрепляло позиции хана, а также означало крушение надежд на проведение реформ.

В нашем распоряжении имеется несколько более или менее детализированных описаний событий, произошедших непосредственно в день убийства и вскоре после него. Одно из них – рапорт генерал-губернатора Туркестанского края А.В. Самсонова министру иностранных дел, составленный «по горячим следам» в ноябре 1913 года на основе донесений Начальника АДО и других сообщений агентурного характера⁶⁴.

Другие описания принадлежат группе хивинских авторов, создавших в 1920-е – 1960-е годы целую россыпь работ о последних десятилетиях существования Хивинского ханства. Большинство из этих авторов были современниками описываемых событий (например, Абдулла Балтаев, Бабаджан Сафаров) или даже их очевидцами, имевшими то или иное отношение к событиям при хивинском дворе (Хасанмурад Лаффаси, Бабаджан Таррах).

Начнем с рапорта Туркестанского генерал-губернатора. Восстанавливая последовательность событий, Начальник края обращает внимание петербургского начальства на то, что Ислам-Ходжа «в последнее время перестал ездить с сильным конвоем и принимать меры к охране своей безопасности». Произошло это, как полагает А. Самсонов, «по настоянию самого Хана», вследствие чего первому министру «поневоле пришлось <...> обходиться без конвоя». 9 августа вечером Саййид Ислам-Ходжа, как обычно, приехал в резиденцию хана, дворец Нурулла-бай, однако по непонятным причинам оказался «один (без сопровождающего и без телохранителя), не с тем кучером, с которым ездил обычно». Убийство было совершено поздно вечером того же дня при возвращении первого министра с аудиенции в собственную резиденцию в Кибла Таза-баг. «По слухам, – продолжал Самсонов, – нападение было совершено двумя лицами, так что один занялся кучером, которого изранил шашкой, а другой зарезал Ислам Ходжу. <...> Люди эти скрылись ... и не были опознаны, так как фонари были [в тот вечер] потушены». Первичный осмотр места преступления показал, что «покойный после убийства не был ограблен, хотя при нем были весьма ценные вещи и деньги»⁶⁵.

Далее глава русской администрации обращает внимание на подозрительную пассивность хивинских властей при проведении розыскных мероприятий.

Придя в себя на другой день после совершения убийства, кучер оговорил трех лиц из числа слуг Шейх Назара Ясаулбаши (одного из сыновей Матмурада-диванбеги – У.А.). По этому оговору трое указанных лиц были арестованы и подвергнуты допросу. <...> Все обвиняемые упорно стояли на том, что никакого участия в убийстве не принимали⁶⁶.

Самсонов полагал, что хотя убийство было совершено в отношении «первого сановника» и, следовательно, «должно было рассматриваться как событие государственной

важности», хивинские власти и ближайшие родственники потерпевшего удовлетворились результатами допроса и приняли решение более не продолжать его.

Сам хивинский народ до крайней степени удивлен был таким необычным исходом дела. <...> Пришлось допустить, что сам хан, в своих интересах, мог пожелать устранить своего первого сановника⁶⁷.

Далее Самсонов рассуждает о возможных мотивах этого убийства. По его сведениям, в последнее время между хивинским правителем и его высшим сановником возникли серьезные противоречия. Последний будто бы «открыто проявлял свое исключительное влияние на Хана, доходя даже до отмены ханских решений». Серьезные разногласия между сторонами, как отмечается в докладе, сложились и по вопросам распределения финансов ханства. В результате, «вражда Хана с первым сановником достигла крайнего предела». Сообщая об исполнителях, «народная молва приписывает исполнение над Ислам-Ходжой ханского приговора некоему Яхши Мурад-баю, одному из начальников конной стражи». Само же убийство «совершил некто Курбан-бай, нукер из Ташауза»⁶⁸.

Сообщения хивинских авторов дают несколько иную интерпретацию как самих событий, так и участия в них главных действующих лиц. Наиболее обстоятельно это событие изложено в сочинении Абдуллы Балтаева «Материалы к истории Хорезма» (*Харазм тарихига материаллар*)⁶⁹. Конечно, следует подходить весьма осторожно к отдельным положениям автора, как, например, к приписываемым действующим лицам некоторым поступкам и высказываниям, которые вряд ли могли быть известны хивинским обывателям. Скорее он передает некое совокупное мнение, суммируя те слухи, догадки и предположения, которые циркулировали в хивинском обществе. Следует также принимать во внимание, что само сочинение было составлено спустя несколько десятилетий после произошедших событий, в эпоху господства совершенно иных идеологических парадигм.

По сообщениям Балтаева, разногласия между ханом и его главным министром произошли, прежде всего, в вопросах использования средств казны, которые хан предпочитал расходовать на свои собственные потребности, в то время как Ислам-ходжа ратовал за их использование «на нужды государства и народа» (*йуртни ва халкларни файдаси учун*). Не желая терпеть более «самоуправство» своего министра, Асфандияр-хан тайно поручил Шайху Назар-баю организовать его убийство таким образом, чтобы отвести подозрение от них обоих. Шайх Назар-бай, как утверждает Балтаев, выразил готовность исполнить поручение только в случае открытого повеления хана в присутствии самого Саййида Ислам-Ходжи (*Ислам Хаджани узи килган вақтида уз агзингиз бирлан буйурасиз*)⁷⁰.

Другой хивинский автор, Бабаджан Таррах, дает более ясное объяснение данного инцидента. По его сообщению, Шайх Назар-бай в ответ на приказание хана тайно умертвить первого министра изъявил готовность исполнить это только во время официальной аудиенции у хана (*'арз*)⁷¹, следуя, таким образом, некоему кодексу умерщвления политических противников хана.

Подобный ответ Шайха Назар-бая, по сообщениям обоих авторов, был негативно

воспринят Асфандияр-ханом и послужил причиной очередной опалы и домашнего ареста сановника⁷².

Не рассчитывая более на Шайха Назар-бая, продолжает Балтаев, хан поручил исполнение своего замысла другому приближенному, 'Абд ал-Кариму Махраму. Последний не стал выдвигать каких-либо условий и подключил к делу своих подчиненных, неких Яхши Мурад-бая и Курбана Бузчи. Убийство было намечено на вечер 9 августа, когда Ислам-Ходжа должен был возвращаться в свою резиденцию. Предварительно 'Абд ал-Каримом Махрамом были отстранены обычно стоявшие на пути следования главного министра охранники-нукары, а также, под различными предлогами, и его личная охрана. Вследствие полученных ножевых ранений Саййид Ислам-Ходжа скончался на месте, а кучер отделался ранениями. Придя в себя, кучер опознал одного из нападавших, Курбан-бая Бузчи. Под давлением родственников погибшего хивинские власти были вынуждены провести публичный допрос Курбан-бая. Допрос этот происходил при стечении большого числа жителей Хивы и окрестных селений. При этом до допроса Асфандияр-хан, якобы, получил от обвиняемого в присутствии его патрона 'Абд ал-Карима Махрама обещание, что тот ни при каких обстоятельствах не укажет на истинных инициаторов покушения (*хич бир инсан биздан гуман килмасдик*)⁷³. Будучи, однако, подвергнутым во время допроса истязаниям и опасаясь за свою жизнь, Курбан-бай стал прилюдно требовать прекратить допрос. В противном случае он угрожал «раскрыть тайну» и «расстроить планы» (*ишни бузаман диб*) тех, кто его допрашивал⁷⁴. Допрос был немедленно прекращен, а расследование постепенно предано забвению. Тем не менее, заключает Балтаев, «весь народ уже понял, что убийство [Ислам-Ходжи] было совершено по приказу хана».

Таким образом, Балтаев вполне определенно указывает на Асфандияр-хана как главного заказчика убийства Саййида Ислам-Ходжи. Кроме того, он стремится снять подозрения с «диванбегийцев», и в первую очередь с Шайха Назар-бая, делая его скорее жертвой, решившейся на неподчинение бесчестному приказу своего правителя.

Вместо заключения

Убийство Саййида Ислам-Ходжи – влиятельного первого министра, достаточно тесно связанного с политическими кругами России, не могло не вызвать резонанса в российской администрации. Маловероятно, что хан и связанные с ним круги могли решиться на него, не просчитав возможных последствий и не снизив максимально вероятность обострения отношений с российскими властями. Одновременно с арестом «диванбегийцев» была развернута и кампания по дискредитации Саййида Ислам-Ходжи, как в общественном мнении Хивы, так и в глазах русской администрации. Вполне возможно, что именно с этим была связана циркуляция слухов о замешанности *вазири-акбара* в коррупционных сделках, о его контактах с турецкими эмиссарами, а также о возрастающей увлеченности пан-тюркистскими идеями⁷⁵. Подобные слухи, как можно судить, вызывали повышенное беспокойство представителей российских властей как в Ташкенте, так и в Петербурге. Противниками главного министра также осуществлялась работа по развенчанию представления о его неза-

менимости в управлении ханством; одновременно формировался образ Асфандияр-хана как правителя, способного к самостоятельным действиям и решениям. Также все более укреплялась фигура его нового фаворита Матвафы Баккалова, через которого активизировались контакты с представителями российского истеблишмента. У Асфандияр-хана были достаточно влиятельные покровители в среде российских элит. О них упоминают не только хивинские авторы⁷⁶, но и русские чиновники и политические деятели⁷⁷. Н. Лыкошин с растущей озабоченностью информировал начальство о «доброжелателях» хана в среде политических кругов в Ташкенте и Петербурге, благодаря которым многие инициативы российских властей становятся известными хивинскому правителю раньше, нежели Начальнику АДО⁷⁸.

Так что, по-видимому, у инициаторов убийства были достаточные основания предполагать, что физическая ликвидация главного визиря не вызовет санкций со стороны имперских властей, что они смогут смириться с этим инцидентом и предпочтут избежать дальнейшего осложнения отношений с хивинскими властями. Что, собственно, и произошло. Иначе чем объяснить пассивность инициированной Петербургом комиссии по расследованию обстоятельств убийства⁷⁹? К тому же практически сразу после убийства первого министра Асфандияр-хан изъявил готовность пойти на ряд уступок в отношении инициатив русских властей⁸⁰. Подобные сигналы свидетельствовали о готовности хивинских властей безболезненно продолжать диалог с российской администрацией и после устранения Саййида Ислам-Ходжи.

В советской историографии убийство Ислам-Ходжи было использовано в описании «мрачной хивинской действительности» как пример жестокой борьбы «феодалных клик», подстегиваемых колониальными властями⁸¹. В рамках этой парадигмы организация убийства приписывалась «партии реакционеров», возглавляемой сыновьями Матмурада-диванбеги, в частности Шайху Назар-баю Ясаулбаши. Последний изображался как лидер «воинственной клики», «реакционер» и непримиримый противник «реформатора» и «умеренного либерала» Саййида Ислам-Ходжи. Последнему при этом приписывалась «умеренная либеральность», умение находить компромиссные решения, в частности во взаимоотношениях с туркменскими элитами⁸².

Подобная дихотомия – «либерал» Саййид Ислам-Ходжа и «реакционер» Шайх Назар-бай – едва ли выглядит убедительной. Известный тюрколог А.Н. Самойлович, встречавшийся с Шайхом Назар-баем в 1907 году, назвал его «одним из образованнейших и энергичных сановников ханства», во многом благодаря деятельности которого «окрестности Ст[арого] Ургенча снова пришли в цветущее состояние», а также «приведены в полное повиновение йомуды»⁸³. Большинство из цитированных выше хивинских авторов упоминали высокую образованность Шайха Назар-бая, его умение успешно разрешать конфликты с туркменами⁸⁴. Это же отмечали и представители русской администрации в крае⁸⁵. Тогда как политика Саййида Ислам-Ходжи в отношении туркмен, по мнению колониальных чиновников, исчерпала себя, и он «за это и не пользуется среди туркмен популярностью»⁸⁶.

Мы приводим эти сведения не для того, чтобы, разрушив одну устоявшуюся парадигму, взамен ее возвести другую. Мы лишь стремимся показать, что такие определения, как «либерал», «реформатор», «реакционер» и «консерватор» не могут быть использованы для объяснения мотивов, стратегий и действий политических деяте-

лей рассматриваемого периода. Последние могли, в соответствии с возникающими задачами, менять тактику и стратегию и выступать одновременно с самых противоположных позиций. Так, например, брат Шайха Назар-бая – Хусайн Мухаммад-бек, «приписанный» к реакционному лагерю, характеризовался современниками как один из наиболее передовых людей своей эпохи, стараниями и поддержкой которого в немалой степени сформировалось младохивинское реформаторское движение (*ёш хиваликлар*)⁸⁷.

По этой же причине не совсем уместно рассматривать политический ландшафт Хивинского ханства этого периода в контексте противостояния неких политических объединений/партий при дворе, имеющих устойчивые очертания, долгосрочную стратегию и более или менее сформированную гражданскую позицию. Нельзя, конечно, отрицать того, что политическая динамика хивинского общества предполагала формирование своеобразных группировок, союзов и альянсов, объединенных общностью политических интересов, групповой солидарностью, родственными отношениями. Однако природа таких объединений не была устойчивой; и в основе действий и поступков действующих лиц могли лежать гораздо более сложные мотивы, нежели их формальная причастность к той или иной группировке. Нельзя не учитывать и развитие взаимоотношений участников внутри таких групп, а также властных отношений. Здесь важную роль играло не формальное назначение на должность и даже не личное расположение хана. Симпатии и антипатии последнего во многом определялись репутацией той или иной политической фигуры в придворной среде, ее умением выстраивать отношения с региональными элитами (в частности, с туркменскими старшинами) и, что немаловажно, – с русской администрацией. Расположение хана и занятие важной должности при дворе не давали при этом никаких долгосрочных гарантий. Нужно было искать новые способы для укрепления своих позиций, выстраивать новые взаимоотношения с основными участниками политического процесса. Политическое пространство Хивинского ханства с его сравнительно высокой динамикой делало нежизнеспособными какие-либо устойчивые объединения, поскольку они заметно ограничивали политическое маневрирование его участников.

В значительной степени переоцененными представляются возможности и влияние сыновей Матмурада-диванбеги и, в частности, самого Шайха Назар-бая, на процессы в Хиве. Арест с последующей опалой, судя по всему, существенно уменьшил влияние последних при дворе и сузил пространство для их самостоятельных действий. В своем рапорте генерал-губернатор Самсонов сообщает, что даже после «помилования» хан не давал «диванбегийцам» «никаких [серьезных] поручений по службе», что делало «существование их бессмысленным». При этом, «все старания «диванбегийцев» приблизиться ко двору, заручиться доверием Хана <...> не увенчались успехом». Более того, со стороны хивинских властей «за ними было установлено весьма строгое наблюдение»⁸⁸. Подполковник Трошкин, исполнявший обязанности Начальника АДО, доносил в сентябре 1914 года (т.е. спустя два года после снятия опалы) о том, что «диванбегийцы роли при дворе не играют, а лишь изредка получают поручения Хана». Некоторое недоумение чиновника, в бытность его в Хиве, вызвал тот факт, что последние «почему-то не считают нужным явиться» к нему⁸⁹. Подобное явное избегание «диванбегийцами» контактов Лыкошин объясняет установленным

за ними наблюдением со стороны хивинских властей и опасением «подвергнуться немилости <...> за свою близость к русским властям»⁹⁰.

Вряд ли, находясь в положении, когда не только их благополучие, но и свобода были поставлены в прямую зависимость от настроения хана, лишённые значительной части капиталов и ресурсов влияния, «диванбегийцы» могли по собственной инициативе и собственными силами организовать убийство самого влиятельного чиновника в ханстве – Сайида Ислам-Ходжи. Нам, очевидно, не суждено узнать, были ли Шайх Назар-бай в какой-либо степени вовлечен в этот заговор или нет. Как бы там ни было, не вызывает сомнения, что за убийством стояли достаточно влиятельные силы как в хивинском дворце, так и за его пределами, и что оно не могло произойти без ведома и санкции самого Асфандияр-хана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди сравнительно недавних работ узбекских ученых, затрагивающих более или менее глубоко вопросы, поднимаемые в рамках данной статьи – см.: *Қўшжонов О.* Исфандиёрхон саройидаги жожеалар ёхуд бир котиллик тарихи // *Жонкуяр олим, ташкилотчи ва мураббий.* Урганч, 2000, № 3–4, Урганч: Маърифат ёғдуси, 2004; *Садуллаев А., Сотлиқов О., Абуллаев О.* Сайид Исломуъжа (Сиёсий, маданий-маърифий фаолияти). Тошкент, 2005. С. 56–76; *Қўшжонов О., Полвонов Н.* Хоразмдаги ижтимоий-сиёсий жараёнлар ва ҳаракатлар. Тошкент: Abu-matbuot konsalt, 2007. С. 204–216.

² Отдельные аспекты жизни Хивинского двора в годы Российского протектората освещены в работах: *Erkinov A.* How Muhammad Rahim Khan II of Khiva (1864–1910) cultivated his Court Library as a means of resistance against the Russian Empire // *Journal of Islamic Manuscripts.* 2011, № 2. P. 36–49; *Он же.* Культурный перфекционизм в Хивинской придворной среде при Мухаммад Рахим-хане II как способ противостояния режиму протектората (1873–1910) // *История и культура Средней Азии.* Подготовка к изданию: Б. Бабаджанов, Я. Кавахара. – Токио, 2012. С. 35–69.

³ *Becker S.* Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. – London–New York: Routledge/Curzon, 2004. P. 52.

⁴ Эта территория рассматривалась Хивой в качестве условной границы. См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. С картами и планами. В 3-х тт. – СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1903–1906. – Т. 2. – 1906. С. 60.

⁵ См.: *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего. – СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1877. С. 360; *Жуковский С.В.* Сношения с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. – Петроград: Типо-литография Н.И. Евстифеева, 1915. С. 164.

⁶ Подобные действия выражались в поддержке казахских предводителей в действиях против российских войск, захвате (удалено: в рабство) русских пленных, нападении на торговые караваны. См.: Записка Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана о военных предприятиях

в Хиву. 31 октября 1872 года. (Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз), ф. 715, д. 53, л. 110; *Терентьев М.А.* Указ соч. Т. 2. С. 60–63, 70; Военно-статистическое описание Хивинского ханства, составленное Генерального штаба капитаном Гиршфельдом, переработанное генерал-майором Галкиным. Ч. 1–2. Ташкент, 1902–1903. – Ч. 1. – 1902. С. 21–23.

⁷ Это представление продолжало господствовать в хивинских политических кругах и спустя несколько десятилетий после завоевания. Так, хивинский придворный историк Байани еще в 1910–1912 годах писал, что если бы не разобщенность сил Хорезма, российским войскам было бы не под силу покорить неприступный оазис, «окруженный песками и степями, а также [граничащий] с другой стороны с рекой» (*Мухаммад Йусуф Байани.* Шаджара-йи Хоразмшахи. Ркп. Центра восточных рукописей при Ташкентском государственном институте востоковедения (далее: ЦВР ТашГИВ), № 9596, л. 459б–460а.

⁸ К таковым следует отнести прежде всего походы князя А. Бековича-Черкасского в 1717 г. и генерала В. Перовского в 1839 г., закончившиеся, как известно, неудачно.

⁹ См.: Записка Туркестанского генерал-губернатора... – Л. 109; Записка Государственного канцлера А.М. Горчакова Наместнику Кавказскому Великому князю Михаилу Николаевичу. 29 февраля 1872 года. ЦГА РУз, ф. 715, д. 49, л. 264; *Becker S.* Op. cit. P. 54–55.

¹⁰ *Терентьев М.А.* Указ соч. Т. 2. С. 74. В 1872 г. оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский (в должности – 1864–1881) признавал, что «вопрос о взятии Хивы есть, конечно, вопрос уже решенный», см.: Записка ген.-адъютанта Крыжановского относительно решительных действий против Хивы. ЦГА РУз, ф. 715, д. 53, л. 164. См. также: *Morrison A.* Introduction: Killing the Cotton Canard and getting rid of the Great Game: rewriting the Russian conquest of Central Asia, 1814–1895 // *Central Asian Survey.* 2014. № 2 (33). P. 136.

¹¹ Кауфман считал характер действий хивинских политических кругов «неестественным, аномальным и вместе с тем нетерпимым» (Записка Туркестанского генерал-губернатора... – Л. 109).

- ¹² См.: *Тухтаматов Т.Г.* Россия и Хива в конце XIX – начале XX вв. Победа Хорезмской народной революции. – М.: Наука, 1969. С. 22.
- ¹³ Подробнее о ходе и результатах хивинского похода 1873 г. см.: *Лобысевич Ф.И.* Описание Хивинского похода 1873 года. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1898. С. 251–263; *Терентьев М.А.* Указ соч. Т. 2. С. 60–63, 70.
- ¹⁴ См.: *Лобысевич Ф.И.* Указ. соч. С. 251–263.
- ¹⁵ См.: *Мухаммад Йусуф Байани.* Указ. соч. Л. 465а.
- ¹⁶ См. текст договора в приложении к: *Жуковский С.В.* Указ. соч. С. 179.
- ¹⁷ В частности, русские купцы освобождались от выплаты 5% закята за провоз товаров через территорию ханства, им разрешалось также иметь торговых представителей во всех городах ханства.
- ¹⁸ *Sela R.* Invoking the Russian Conquest of Khiva and the Massacre of the Yomut Turkmens: the Choices of a Central Asian Historian // *Asiatische Studien/Etudes Asiatiques.* 2006. Vol. 60. P. 459.
- ¹⁹ Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора К. фон Кауфмана. 14 ноября 1872 г. ЦГА РУз, ф. 11с, оп. 3, д. 148, л. 30–32.
- ²⁰ *Лобысевич Ф.И.* Указ. соч. С. 272.
- ²¹ Общая площадь АДО составляла 75 900 кв. верст. Линия разграничения АДО с Хивой на юго-западе проходила по Амударье вплоть до ее крайнего западного рукава – Талдыка. На северо-востоке Отдел граничил с Перовским и Казалинским уездами Сырдарьинской области, на востоке с Джизакским уездом Самаркандской области и на западе соприкасался с владениями Бухарского эмирата. См.: *Сарыбаев К.* Аграрный вопрос в Каракалпакии (XIX – начало XX вв.). – Нукус: Каракалпакстан, 1972. С. 30.
- ²² «О выделении Амударьинского отдела из состава Сырдарьинской области». Рапорт военного губернатора Сырдарьинской области № 3. 3 марта 1915 г. ЦГА РУз, ф. 1, оп. 27, д. 429-а, л. 3.
- ²³ ЦГА РУз, ф. 11с, оп. 3, д. 828, л. 11. Цит. по: *Тухтаматов Т.Г.* Амударьинский отдел (Социально-экономическое и политическое значение для Хорезмского оазиса). Нукус: Каракалпакстан, 1977. С. 62.
- ²⁴ Материалы этого документооборота составляют значительную часть фондов: И-907 «Начальник Амударьинского отдела» и И-125, опись I «Канцелярия Хивинского ханства» ЦГА РУз.
- ²⁵ ЦГА РУз, ф. 11с, оп. 3, д. 828, л. 3–11. Цит. по: *Тухтаматов Т.Г.* Цит. соч. С. 59, 61.
- ²⁶ *Терентьев М.А.* Указ соч. Т. 2. С. 300.
- ²⁷ Записка Начальника АДО Н. Лыкошина Дипломатическому чиновнику А.А. Семенову, 29.12.1913 г. № 93. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 348, л. 20.
- ²⁸ Я признателен за это наблюдение коллеге Паоло Сартори.
- ²⁹ См.: *Ташев Н.* Занимал ли Мухаммад-Йусуф Байани должность диванбеги? // *O'zbekiston tarixi.* 2009. № 2. С. 18; *Shioya A.* Povорот and the Khanate of Khiva: a new canal and the birth of ethnic conflict in the Khorazm oasis, 1870–1890s // *Central Asian Survey.* 2014. № 2 (33). P. 238.
- ³⁰ *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 53. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 166.
- ³¹ Там же. Л. 167.
- ³² См. подробнее: ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 291.
- ³³ См. подробнее о биографии Сайида Ислам-Ходжи: *Ражабов Қ.* Исломхўжа // *Ўзбекистон миллий энциклопедияси.* Т. 4. – Тошкент: ЎзМЭ, 2002. С. 245; *Садуллаев А., Сотлиқов О., Абдуллаев О.* Указ. соч. С. 20–33.
- ³⁴ См.: *Лыкошин Н.* Рапорт, 30 сентября 1912 г., № 15. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, 162–163.
- ³⁵ *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 53. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 167.
- ³⁶ ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 195–195 об. Несмотря на неоднократные обращения русской администрации к хивинским властям с просьбой об ознакомлении с данным воззванием, последние отвечали отказом, мотивируя это наличием в тексте ряда оскорбительных для хана выражений. См. напр.: *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 августа 1912 г., № 43. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 134–134 об.
- ³⁷ *Хожжи Юсуфов П.* Ёш хиваликлар тарихи. (Хотиралар) / Маъсул мухаррир ва сўз боши муаллифи М. Матниёзов. Урганч: Хоразм, 2000. Б. 58–59. Единственный известный список данного сочинения хранится в личной библиотеке внука автора, проживающего в Хиве. В середине 1930-х годов перевод данного сочинения на русский язык был осуществлен Б. Чепруновым, см.: Рук. Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук, г. Нукус. Инв. № 670.
- ³⁸ См. напр.: *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 53. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 185.
- ³⁹ Подполковник П.Ф. Васильев, временно исполнявший в момент ареста «диванбегийцев» обязанности Начальника АДО, в своем письме на имя Дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе Барановского признается, что он узнал о произошедших в Хиве событиях по слухам, «имевшим совершенно случайный характер» (ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 194–194 об.).
- ⁴⁰ *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 августа 1912 г., № 43. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 134–134 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 136.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 53. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 168.
- ⁴⁴ *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 августа 1912 г., № 43. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 135 об.
- ⁴⁵ *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 53. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 177 об.
- ⁴⁶ *Лыкошин Н.* Рапорт, 22 декабря 1912 г., № 62. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 208. В мемуарах Палван-Нийаза Юсупова Мухаммад Вафа Караванбаши также неизменно фигурирует в качестве основного действующего лица в связи как с арестом «диванбегийцев», так и с последующим облегчением их участи. См. *Хожжи Юсуфов П.* Указ. соч.
- ⁴⁷ См.: *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 49. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 177 об. – 178.
- ⁴⁸ *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 августа 1912 г., № 43. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 135 об.

- ⁴⁹ Лыкошин Н. Рапорт, 31 августа 1912 г., № 10. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 189 об.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Лыкошин Н. Рапорт, 28 августа 1912 г., № 43. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 135 об.
- ⁵² Лыкошин Н. Рапорт, 8 января 1913 г., № 5. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 203.
- ⁵³ Лыкошин Н. Рапорт, 30 сентября 1912 г., № 15. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 160 об.
- ⁵⁴ Лыкошин Н. Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 49. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 177–177 об.
- ⁵⁵ Лыкошин Н. Рапорт, 22 декабря 1912 г., № 62. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 208 об – 209.
- ⁵⁶ Лыкошин Н. Рапорт, 8 января 1913 г., № 5. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 203.
- ⁵⁷ Лыкошин Н. Рапорт, 4 января 1913 г., № 4. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 305, л. 6 об.
- ⁵⁸ Лыкошин Н. Рапорт, 8 января 1913 г., № 5. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 204.
- ⁵⁹ Там же. Л. 203–204.
- ⁶⁰ Лыкошин Н. Рапорт, 22 декабря 1912 г., № 62. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 208 об – 209.
- ⁶¹ ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 1, д. 343, л. 1.
- ⁶² В частности, во время своего посещения Петербурга в феврале 1913 г. Саййид Ислам-Ходжа встречался «с представителями Турции и Персии», а также «посетил турецкого и персидского послов <...> и довольно долго беседовал с этими дипломатами». (Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА, ныне – РГВИА), ф. 400, д. 178, л. 50. Цит. по: Садыков А.С. Россия и Хива в конце XIX – начале XX веков. – Ташкент: Фан, 1972. С. 133.
- ⁶³ ЦГВИА, ф. 400, д. 62, л. 155. Цит. по: Садыков А.С. Цит. соч. С. 141.
- ⁶⁴ Самсонов А.В. Рапорт Министру иностранных дел, ноябрь 1913 г. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 343, л. 3.
- ⁶⁵ Там же. Л. 3–3 об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 4 об. – 5.
- ⁶⁷ Там же. Л. 5–6.
- ⁶⁸ Там же. Л. 5 об. – 6 об.
- ⁶⁹ Балтаев А. Х^аразм тарихига материаллари. Рқп. Центра восточных рукописей Ташкентского государственного института востоковедения (ЦВР ТашГИВ), № 9320. См. подробнее об этом сочинении и его авторе: Собрание восточных рукописей АН РУз. История. Сост. Д.Ю. Юсупова, Р.П. Джалилова. – Ташкент: Фан, 1998. С. 263.
- ⁷⁰ См.: Балтаев А. Цит. соч. Л. 5а.
- ⁷¹ Таррох-Ходим Б. Хоразм шоир ва навозандалари / Табдил этиб, нашрга тайёрлочи А. Отамурадова, О. Абдурахимов. – Тошкент: Tafakkur qanoti, 2011. Б. 77.
- ⁷² См.: Балтаев А. Цит. соч. Л. 5а; Таррох-Ходим Б. Б. 77. То, что Шайх Назар-бай вскоре после помилования и восстановления в должности был вновь посажен под домашний арест, подтверждает и Н. Лыкошин, см.: Рапорт, 29 декабря 1913 г., ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 348, л. 20-20 об.
- ⁷³ См.: Балтаев А. Цит. соч. Л. 7а.
- ⁷⁴ Там же. Л. 7б.
- ⁷⁵ См.: Лыкошин Н. Рапорт, 30 сентября 1911 г., № 15. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 163–165.
- ⁷⁶ Балтаев А. Цит. соч. Л. 7б-8а; Хожии Юсупов П. Цит. соч. Б. 64.
- ⁷⁷ В качестве одного из таких «добрых гениев Хивы», благодаря которому в Хиве «творилось немало подлостей», А.М. Кисляков называет генерала С.В. Цейля, Начальника Азиатского отдела Генерального штаба (в должности – 1908–1913). См.: Котюкова Т.В. Восстание туркмен в Хивинском ханстве в 1916 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 3–18.
- ⁷⁸ См. напр.: Лыкошин Н. Рапорт, 1 февраля 1913 г., № 8. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 348, л. 6 об.; Он же. Донесение Дипломатическому чиновнику, 5 января 1913 г. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 199–199 об.
- ⁷⁹ В 1916 г. А.М. Кисляков в своей записке на имя П.Н. Милокова откровенно заявлял, что убийство Саййида Ислам-Ходжи «было отлично прикрито [Асфандияр-ханом] обильным золотым дождем, направленным к Сухомлинову через Цейля». (См.: Котюкова Т.В. Указ. соч. С. 16). Балтаев и Юсупов упоминают о значительных суммах, полученных от хивинского правителя членами комиссии по расследованию обстоятельств смерти Саййида Ислам-Ходжи. (Балтаев А. Цит. соч. Л. 7б-8а; Хожии Юсупов П. Цит. соч. Б. 66.)
- ⁸⁰ Эти инициативы до того оставались «весьма долго без движения, благодаря вмешательству покойного вазира-акбара». Самсонов А.В. Цит. док. Л. 7 об.
- ⁸¹ Тухтаматов Т.Г. Россия и Хива... С. 78–84; Садыков А.С. Цит. соч. С. 140–142.
- ⁸² См.: Тухтаматов Т.Г. Россия и Хива... С. 81; Садыков А.С. Цит. соч. С. 140–142; История Хорезма с древнейших времен до наших дней. – Ташкент: Фан, 1976. С. 147. Эта тенденция прослеживается и в работах зарубежных исследователей, см.: Becker S. Op. cit. P. 179–180; Shioya A. Op. cit. P. 239.
- ⁸³ Самойлович А.Н. Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство в 1908 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношении. – 1909. № 9. С. 11–12.
- ⁸⁴ См.: Лаффасий [Хасан Мурод]. Тазкираи шурао / Нашрга тайёрловчи П. Бобожонов. – Урганч: Хоразм, 1992. Б. 52–53; Таррох-Ходим Б. Цит. соч. Б. 76–77.
- ⁸⁵ См.: Лыкошин Н. Рапорт, 4 февраля 1913 г., № 4. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 305, л. 8.
- ⁸⁶ Лыкошин Н. Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 49. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 178 об.
- ⁸⁷ См.: Хожии Юсупов П. Цит. соч.; см. также: Таишев Н. Указ. соч. С. 19.
- ⁸⁸ Самсонов А.В. Цит. док. Л. 2-2 об.
- ⁸⁹ Трошкин [без инициалов]. Рапорт, 26 сентября 1914 г., № 20. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 369, л. 22 об.
- ⁹⁰ Лыкошин Н. Рапорт, 8 августа 1914 г., № 3. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 348, л. 39 об.

Татьяна КОТЮКОВА

«Трепещем при мысли остаться в положении пасынков...»

Прошения поволжских татар Туркестанского края

В 1913 году в Российской империи широко и торжественно отмечали 300-летие династии Романовых. По давней традиции, в честь подобных событий ожидалось излияние монарших милостей на подданных. Со всех уголков империи в Собственную Его Императорского Величества Канцелярию слетались прошения и ходатайства с выражением верноподданнических чувств. Чиновники собирали эти письма в особые, так называемые «юбилейные» папки. В одну из таких папок попали прошения поволжских татар, проживавших в Средней Азии, с просьбой отменить 262 статью Положения об управлении Туркестанским краем.

Татарский фактор во внутренней политике Российской империи в Туркестане в начале XX века, по мнению большинства чиновников и тогдашних экспертов, представлял потенциальную опасность в деле дальнейшего имперского освоения среднеазиатских территорий. Хотя на первоначальном этапе продвижения татар России в Казахскую степь и Среднюю Азию сыграли важную роль, с конца XIX века отношение к ним власти изменилось. Усиление их влияния в этом регионе стало считаться нежелательным, а их религиозная и просветительская деятельность – вредной.

С самого начала завоевания Туркестана правящие круги империи относились к нему как к «окраине на особом положении». Эта «особость» выражалась во всем: от практической подчиненности военному министерству до стремления осуществить несбыточную мечту – «обрусить» регион настолько, чтобы «мусульманский вопрос» в нем ликвидировался сам собой. Помешать реализации этой цели на практике во многом могли поволжские татары¹.

Существовало две основные формы противодействия татарскому влиянию. Правительство на законодательном уровне пыталось ограничивать экономическую деятельность татар в Туркестане. Им чинились всяческие препоны, как, впрочем, и целому ряду других национальностей империи. Татары не могли приобретать здесь движимое и недвижимое имущество, покупать и арендовать землю. Как гласила статья 262 Положения об управлении Туркестанским краем:

Приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае лицам, не принадлежащим к русскому подданству, а равно всем, за исключением туземцев, лицам нехристианских исповеданий воспрещен².

Хотя нередко этот запрет преодолевался покупкой недвижимости на имя подставных лиц, он создавал значительные трудности для поволжских татар Туркестана.

Еще более значительная угроза виделась в просветительской деятельности татарской интеллигенции, принесшей в край идеи джадидизма. Власть всячески препятствовала их преподавательской работе в конфессиональных мусульманских школах Туркестана. Так, 6 февраля 1910 года на заседании Особой комиссии по выработке программы преподавания в туземных классах русско-туземных училищ Туркестанского края под председательством военного губернатора Сырдарьинской области, генерал-лейтенанта М.Я. Романова, в частности, отмечалось, что в местных школах стали появляться учебники, «составленные татарами с произвольной тенденцией». Отмечалось, что направлять образование и руководить обучением местного населения «должны не случайные наставники из чуждых Туркестану татар», а само правительство, «неуклонно преследующее свои определенные национальные цели»³.

В 1865 году в Туркестане проживало до 5 тысяч татар, в основном занимавшихся коммерческой деятельностью. Несмотря на все ограничения и запреты, татарская диаспора в крае постоянно увеличивалась. Татары, в основном, селились в городах. Если в русской части Ташкента в 1871 году проживало всего 98 татар, то в 1897 году их было уже 2 313. К концу XIX века самая многочисленная татарская диаспора – 6 670 человек – проживала в Намангане. Татары в Туркестане были представлены в офицерском корпусе, служили солдатами и переводчиками. Кроме военных и чиновников, среди татар были служители мечетей, приказчики, лавочники, купцы, ремесленники и т.д.⁴

В конце XIX века в Ташкенте действовали татарская мечеть и медресе. В центре города процветал торговый пассаж татарских коммерсантов, братьев Яушевых. В 1904 году Сахибом Еникеевым был создан татарский театр. Значительную работу проводили татары по налаживанию местной периодической печати⁵.

Тем не менее, туркестанская администрация, опасавшаяся распространения панисламизма и пантюркизма среди местного населения, видела в татарских просветителях потенциальную угрозу.

В 1910 году было создано «Особое совещание для выработки мер по противодействию татаро-мусульманскому влиянию». По мнению участников совещания, этническая и религиозная сплоченность среди мусульманских народов царской России представляла для нее серьезную опасность. В случае объединения всех тюркских и мусульманских народов России, насчитывавших тогда около 20 миллионов человек, государству, считали участники совещания, «будет угрожать со всего внутреннего востока и юга серьезная культурная борьба, исход которой предугадать весьма трудно»⁶.

Источник этой потенциальной угрозы олицетворяла собой Османская Турция, а ее проводником считались российские татары. Кроме того, дальнейшее увеличение татарской диаспоры в Туркестане, по мнению правительства и ряда депутатов Государственной думы, могло затруднить переселение в Туркестан русских крестьян. В 1912 г. Государственная дума обсуждала законопроект «Об отводе русским переселенцам участков казенной орошаемой земли в Голодной степи Самаркандской области».

Орошенные земли должны быть переданы русским переселенцам⁷; поволжские же татары воспринимались как их возможные конкуренты⁸. К заселению допускались лица всех христианских вероисповеданий, имеющие имущество в размере 1 тысячи рублей; размер надела определялся от 8 до 10 десятин на один крестьянский двор; оговаривалось льготное налогообложение, но со временем должен был взиматься сбор в пользу погашения государственных затрат на строительство оросительной системы⁹.

Мусульмане в край не допускались. Крупный помещик, депутат от Курской губернии Н.Е. Марков-Второй открыто заявил:

...Сейчас вы пустите туда (в Туркестан – Т.К.) русский народ, ибо это место инородческое нуждается в том, чтобы оно до некоторой степени обрусело. Обрусело в государственном смысле.

Депутаты-мусульмане назвали аргументы Маркова-Второго «зоологическими». От имени мусульманского населения они выразили протест по поводу данного законопроекта. Вместе с кадетами мусульманская фракция требовала допустить в край представителей всех вероисповеданий и национальностей. Депутат Г.Х. Еникеев открыто спрашивал: «Почему одних бедняков нужно устраивать за счет других?»¹⁰.

Таков был политический фон тех прошений, которые поступали в канун юбилея Дома Романовых на имя государя императора Николая II от поволжских татар Туркестана.

Письма очень разные – и составленные простыми, порой неграмотными людьми, и представителями просвещенной интеллигенции, и предпринимателями. Все – и потомственные дворяне, и вчерашние крестьяне, просили царя об одном – разрешить русскоподданным татарам покупать в Туркестане недвижимость и принять дополнительные пояснения к процитированной выше статье 262 Положения об управлении Туркестанским краем.

Такого рода обращения стали поступать на Высочайшее имя практически сразу после принятия Положения 1886 года. Распространение ограничительной нормы, заложенной в статье 262, на поволжских татар наносило очевидный ущерб перспективам экономического развития края, а значит государственным интересам России в Туркестане. Тем не менее, правительство не спешило с принятием положительного решения.

Прошения из Туркестана, как, впрочем, и из других регионов так называемой Азиатской России, находящихся в ведении Азиатской части Главного Штаба, в 1913 году направлялись Собственной Его Императорского Величества канцелярией на предварительное ознакомление военному министру.

28 июня 1913 года начальник Азиатской части в обращении к министру юстиции задал прямой вопрос:

Может ли быть разрешен возбужденный представителями татарской народности вопрос в порядке верховного управления или Сенатского разъяснения, или для сего единственный путь – законодательный?¹¹

Ответ, последовавший 17 июля 1913 года, был отрицательным. Разрешить ситуацию, по мнению министра, можно было только путем внесения соответствующих

изменений в Положение об управлении Туркестанским краем¹². Работа по изменению этого Положения велась к тому времени уже не один десяток лет и, как полагал министр, была близка к завершению. Поэтому, по его мнению, следовало дожидаться принятия нового основного закона для Туркестана, с учетом всех имеющихся поправок. Эту точку зрения разделяли и туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов¹³ и военный министр генерал В.А. Сухомлинов¹⁴.

Примечательно, что начальник Главного Штаба генерал Н.П. Михневич попросил туркестанского генерал-губернатора поставить в известность о принятом решении лишь имама Ахтямова – возможно, как человека, имевшего отношение к военному министерству¹⁵.

Откладывая отмену дискриминационного положения 262-й статьи, правительство, тем самым, только накаляло ситуацию в области национальной и конфессиональной политики и отталкивало от себя ту часть мусульманского общества, которая была настроена в отношении власти абсолютно лояльно.

Ниже публикуются документы, посвященные дискуссии вокруг 262-й статьи Положения об управлении Туркестанским краем.

Документ № 1¹⁶

Всепресветлейший, державнейший,
великий государь император Николай Александрович,
самодержец Всероссийский, государь всемилостивейший!

Просят татары, проживающие в городе Перовске¹⁷ Сырдарьинской области: Мухаммед-Фатих Брондуков, Хайрулла Апакаев, Гибадулла Газизов, Рахматулла Газизов, Мухаммед-Галий Газизов, Касым Раков, Хакимжан Иманкулов, Шарафутдин Шакушин, Абдурахим Юнусов, Абдурахман Юнусов, Сунгутулла Шарафутдинов, Латфулла Шарафутдинов, Джиганша Сейфутдинов, Хисамутдин Сейфутдинов, Мухамеджан Хакимов, Вагиз Каримов, Абдурахман Галимов, Мустафа Исмагилов, Абдукадыр Мухаммедшин, Насыр Абдулгазизов, Халил Яушов, Хайрулла Аюпов, Нурмухаммед Басариев, Камалетдин Сейфутдинов, Нигматжан Мухаррамов, Хажи-Ахмет Темирбулатов, Мухаммед-Галий Абдусаттаров, Вали Аюпов, Ахмед-Вали Рахметуллин и Фазлулла Брондуков.

Всепоподданнейшее прошение

262 ст. Положения об управлении Туркестанским краем нам, татарам, в Туркестанском крае воспрещено приобретать недвижимые имущества, тогда как другим мусульманам, даже из соседних ханств, разрешено таковое приобретение.

Предки наши частью являлись в край во времена покорения его в качестве маркитантов, частью в качестве торговцев, а большинство же нас родилось и выросло в городе Перовске где, в виду малоземелья у себя на родине и безработицы и занимаемся разными ремеслами и торговлею. Мы как верноподданные вашего величества, всегда были аккуратными исполнителями всех распоряжений касающихся нас, отбывая также и воинскую повинность наравне с другими соотечественниками. 21 февраля этого года исполняется 300 лет благополучного царствования Дома Романовых и к этому высокаторжественному дню для всей России мы, верноподданные вашего величества, возносим к всевышнему свои горячие молитвы о ниспослании вашему величеству с августейшим вашим семейством и всему царствующему Дому долголетнего здоровья и благополучного царствования.

Великий государь, к указанному дню все верноподданные вашего величества, в числе коих и мы, с большою надеждою ждем вашего величества царских милостей.

Ведь не провинились же мы, чтобы отличали нас от других единоверцев наших, которым разрешается приобретение в крае недвижимого имущества.

Повергая к стопам вашего величества наши верноподданнические чувства, слезно умоляем обратить на нас, верных слуг, свои царские очи и дабы повелено было: даровать нам царскую милость свою свободно приобретать в крае недвижимые имущества наравне с другими мусульманами нашего отечества¹⁸.

Прошение со слов просителей составил киргиз 4 аула Царской волости

Уразбай Кичкейбаев¹⁹

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4264, л. 3–4. Машинопись. Подлинник. Автографы.

Документ № 2²⁰

Ваше императорское величество
августейший монарх
всемилоостивейший государь!

Просят: жители города Катта-Кургана Самаркандской области Ахмеджан Валиевич Абаев, Гани Валиевич Абаев, Карим Хасанович Тюменев, Алим Мухаметжанович Чимбарисов и Абдул-азис Рахматулович Ялышев.

Всепоодданнейшее прошение

В счастливые дни великого торжества населяющих всю Россию народностей, когда каждый верноподданный будет праздновать светлый праздник 300-летия царствования Дома Романовых, мы просители, верные и преданные своему монарху подданные, мусульмане по вере своей, повергаем к священным стопам Всемилоостивейшего государя нашего свое всепоодданнейшее ходатайство об оказании нам царской милости.

Все мы хлопководы и живем в Туркестанском крае уже по многу лет: Абаевы – 3 года, Тюменев – 20 лет, Чимбарисов и Ялышев по 18 лет. Живем мы в Катта-Курганском уезде Самаркандской области, покупая хлопок, продавая его, обрабатывая на заводах и экспортируя его в Европейскую Россию. Наши обороты достигают 4000000 руб. Вокруг каждого из нас работает и кормится много людей.

Когда мы прибыли в уезд, отсюда не вывозилось и ста вагонов хлопка в год, а теперь – больше тысячи. В этом росте хлопкового дела в уезде есть большая часть наших трудов и стараний. В своих трудах мы всегда следовали указаниям высшей администрации в крае и устроителей его. Так, мы всюду вводили, согласно указаниям начальства, посевы американского хлопка, вытесняющего местный туземный, волокна которого хуже качеством.

Императорское правительство, в постоянной заботе об устройении края и благ туземного населения, обращает особое внимание на хлопковое дело, которое уже в настоящее время является огромным фактором туркестанской жизни, а в будущем обещает стать резервуаром, который удовлетворит всю нужду государства в хлопке и освободит Россию от зависимости в этом отношении от Америки. Таким образом, работая в этих отраслях в крае так много лет, мы в своей работе следуем целям правительства. И действительно, хлопководство в Катта-Курганском уезде развивается усиленными темпами и по площади посева наш уезд занимает первое место в области.

Культура хлопка вызывает в свою очередь возникновение новых отраслей промышленности, как-то: хлопкоочистительных, прессовальных, маслобойных и мыловаренных заводов. Увеличение площади посева, увеличивая урожай, увеличивает количество груза Среднеазиатской и Ташкентской железных дорог²¹, чем увеличивается их доходность. Подвозка хлопка к заводам и станциям железных дорог дает значительный заработок населению, увеличивая его благосостояние и покупательную силу, что в свою очередь усиливает импорт продуктов русской промышленности, преимущественно московского района.

Наш труд содействовал оживлению края вообще и в частности нашего уезда. Благодаря хлопководству в уезде выстроилось 15 хлопкоочистительных заводов и много другого. И мы могли бы еще значительно увеличить и поднять это дело в области, выстроив еще несколько заводов и

оросив искусственным образом большие пустынные пространства земли, которые теперь лежат невозделанными. Мы бы построили ирригационные сооружения на свои средства, не испрашивая ни от кого субсидий. Но препятствием нам в этом деле является запрещение лицам нехристианского вероисповедания, не принадлежащим к туземцам, приобретать недвижимость в Туркестанском крае. Это запрещение сковывает нашу работу, нанося вред не только нам, но и краю, уменьшая площадь посева хлопка, сокращая вообще хлопковое дело в области.

Наше положение является поистине трагическим. Являясь крупнейшими хлопководами, мы не можем приобрести никакой земли, имея нужду в десятке заводов, мы не можем построить ни одного, вынужденные арендовать заводы у других или вкладывать свои капиталы в чужие предприятия. Все это парализует работу, создает неуверенность в завтрашнем дне и ставит непреодолимые препятствия к развитию хлопкового дела в крае. И если мы в продолжение двух десятков лет неизменно стоим на своем посту, то это объясняется тем огромным опытом, который мы за это время приобрели.

А отсутствие у нас права приобретать недвижимые имущества настолько затрудняет нашу работу, что делает ее почти беспочвенной. Ведь мы, несмотря на миллионные обороты, почти не имеем кредитов в банках, которые открывают кредит здесь только тем хлопководам, которые владеют недвижимостями. А без кредита в наше время прямо невозможно работать.

Ходатайствуя о милости августейшего монарха, мы считаем долгом прибавить, что мы – люди честные, семейные, и о нас местная администрация может дать самые благожелательные отзывы.

Верные своему государю, преданные ему всем сердцем своим, воспитывая детей своих в страхе Божиим и благоговении перед милостивым нашим монархом – отцом и защитником дедов и внуков наших, мы молим о милости: **о разрешении нам приобретать недвижимости в Туркестанском крае – во внимание к трудам нашим в крае и в ознаменование редкого исторического юбилея, до которого Господь Бог сподобил нас дожить**²².

Вознося молитву отцу небесному о здравии и долголетию вашего императорского величества, мы всеподданнейше просим: дабы повелено было **наше ходатайство удовлетворить**²³.

Прошение сие составил со слов просителей и набело переписал окончивший юридический факультет императорского Университета Святого Владимира *Соломон Абрамович Герцфельд*.

Вашего императорского величества верноподданные: крестьянин Тамбовской губернии Ахмеджан Валиевич Абаев, крестьянин Тамбовской губернии Гани Валиевич Абаев, крестьяне той же губернии: Карим Хасанович Тюменев, Алим Мухамеджанович Чембарисов, Абдулазис Рахматулович Ялышев.

*Город Катта-Курган Самаркандской области.
февраля 8 дня 1913 г.*

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4264, л. 5–8. Рукопись. Подлинник. Автографы.

Документ № 3²⁴

Его императорскому величеству
государю императору!

Поверенного татар, проживающих в Ташкенте, Самарканде, Коканде, Чимкенте, Аулие-Ата и Казалинске – военного имама Ахтямова²⁵, жительствующего в городе Ташкенте

Всеподданнейшее прошение.

Ваше императорское величество
всемилоостивейший государь
августейший монарх!

Принадлежа к коренному населению внутренних губерний, составляя единое нераздельное с ним целое как по беспредельной преданности престолу, так и по тяготам перед отечеством, мы

татары, проживающие в Туркестанском крае прибыли сюда частью в рядах войск, завоевывавших край, частью предшествовали войскам, облегчая им путь и многие из нас в настоящее время своими трудами способствуют развитию культуры и промышленности в крае.

Тем не менее, ст. 262 Положения об управлении Туркестанским краем мы ограничены в самом существенном праве всякого гражданина – приобретать недвижимое имущество в пределах Туркестанского края, хотя имеющееся в тексте означенного закона выражение «туземцы», несомненно, имеет в виду как коренных жителей края, так и пришлое магометанское население, в каком смысле и состоялся отзыв Главного Штаба от 28 мая 1888 г. за № 25922 на имя Туркестанского генерал-губернатора, в каком отзаве высказано соображение о том, что Туркестанское положение не делает различия между коренным населением края и пришлым, не европейским элементом и подразумевает под выражением «туземцы» не только коренных жителей края, но и всех инородцев-мусульман, проживающих постоянно в Туркестанском генерал-губернаторстве, не исключая даже хивинцев и бухарцев и других, переселившихся в его пределы и принявших русское подданство, по занятию этого края нашими войсками.

Отсутствие необходимости и ненормальность такого положения признавались лицами, коим вашему императорскому величеству благоугодно было вверить власть в деле управления Туркестанским краем. Еще в 1890 г. состоялась следующая резолюция господина Туркестанского генерал-губернатора барона Вревского²⁶ на рапорте военного губернатора Самаркандской области от 22 июня 1890 г. за № 6119 по аналогичному прошению татар от 9 марта 1890 г.: «в смысле нижеположенного моего мнения или разъяснения ст. 262 Положения 1886 г., признаю мерою не только не опасною, но справедливою и полезною для России безусловно разрешить татарам русским подданным приобретать недвижимые имущества в Туркестанском крае, тем более, что туземцам в том числе и татарам среднеазиатских ханств это право уже предоставлено. Обвинение татар в распространении в крае нежелательного фанатизма совершенно голословно и никакими фактами не подтверждается, а между тем татары и теперь состоят на государственной службе в качестве коренных переводчиков, старостами на почтовых станциях, оказывают громадное содействие в деле утверждения русских порядков и нашего государства в крае. Барон Вревский».

В недалеком прошлом такой знаток Туркестанского края, как Туркестанский генерал-губернатор генерал Гродеков²⁷, признавая деятельность татар в крае вполне соответствующей интересам русской гражданственности, по собственной инициативе 16 января 1907 г. за № 575 вошел с представлением к господину Военному министру о предоставлении прав приобретения недвижимых имуществ в Туркестанском крае всем татарам; несмотря на авторитетное заступничество лиц, облеченных доверием вашего императорского величества, вопрос этот до сего времени не разрешен в благоприятном для нас смысле и лишь имеются на лицо отдельные случаи приобретения татарами недвижимых имуществ с разрешения вашего императорского величества, как проявление особой монаршей милости.

Такое к нам отношение находится в зависимости от приписываемой нам приверженности к фанатизму; мнение это совершенно голословно и опровергается приведенными выше взглядами барона Вревского и генерала Гродекова. Другое возможное объяснение, а именно – стремление путем ограничения татар – сохранить колонизационные фонды для использования его лишь христианским населением теряет свое основание, так как фонд этот ныне приведен в известность и находится всецело в распоряжении переселенческого Управления. Таким образом, нет оснований к применению в отношении нас ст. 262 Положения об управлении Туркестанским краем, столь суровой и незаслуженно для нас обидной. Перед лицом своего августейшего монарха мы заявляем, что мы всегда были охвачены лишь одним стремлением разделять вместе историческую судьбу нашей дорогой Родины, составляя одну семью со всем русским народом.

Ныне, когда ваше императорское величество вместе со всей Россией переживает огромное событие, наполняющее счастьем душу каждого русского гражданина – трехсотлетие царствования Дома Романовых – мы трепещем при мысли остаться в положении пасынков среди общей радости и ликования всех сынов России; мы прибегаем к стопам вашего императорского величества и верноподданнически просим милости своего августейшего повелителя – **дабы повелено**

было татарам, русским подданным, беспрепятственно приобретать недвижимую собственность в пределах Туркестанского края²⁸.

Повелите мне, всемилостивейший государь, осчастливить ваших верноподданных татар.

Имам Ахтямов

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4264, л. 18–20 об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

Документ № 4

Ваше императорское величество
августейший монарх
всемилостивейший государь!

Потомственных дворян отставного генерал-майора Сахиб-Гирея Мухаммед-Гиреевича Еникеева²⁹, проживающего в г. Ташкенте, Ургутская ул., д. 16, и члена Государственной думы Гайсы Хамидуллича Еникеева³⁰, проживающего в г. Петербурге, Ставропольская ул., № 1, кв. 34,

Всеподданнейшее прошение.

В настоящее время право приобретения земель и вообще недвижимостей в Туркестанском крае нормируется статьей 262 Положения об управлении Туркестанским краем. Эта статья гласит: «Приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае лицами, не принадлежащими к русскому подданству, а равно всеми, за исключением туземцев, лицами нехристианских исповеданий, воспрещается».

При обсуждении принципов, легших в основу закона 1 января 1887 г., и в частности в основание 262 статьи Туркестанского Положения, Соединенные Департаменты Государственного Совета рассуждали: «Туркестанский край, заселенный полудикими инородцами и заключающий в себе весьма плодородные местности, представляет широкое и благодарное поле для эксплуататорской деятельности различных хищников. Озабочиваясь возможным ограждением местного населения от этого зла и принимая во внимание, что, по указаниям опыта, эксплуататорами являются большею частью лица нехристианского исповедания, по преимуществу евреи и выходцы из Индии, Департаменты признают полезным, безусловно воспретить означенным лицам приобретение земельной собственности в Туркестанском крае. Кроме того, соображения политического свойства требуют недопущения водворения в означенный край также иностранцев. Поэтому упомянутое воспрещение надлежит распространить на сих последних, за исключением, впрочем, бухарцев и хивинцев, принадлежащих к племенам, родственным туземцам Туркестана и связанных с ними общими торговыми и экономическими интересами».

С еще большею категоричностью говорит по этому поводу правительствующий законопроект, одобренный Советом Министров, внесенный в Государственную думу от 28 февраля 1907 г., № 1479, об отмене содержащихся в действующем законодательстве ограничений, политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инословным и иноверным исповеданиям.

Здесь на стр. 4-ой в п. 3 сказано: «В непосредственной связи с ограничениями, установленными в законе специально для евреев, находятся и некоторые стеснения политических и гражданских прав лиц, принадлежащих к иноверным нехристианским исповеданиям. Хотя, по буквальной реакции этих постановлений, они и имеют в виду всех вообще нехристиан, но ближайшее ознакомление с законодательными источниками, послужившими основанием для их издания, не оставляет места сомнению, что действие их направлялось, главным образом, против евреев.

К числу означенных постановлений относится ст. 262 (с примечаниями) Положения об Управлении Туркестанским краем (издание 1892 г.).

Таким образом, запрещение приобретать недвижимость в Туркестанском крае должно касаться только евреев, выходцев из Индии, иностранцев, за исключением бухарцев и хивинцев, но отнюдь не татар.

Помимо соображений юридических, и та роль, которую играли татары во время завоевания Туркестанского края, и то положение, которое они ныне занимают среди местного населения, приводит к выводу о полном отсутствии надобности каких бы то ни было ограничений по приобретению ими недвижимых имуществ.

Отсутствие необходимости и ненормальность такого положения признавались лицами, коим вашему императорскому величеству благоугодно было вверить власть в деле управления Туркестанским краем. Еще в 1890 г. состоялась следующая резолюция Туркестанского генерал-губернатора барона Вревского на рапорте военного губернатора Самаркандской области от 22 июня 1890 г. за № 6119 по аналогичному прошению татар от 9 марта 1890 г.: «В смысле нижеизложенного моего мнения, прошу составить проект дополнения или разъяснения ст. 262 Положения 1886 г. Признано мною не только не опасною, но справедливою и полезною для России мерою безусловно разрешить татарам русским подданным приобретать недвижимые имущества в Туркестанском крае, тем более, что туземцам в том числе и татарам среднеазиатских ханств это право уже предоставлено. Обвинение татар в распространении в крае нежелательного фанатизма совершенно голословно и никакими фактами не подтверждается, а между тем татары и теперь состоят на государственной службе в качестве коренных переводчиков, старостами на почтовых станциях, оказывают громадное содействие в деле утверждения русских порядков и нашего государства в крае. Барон Вревский»³¹.

В недалеком прошлом такой знаток Туркестанского края, как Туркестанский генерал-губернатор генерал Гродеков, признавая деятельность татар в крае вполне соответствующей интересам русской гражданственности, по собственной инициативе 16 января 1907 г. за № 575 вошел с представлением к господину Военному министру о предоставлении прав приобретения недвижимых имуществ в Туркестанском крае всем татарам; несмотря на авторитетное заступничество лиц, облеченных доверием вашего императорского величества, вопрос этот до сего времени не разрешен в благоприятном для нас смысле.

Такое к нам отношение находится в зависимости от приписываемой нам приверженности к фанатизму. Это мнение распространилось и поддерживается той организацией³², во главе которой стоял покойный Победоносцев³³. Это мнение совершенно голословно и опровергается приведенными выше взглядами барона Вревского и генерала Гродекова.

Другое возможное объяснение, а именно, стремление путем ограничения татар сохранить колониционный фонд для использования его лишь христианским населением теряет свое основание, так как фонд этот ныне приведен в известность и находится всецело в распоряжении переселенческого Управления.

Принадлежа к коренному населению внутренних губерний, составляя единое нераздельное с ними целое как по беспредельной преданности престолу, так и по тяготам перед отечеством, мы, татары, проживающие в Туркестанском крае, прибыли сюда частью в рядах войск, завоевывавших край, частью предшествовали войскам, облегчая им путь, и многие из нас в настоящее время своими трудами способствуют развитию культуры и промышленности в крае.

О татарах-мусульманах внутренних губерний Комитет министров, пересматривавший (так в документе – *Т.К.*) на основании п. 7 Указа 12-го декабря 1904 г., высказал следующее заключение: «Проживая в составе России уже в течение многих столетий, мусульманское население внутренних губерний исполняло всегда долг свой перед государством наравне с коренными его подданными и не доставляло правительству каких либо особых забот в отношении политическом. Будучи затем весьма твердыми в правилах своего вероучения, население это никогда, однако, не проявляло стремления к прозелитизму среди русского народа. Кроме того, несмотря на сохранившиеся еще некоторые отличия внутреннего и внешнего быта, население это сроднилось с Россией и вполне ей дружелюбно».

Это понятно, ибо в продолжение многих сотен лет мы, татары, являлись надежной опорой престола, верными подданными своего царя.

Таким образом, Департаменты Государственного Совета, Комитет министров и Совет министров и вышеупомянутые генерал-губернаторы Туркестанского края все единогласно подтверждают необходимость разрешения нам, татарам, приобретать недвижимости в Туркестанском крае.

Татьяна КОТЮКОВА. «Трепещем при мысли остаться в положении пасынков...»

К тому же имеются на лицо неоднократные случаи приобретения татарами недвижимых имуществ с разрешения вашего императорского величества, как проявление особой монаршей милости.

Таким образом, вашим величеством этот вопрос уже много раз разрешался и всегда в смысле благоприятном для татар.

Памятуя об этом, мы дерзаем теперь в связи с радостными событиями для всех нас, с трехсотлетием царствования священного рода вашего, всеподданнейше просить ваше императорское величество распространить милость, донныне оказанную лишь некоторым из нас, на всех татар, разрешить всем татарам, русским подданным, свободно приобретать недвижимости в Туркестанском крае.

Отставной генерал-майор
Член Государственной думы
г. С. Петербург
11 марта 1913 г.

С. Еникеев

Г. Еникеев

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4264, л. 21–23. Подлинник. Машинопись. Автографы.

Документ № 5

Доклад по Главному Штабу

«Об оставлении без последствий прошения татар, ходатайствующих об отмене установленных для них законом ограничений в вопросе о приобретении недвижимостей в Туркестанском крае»

23 января 1914 г.
№ 3.

Азиатская Часть

Высочайшее соизволение на испрашиваемое последовало 24 января 1914 г.

генерал-адъютант Сухомлинов³⁴

В связи с великим для всей России событием трехсотлетия царствования священного рода вашего императорского величества, представители проживающих в Туркестане татар обратились со всеподданнейшим прошением об отмене, в путях монаршей милости, действующих в отношении этой народности ограничений по приобретению недвижимостей в крае.

Вашему императорскому величеству благоугодно было высочайше повелеть передать вышеизъясненное прошение для исполнения.

В настоящее время право приобретения недвижимостей в Туркестане нормируется статьей 262 Положения об управлении Туркестанского края, которая гласит: «Приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае лицам, не принадлежащим к русскому подданству, а равно всем, за исключением туземцев, лицам нехристианских исповеданий воспрещен».

Просители указывают, что ни в Туркестанском Положении, ни в других законодательных актах нет прямых указаний о лишении татарской народности некоторых прав в Туркестане, и что ограничения, фактически существующие, есть следствие тенденциозного толкования закона местными властями; что, наконец, ограничительных постановлений по приобретению недвижимостей, известных центральному правительству по отношению к татарам, не было.

В силу приведенного соображения, представители татарского населения в Туркестане ходатайствуют об отмене объясненных ограничений в путях верховного управления.

По настоящему делу обязуюсь доложить нижеследующее:

Прежде всего, закон совершенно ясно и определенно воспрещает приобретение недвижимостей в Туркестанском крае не туземцам нехристианского вероисповедания, к категории которых относятся русскоподданные татары; и в таковом толковании закона никаких разногласий между центральным правительством и местной властью не было.

Так, в 1886 г. при обсуждении вопроса о предоставлении указанного права офицерам и чи-

новникам магометанского вероисповедания последовало основное указание Соединенных Департаментов Государственного Совета, признававших, что для изменения ограничительного для татар закона не имеется достаточных оснований.

Точно так же вопрос о правах татар в Туркестане разбирался по существу и в 1905 г., ввиду ходатайства, приуроченного к радостному событию рождения наследника Российского императорского престола.

Вашему императорскому величеству, по всеподданнейшему докладу Военного министра, благоугодно было отклонить это ходатайство.

По заключению министра юстиции, возбужденное военным имамом Ахтямовым, генерал-майором Сахиб-Гиреем и членом Государственной Думы Еникеевым всеподданнейшее ходатайство могло бы подлежать удовлетворению только в законодательном порядке.

С другой стороны, Туркестанский генерал-губернатор, указывая на преобладающий мусульманский элемент края, признает желательным и даже необходимым, по соображениям государственного характера, чтобы те недвижимые имущества на окраине, которые поступают в продажу, приобретались бы коренными русскими, наплыв которых в край с каждым годом возрастает. С этой точки зрения главный начальник края высказывается за отклонение настоящего ходатайства.

Помимо того, вашему императорскому величеству благоугодно было в 25-й день февраля 1913 г. высочайше утвердить Положение Совета Министров, коим военному министерству поручено выработать новое Туркестанское Положение. Последнее уже разрабатывается на месте и можно ожидать представления некоторых его отделов в скором времени на рассмотрение центральных учреждений.

Нужно полагать, что в новом Положении вопрос о правах татарской народности в Туркестанском крае получит должное, с точки зрения государственной, и отвечающее местным интересам разрешение.

По совокупности приведенных оснований полагалось бы настоящее ходатайство об установлении, в путях монаршей вашего императорского величества милости, изъятий из закона для татарской народности в отношении приобретения недвижимостей в Туркестанском крае – признать не заслуживающим уважения и посему подлежащим оставлению без последствий.

Испрашивается:

Благоугодно ли будет вашему императорскому величеству высочайше повелеть исполнить, как предположено.

*генерал-адъютант Сухомлинов
генерал от инфантерии Михневич³⁵*

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4264, л. 27–28. Подлинник. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кэмпбелл Е.И. Русские или татары: имперский взгляд на проблему культурного доминирования в восточных областях России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сб. ст. в честь Б.В. Ананьича. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 85–94.

² Положение об управлении Туркестанским краем. Ташкент, 1892. – С. 32.

³ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И-1. Оп. 13. Д. 811. Л. 74–79 об.

⁴ См.: Гайсина Л.Р. Этнический состав населения «новых частей» городов Русского Туркестана // Вестник Томского государственного университета. 2012, № 354. – С. 71.

⁵ См.: Шагабдинов Р.Н., Жукова Л.И. Татары // Этнический атлас Узбекистана. – Ташкент: ЛИА Р. Элинина, 2002. – С. 204.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 3421. Л. 4–23 об.; Аршаруни А. Из истории национальной политики царизма // Красный архив. Т. 4 (35). – М.; Л., 1929. – С. 107–127.

⁷ См.: Туркестанский курьер. 1912. 26 ноября.

⁸ Об этом, например, говорил в своем докладе Государственной думе 10 мая 1913 года Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин. Он решительно не мог расстаться с идеей создания из крестьян центрально-черноземных губерний хлопко-

робов новой формации. (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5197. Л. 104–111 об.).

⁹ См.: *Караваев В.Ф.* Голодная степь в ее прошлом и настоящем: Статистико-экономический очерк. (По исследованию 1914 г.). / Материалы и исследования к проекту орошения Голодной и Дальверзинской степей. [Вып. I]. – Пг., Типо-Литография Н.Л. Ныркина, 1914. – С. LIV–LVI.

¹⁰ Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты 1913. Сессия V. Часть III. Заседания 55–81. – СПб.: Государственная типография, 1913. – С. 2287–2318.

¹¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4264. Л. 9.

¹² См. там же. Л. 10–11.

¹³ См. там же. Л. 13–13 об.

¹⁴ См. там же. Л. 26.

¹⁵ См. там же. Л. 29.

¹⁶ На документе штамп «Юбилейное» 11 февраля 1913 г.»

¹⁷ Современное название города Кызылорда, Республика Казахстан.

¹⁸ Абзац в тексте документа подчеркнут красным карандашом.

¹⁹ Написано от руки. В конце документа всего 30 подписей, в том числе на арабской графике.

²⁰ На документе штамп «Юбилейное» 15 февраля 1913 г.»

²¹ Среднеазиатская железная дорога была образована в результате соединения Закаспийской военной железной дороги и Самарканд-Андижанской железнодорожной линии.

²² Подчеркнуто в тексте документа.

²³ Подчеркнуто в тексте документа.

²⁴ На документе штамп «Юбилейное» 1 февраля 1913 г.»

²⁵ *Ахтямов Ахмед-Заки* (1865–1937) – мулла, ахун. Окончил Апанаевское медресе в Казани. С 1891 г. служил имамом городской мечети в городе Зайсане. Безвозмездно в 1891–1895 гг. исполнял требы солдат и офицеров 4-го Западно-Сибирского линейного батальона, а в 1900–1908 гг. – 1-го Западно-Сибирского батальона. В декабре 1908 г. возведен в почетный сан ахуна. Был награжден серебряной медалью «За усердие». В том же году назначен на должность военного имама. Параллельно религиозной практике Ахтямов занимался преподаванием в школах татарского языка и основ мусульманской религии. В 1913 г. царским указом был удостоен звания «личного почетного гражданина». В 1937 г. арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1989 г.

²⁶ *Вревский Александр Борисович* (1834–1910) – барон, генерал-лейтенант, начальник штаба Одесского военного округа (1884–1889), Туркестанский генерал-губернатор (1889–1898).

²⁷ *Гродеков Николай Иванович* (1843–1913) – генерал от инфантерии, приамурский генерал-губернатор (1898–1906), туркестанский генерал-губернатор (1906–1908), член Государственного совета.

²⁸ Подчеркнуто в тексте документа синим карандашом.

²⁹ *Еникеев Сахиб-Гирей Мухамед-Гиреевич* (1856–1929) – родился в Башкирии в деревне Каргалы в семье потомственных дворян. Окончил Оренбургское юнкерское училище. В 1912 г. вышел в отставку в чине генерал-майора. Жил в Ташкенте. С началом Первой мировой войны его вновь призвали на военную службу. За невыполнение приказа Туркестанского комитета Временного правительства был со своим полком выслан в Термез. После Октябрьской революции со своими солдатами вернулся в Ташкент. Солдаты из полка Еникеева укрыли его в крепости, чтобы сохранить ему жизнь. После революции Еникеев преподавал на восточном факультете, работал в нотариальной конторе. Умер от воспаления легких. Его потомки живут в Узбекистане.

³⁰ *Еникеев Гайсы Хамидуллоевич* (1864–1931) – родился в Башкирии в деревне Каргалы в семье потомственных дворян. Окончил Оренбургскую инородческую учительскую семинарию. Заведовал медресе Хусайния в Оренбурге. Депутат Государственной Думы III и IV созывов. Один из наиболее деятельных членов мусульманской фракции. После октября 1917 г. отошел от политической деятельности, работал в советских учреждениях.

³¹ Здесь и далее текст прошения полностью воспроизводит текст прошения Ахтямова. Ахтямов и Еникеевы были, несомненно, знакомы.

³² Имеется в виду Святейший Синод.

³³ *Победоносцев Константин Петрович* (1827–1907) – русский государственный деятель консервативных взглядов, ученый-правовед, писатель, переводчик, историк Церкви. Идеолог контрреформ Александра III. В 1880–1905 гг. занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода. Член Государственного совета.

³⁴ *Сухомлинов Владимир Александрович* (1848–1926) – генерал-адъютант, генерал от кавалерии, военный министр (1909–1915).

³⁵ *Михневич Николай Петрович* (1849–1927) – генерал от инфантерии, военный писатель. Один из крупнейших русских военных теоретиков. После Октябрьской революции поступил на службу в РККА.

Александр МОРРИСОН

«Мы не англичане...»

К вопросу об исключительности российского империализма

Мы не англичане, которые стараются в Индии отнюдь не смешиваться с туземною расою и которые за то, рано или поздно, могут заплатить потерю этой страны, где у них не будет родственных связей; наша сила, напротив, в том и состояла доселе, что мы ассимилировали покоренные народы, дружелюбно сливаясь с ними.

М.И. Венюков. «Поступательное движение России в Средней Азии»¹.

Двойственность русского самосознания – как бы посередине между Европой и Азией – долго зачаровывала историков, пытавшихся понять природу русского империализма. В эпоху, когда расизм и культивация этнических различий становились своего рода оправданием для колониального правления, Российская империя воспринималась как некое исключение. Как видно из вынесенной в эпиграф цитаты, и до 1917 года хватало тех, кто готов был утверждать, что российский империализм отличался терпимостью и стремлением к ассимиляции. В советский период принято было говорить о «великой дружбе» русских с другими народами, что стало одним из основополагающих легитимирующих постулатов советской власти².

Последние двадцать лет стали чем-то вроде «золотого века» в изучении русского империализма. С начала 1990-х как в России, так и на Западе появилось огромное количество работ, позволяющих взглянуть на империю изнутри. Открытие доступа к архивам бывшего СССР дало наконец западным ученым возможность вести серьезные эмпирические исследования российского владычества над нерусским населением.

Но несмотря на это, в российской и западной исторической науке остаются существенные проблемы. В России они часто принимают форму откровенного урапатриотизма, одновременно восхваляющего имперский «героизм» и отрицающего, что Россия когда-либо была колониальной державой в западном понимании этого слова. Любой намек на то, что российский империализм мог иметь что-то общее с империями европейских держав, воспринимается в штыки³. В западной науке, а именно о ней главным образом пойдет речь далее, также укоренилось представле-

ние об *особом пути* России. Некоторые влиятельные западные историки продолжают настаивать на том, что расизм и чувство культурного превосходства были чужды российскому империализму. Отсутствие, по их мнению, политических привилегий для русских, живших на имперских окраинах, указывает на то, что те сами были жертвами своей имперской политики⁴. «Азиатская» география империи также служит аргументом для отличия российской имперской культуры от британской или французской⁵.

Метрополия и колония

В последнее время в западной науке обострился интерес к изучению территориального деления и администрации Российской империи, а также многообразия региональных подходов к управлению⁶. Ярким примером такого интереса стал сборник под редакцией Джейн Бербанк, Марка фон Хагена и Анатолия Ремнева «Российская империя. Пространство, население, власть в 1700–1937 годы», объединивший самые различные точки зрения на народы, земли и иерархические структуры империи⁷. Однако в этом сборнике нет ни одной работы, посвященной Средней Азии. Это серьезное упущение: Туркестан и Степной край нельзя воспринимать как административные аномалии, выпадающие из общероссийской картины. Средняя Азия слишком важна и для позднеимперского восприятия России как колониальной державы, и для исторического опыта крупнейшего религиозного меньшинства империи – мусульман, основная часть которых проживала именно в этом регионе. Иными словами, Средняя Азия просто обязана быть в центре любого анализа российского империализма⁸.

Многие споры по вопросам имперской политики в метрополии в лучшем случае являлись несущественными, а в худшем – вводящими в заблуждение. Исследователи склонны принимать за норму взаимоотношения царского правительства с мусульманами в Поволжье и на Урале и считать, что они – с большими или меньшими отклонениями – воспроизводились в других местах⁹. Типичным примером такого подхода является статья Елены Кэмпбелл о «мусульманском вопросе» в поздней Российской империи¹⁰. Давая адекватное описание позднеимперской полемики вокруг казанских татар, она считает эту ситуацию типичной для империи в целом. В этой работе, сосредоточенной на взглядах, распространенных в Министерстве внутренних дел и среди православных миссионеров, практически полностью игнорируется мнение военных. Однако 60 процентов мусульман империи – в Степном крае, на Северном Кавказе и в Средней Азии – проживали в провинциях под военным управлением. Они не попадали под юрисдикцию «магометанских духовных собраний» Оренбурга, Закавказья или Крыма – конфессиональных структур, которые являются предметом последних исследований, посвященных взаимоотношениям царской России с исламом¹¹. Если существовало нечто, что можно было бы назвать «российским гражданством», то эти мусульмане явно были его лишены.

Безусловно, в России разделение между метрополией и колонией и между подданным и гражданином было гораздо более размыто, чем в Британской и Французской империях (поскольку между метрополией и колониями не было морского

«барьера»). Однако в массовом сознании, равно как в правовом и административном отношении, такое разделение существовало. И в течение XIX века оно становилось все заметнее¹². В середине XIX века в российской политической риторике появилось новое понятие *гражданственности*. Его можно толковать как «гражданство», «гражданские ценности» или «гражданское самосознание»; Владимир Даль определял его как «состояние гражданской общины; понятия и степень образования, необходимые для составления гражданского общества»¹³. В отличие от западного идеала гражданства, это понятие в России не было основано на праве голоса. Оно, как правило, было ориентировано на консолидацию, отмену налогообложения по сословному принципу, унификацию управления и ограничение привилегий местных (как правило, нерусских) элит. На практике *гражданственность* нередко использовалась как ограничительная категория и вела к дискриминации народностей, считавшихся ниже по уровню культурного развития¹⁴. Тем более что границы империи расширялись с беспрецедентной скоростью и в ее состав вливались новые народности, воспринимавшиеся как еще более далекие от достижения *гражданственности*, чем те, которые традиционно ее населяли.

Один из аспектов реформ Александра II, о котором нередко забывают, заключается в том, что они «зафиксировали», так сказать, сердцевину, метрополию Российской империи и различие между управлением русским и нерусским населением. Земство, введенное указом от 1 января 1864 года, не распространялось на окраины Российской империи. Прибалтика, правобережная Украина, Астрахань, Архангельск, Сибирь, Кавказ и Средняя Азия не были затронуты этой реформой, и для трех последних регионов такая ситуация сохранялась до 1917 года. Как показали Йорг Баберовски и Лариса Захарова, это справедливо и для наиболее, может быть, радикальной из александровских реформ – реформы судебной системы. Учреждение новых открытых, состязательных судов с их выборными судьями и институтом присяжных было ограничено центральными регионами европейской части России; однако даже здесь в состав присяжных крайне редко попадали «иноверцы» и «инородцы». Если на западные приграничные районы и Прибалтику реформы не распространялись из опасения местного национализма, то на Кавказе, в Туркестане и в Степном крае основанием для сохранения прежних форм правосудия послужила «дикость» и «отсталость» этих регионов¹⁵. Такое деление еще более усугубляло разделение на «Великороссию» и окружающую «империю»¹⁶.

Великие реформы также постепенно подрывали статус мусульманских элит внутри империи. Князь А.И. Барятинский, принесший России победы на Кавказе, считал традиционную российскую политику опоры на местную аристократию и племенных вождей глубоко ошибочной. Он полагал, что именно эти группы раздувают «фанатизм» среди местного населения на Кавказе. Соответственно, с 1850-х годов кавказские элиты начали терять свои привилегии и роль в управлении¹⁷. В других регионах подобный процесс начался еще раньше. С 1820-х годов российская политика в Степи постепенно подрывала авторитет правящей элиты Чингизидов среди казахов, и новое Степное Положение 1868 года только закрепило эту ситуацию.

Местная мусульманская аристократия перестала вливаться в российское дворянство на равных правах, как это происходило с германо-балтийской, грузинской и,

в какой-то мере, с польской аристократией. В 1897 году различные среднеазиатские народности составляли 5,8% от населения империи, но давали лишь 0,15% потомственных дворян. Это были, главным образом, степные казахи, большинство из них – потомки султанов Внутренней, Средней и Букеевской Орды, чьи семьи получили свои привилегии в XVIII веке, вместе с российским подданством. Тем не менее, даже в Степном крае русских, польских и немецких дворян было почти в пять раз больше, чем казахских, несмотря на то, что казахи составляли 77% населения края. В Туркестане контраст был еще ярче. Русскоязычные народы составляли 3% населения, но 79% от потомственного дворянства. Остальные были, в основном, немцами или поляками: только 119 казахов (0,01% от всего казахского населения Туркестана), два киргиза, один «сарт», три узбека и пять таджиков являлись потомственными дворянами, и еще 53 носителя какого-либо из этих языков имели пожизненный дворянский статус¹⁸.

Таким образом, вместо того, чтобы укреплять сложившуюся социальную иерархию путем предоставления дворянских привилегий, империя сформулировала новую политику, направленную на отделение массы коренного населения от их традиционных правителей и введение институтов местного самоуправления. Эти институты и должны были постепенно воспитывать у жителей колоний «гражданственность» (предполагаемое отсутствие каковой и служило оправданием для нераспространения гражданского правления и земства на азиатскую Россию, находившуюся под военным управлением).

Разделение между военным и гражданским правлением, между земскими и не земскими провинциями не означало такого же различия в правах между метрополией и колониями, какое существовало в Британии после Акта о реформе 1867 года и во Франции после образования Третьей республики. И все же разделение существовало, хотя историки нередко о нем забывают. Переход из местных элит в высшие эшелоны государственной бюрократии, который отмечает в своей работе Джейн Бербанк, был невозможен в районах под военным управлением». «Военно-народное управление» зиждилось на четком разделении между высшей (европейской) администрацией и более «низкими» туземными властями; в большинстве случаев «особое отношение к инородцам посредством отдельных правовых норм и правил» не «вполне соответствовало управлению, предназначенному для этнических русских»¹⁹.

Подобным же образом была обречена на неудачу и попытка Роберта Круза дать общий обзор отношений мусульман с Российским государством в XIX веке²⁰: исследователь не учел глубокие различия между административными и судебными структурами в Волго-Уральском регионе и в Средней Азии. Казанские мусульмане были полноценными подданными российского государства, они несли воинскую повинность, имели доступ к суду присяжных, земству и к Оренбургскому духовному собранию. Даже соседние башкиры находились в менее привилегированном положении, хотя у них было свое поместное дворянство, сохранившее целый ряд важных прав и привилегий. Ни о казахах, ни о жителях Ташкента ничего подобного не скажешь.

Норихиро Наганава приводит убедительный пример того, во что на практике выливались такие различия между мусульманами Волго-Уральского региона и Туркестана. Он описывает долгие споры среди поволжских мусульман в конце XIX – на-

чале XX веков по поводу того, должна ли существующая сеть традиционных и новых *мактабов* подчиниться земству и стать частью национального движения за всеобщее начальное образование. В Туркестане, как отмечает исследователь, подобные споры были невозможны. Земства здесь не было, и вся система мусульманских школ полностью выпадала из-под контроля государства²¹.

Это значит, что мы должны с большой осторожностью подходить к самой идее общего «мусульманского» опыта российского империализма. Всякая попытка составить общее представление о политике в отношении мусульман должна учитывать опыт регионов под военным управлением, в частности Средней Азии и Кавказа.

«Мусульманский фанатизм» и ориентализм

В середине XIX века отношение российских властей к исламу радикально изменилось. Отчасти это произошло в связи с растущим числом перехода волжских татар из православия в ислам, но главным образом – из-за упорного сопротивления на Северном Кавказе, вдохновителем которого, как считалось, были накшбандистские ишаны. Мнение это было, вероятно, ошибочным, но оно породило представление об опасности, исходящей от последователей суфизма («мюридизма»)²². Эти подозрения распространились на всех прочих мусульман. Идея просвещенного, поликонфессионального государства начала уступать великодержавному национализму, страху перед мусульманским «фанатизмом» и пессимизму в отношении перспективы интеграции мусульман в имперское общество. Такая перемена ясно прослеживается в решении, принятом в 1867 году первым генерал-губернатором русского Туркестана К.П. фон Кауфманом, исключить новозавоеванную провинцию из юрисдикции оренбургского муфтия и ввести политику «игнорирования» ислама. Фон Кауфман считал, что такой подход и превосходство западной цивилизации со временем убедят мусульман оставить свою веру²³.

Парадокс заключается в том, что колониальные власти в Туркестане не предпринимали никаких активных шагов для ослабления ислама, хотя из письменных источников видно, как им этого хотелось²⁴. Обращение мусульман в христианство было запрещено, вакуфная собственность лишь изредка подвергалась конфискации и в значительной степени не облагалась налогом, суды *кадиев* сохранились. Такие явления объяснялись, скорее, страхом перед тем, что колониальные власти именовали «мусульманским фанатизмом», чем верой в полезность ислама как инструмента в руках государства²⁵. Этот страх подогревался полемическими публикациями М.А. Миропиева и, позднее, Агафангела Крымского. Они утверждали, что расовые особенности российских мусульман, особенно тюрков, обуславливали их склонность к «фанатизму»²⁶.

Настойчивое изображение мусульман как «фанатиков» в российской имперской риторике развенчивает романтический миф о паназиатском родстве русских с завоеванными ими азиатскими народами и заставляет усомниться также в советских и постсоветских постулатах о «дружбе» и терпимости. Это означает, что Россия, как и любая другая европейская империя, может описываться с использованием идей и приемов *постколониализма*²⁷.

Как часто бывает с научным жаргоном, этот термин чаще используется, чем разъяс-

няется. В широком смысле понятие постколониализма позволяет выявить неравномерные силовые отношения, присущие империи, а также рассмотреть и объяснить, каким образом эти отношения помогли сформировать картину мира и то, как в ней представлены отдельные народы и культуры. Как правило, такой подход предполагает жесткую моральную и политическую критику колониализма и его наследия. Раньше эта критика была сосредоточена на европейском морском колониализме XIX века и до недавнего времени редко распространялась на сухопутные империи. Системы власти и гегемонии, которые рассматривают исследователи постколониализма, не исчезают с наступлением формальной независимости колонизованных регионов, но продолжают существовать в экономическом и, в первую очередь, культурном пространстве. Риторика, помогавшая строить и поддерживать империю, – особенно там, где она подчеркивает расовую, религиозную и культурную неполноценность колонизованных народов, их пассивность, лень, распущенность и общую неспособность к самоуправлению, – продолжала существовать еще долгое время после исчезновения самой империи.

Светлана Горшенина, несомненно, права, считая, что позднее проникновение постколониализма в историографию Российской империи привело к тому, что некоторые ученые по-прежнему придерживаются взгляда на Россию как неколониальную державу, в силу ее тенденции к ассимиляции²⁸. В последнее время шло немало споров о применении теорий «ориентализма» и «колониальных форм знания» к Российской империи. С одной стороны, в настоящий момент работы большинства западных историков в той или иной степени отмечены печатью постколониализма, поскольку они пытаются избежать воспроизведения риторики и точки зрения колониальных элит. В том, что касается Российской империи, работы, где прослеживается влияние постколониализма, стали появляться в середине девяностых²⁹. Однако многие положения постколониальной теории оказались слишком примитивными и жесткими для того, чтобы охватить сложные реалии даже «нормативных» морских колониальных империй. А применение их к российскому случаю представляется еще более проблематичным. Сам Эдвард Саид*, как отметил Адиб Халид, исключил Россию из своего анализа западного «ориентализма»³⁰. Постколониализм не дает исчерпывающего ответа на вопросы историографии Российской империи, и его адептов часто и справедливо упрекают в пренебрежении к эмпирическим исследованиям, в тенденции рассматривать науку только как инструмент политики. Одна из причин этого, как отметила Вера Тольц, заключается в том, что большинство исследований на эту тему либо слепо прилагали идеи Саида к России, либо утверждали особый путь России и ее статус «евразийской», а не европейской державы (что означает, что идеи Саида вовсе не применимы к Российской империи)³¹. Например, Давид Схиммельпенник ван дер Ойе считает, что российское отношение к Азии отличалось двойственностью и никогда не было последовательно враждебным, и, следовательно, парадигма Саида не полностью применима к Рос-

* Эдвард Вади Саид (1935–2003) – американский ученый арабского происхождения. Речь идет о самом известном его труде «Ориентализм» (*Said E.W. Orientalism*. L.: Penguin Books, 1995. Русский перевод: Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006). Эта книга посвящена истории познания и освоения европейцами культуры арабского Востока – от первых контактов до формирования систематической научной традиции изучения культур Востока, которая подкрепляется мощной политической и экономической практикой колониального освоения со стороны ведущих европейских империй. Эту традицию Саид и называл ориентализмом, имея в виду не просто наименование академической дисциплины, но и особый подход к предмету изучения, воплощенный в позиции одной цивилизации (европейской) по отношению к другой (арабско-исламской). (Прим. ВС.)

сии. Однако то же можно сказать и о британском, французском и немецком ориентализме. Один из основных недостатков работы Саида, не считая исключения из поля исследования Германии и России, как раз и заключается в том, что он рассматривал западную культуру как монолитную структуру; однако ничего подобного в Европе никогда не было.

Эдвард Саид писал, что «ориентализм» находится «вне Востока», и считал, что для «ориенталистической» науки характерно четкое разделение между собой и другими. В частности, это отражалось в том, что «восточные люди» не допускались к наукотворчеству, так что их история, языки и культура были воспроизведены и присвоены западными властями в собственных целях³². В ответ на это историки Российской империи указывают на Мирзу Александра Казем-Бека, перса из Решта, принявшего христианство и ставшего профессором арабского и исламского права в Казанском университете³³, или на еще более известного Чокана Валиханова, казахского аристократа, чьи работы стали в России эталоном литературы о Степном крае. Эти примеры, как утверждает Натаниэль Найт, показывают отличие российского ориентализма от его западного аналога³⁴. Однако подобные примеры можно найти и в Британской империи. Первые годы гиббсовской серии востоковедческих текстов отмечены сотрудничеством Эдварда Гранвиля Брауна и персидского ученого Мирзы Мухаммада Казвини³⁵. Недавняя работа Майкла Додсона, посвященная Государственному колледжу по изучению санскрита в Бенаресе, показала, что научные исследования колледжа были плодом диалога между британскими санскритистами и учеными брахманами. При этом последние играли в них главенствующую роль, хотя их цели и интересы часто кардинально отличались от целей и интересов британцев³⁶. Если внимательно посмотреть на членство и публикации такого чисто ориенталистического института, как Азиатское общество Бенгалии, возникает картина, сильно отличающаяся от той, которую рисует Саид. К началу XX века это было столь же бенгальское, сколь и британское учреждение³⁷.

Вера Тольц настаивает на необходимости четко различать отдельные типы «экспертов»-ориенталистов, служивших в Российской империи. По ее мнению, разница в отношении к мусульманским народам у В.В. Григорьева и Н.П. Остроумова (востоковеда, тесно сотрудничавшего с колониальным режимом в Туркестане) отчасти объясняется тем, что один учился на факультете востоковедения в Петербургском университете, а другой – выпускник противомусульманского отделения при Казанской духовной академии³⁸. Даже и в этом случае следует отметить (как Найт, в сущности, и делает), что Григорьев также был враждебно настроен по отношению к исламу. Но, как мне кажется, суть не в этом. Востоковеды с «ориенталистическими» взглядами встречаются и среди университетских ученых (прекрасный пример тому – А. Крымский), а Н.С. Лыкошин*, напротив, не имел подобных предубеждений, несмотря на исключительно военное образование. Гораздо важнее была степень взаимопроникновения мира науки и колониального управления. Как отмечает Джефф Сахадео, в отдаленных приграничных районах интеллигенции легче было видеть в царском правительстве «силу прогресса». Благодаря этому, а нередко – и большей, нежели в метрополии, интеллектуальной свободе, государственная служба часто привлекала

* Нил Сергеевич Лыкошин (1860–1922) после окончания военного училища долгие годы провел в Туркестане, где дослужился до звания генерал-майора и должности Самаркандского военного губернатора. Вышел в отставку в январе 1917 г. Лыкошин был одним из основателей Туркестанского кружка любителей археологии, автором почти тысячи публикаций по этнографии, истории, археологии Средней Азии, переводчиком средневековых сочинений. (Прим. ВС.)

ученых³⁹. В библиографическом словаре «Военные востоковеды» М.К. Бакшанова перечислены 450 военных офицеров и администраторов, внесших свой вклад в российское востоковедение. Конечно, некоторые из этих работ – как, например, работы самого фон Кауфмана – представляют сомнительную интеллектуальную ценность. Но были среди этих людей и такие выдающиеся ученые, как Лыкошин и Наливкин.

У этого явления есть параллели в западном востоковедении: Ричард Бертон начал свою карьеру как офицер в Бомбейской армии, Снук Гюрхронье служил советником правительства голландской Ост-Индии, а Гертруда Белл* была тесно связана с британским мандатом в Ираке. Во время Первой мировой войны Бюро по арабским делам, координировавшее британскую разведку на Ближнем Востоке, также насчитывало в своих рядах немало ученых. Но степень взаимопроникновения науки и колониального управления, во всяком случае, была выше в Российской империи. Как показал Александр Маршалл, в России, как и в Великобритании, мир военной разведки тесно переплетался с востоковедением. Ярким примером этого является карьера Андрея Евгеньевича Снесарева. Штабной офицер, большую часть своей службы до революции он провел в Ташкенте, где писал о Британской Индии; отредактировал сборник статей, имеющий целью дать местным офицерам подробное представление о южно-азиатских границах империи⁴⁰. В советский период Снесарев возглавил Институт востоковедения в Москве⁴¹. Таким образом, идеи Эдварда Саида вполне применимы к Российской империи, но к ним необходимо подходить критически, не забывая и о сравнении с другими империями.

Дискуссия о положении мусульман в Российской империи должна пойти дальше исследования вопросов национального самосознания, религиозной реформы, «ориентализма» и прочих аспектов культурной истории, доминировавших в западной историографии Средней Азии и Кавказа на протяжении последних двадцати лет. То, что иногда называют «новой имперской историей» России и Евразии, страдает близорукостью, когда речь заходит о более традиционных вопросах экономических и социальных перемен, может быть, из-за чрезмерной реакции на материалистический подход советской историографии. Более тридцати лет спустя после своей публикации, работа Дитриха Гейера «Российский империализм»⁴² остается единственной систематической попыткой экономического анализа этого феномена в западной науке. Большой доступ к архивным источникам дает возможность проверки тезисов Гейера, но в этом направлении пока сделано очень мало (в чем автор этих строк, конечно, виноват не меньше других). Политическая и культурная история российского империализма на Кавказе и в Средней Азии по степени разработанности ныне не уступает историографии любой другой империи и даже нередко превосходит ее. Однако когда речь заходит об экономических стимулах имперской экспансии (или об отсутствии таковых), о роли империализма в распространении международного капитализма и его воздействии на сельское хозяйство, ирригацию, землевладение, – англоязычным историкам Российской империи предстоит еще многому учиться.

Перевод с английского Ольги Берард.

* Ричард Фрэнсис Бертон (Richard Francis Burton, 1821–1890) – британский путешественник, писатель, переводчик, этнограф и лингвист. Христиан Снук Гюрхронье (Christiaan Snouck Hurgronje, 1858–1936) – нидерландский ориенталист и путешественник. Гертруда Белл (Gertrude Bell; 1868–1926) – британская писательница, путешественница и археолог. (Прим. ВС.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта статья включает фрагменты следующих публикаций на английском языке: *Metropole, Colony and Imperial Citizenship in the Russian Empire* // *Kritika*. 2012. № 13/2. P. 327–364; *The Pleasures and pitfalls of colonial comparisons* // *Kritika*. 2012. № 13/4. P. 919–936; «Applied Orientalism» in British India and Tsarist Turkestan // *Comparative Studies in Society and History*. 2009. № 51/3. P. 619–647.

Венюков М. Поступательное движение России в Средней Азии // *Сборник государственных знаний*. Том III. Под ред. В.П. Безобразова. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1877. С. 61.

² См.: *Tillett L.* The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1969.

³ См., к примеру: *Глуценко Е.* Герой Империи. Портреты российских колониальных деятелей. – М.: XXI век, 2001; *Стрижова И., Терехова Н.* Россия и ее колонии. Как Грузия, Украина, Молдавия, Прибалтика и Средняя Азия вошли в состав России. – М.: Дар, 2007, а также очерки С. Тимченко и В. Германова, посвященные, соответственно, современной казахской и узбекской историографии, в: *Центральная Азия в составе Российской империи*. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 338–381.

⁴ См.: *Hosking G.* Russia, People and Empire, 1558–1917. – London: HarperCollins, 1997. P. 39–40; *Figes O.* Natasha's Dance. A Cultural History of Russia. – Harmondsworth: Allen Lane, 2002. P. 381–382.

⁵ См.: *Bassin M.* Geographies of Imperial Identity // *Lieven D.* (ed.) *Cambridge History of Russia*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Vol. II. P. 60–63.

⁶ См.: *Lieven D.* Empire: the Russian empire and its rivals. – London: John Murray, 2000; *Matsuzato K.* Introduction // *Matsuzato K.* (ed.) *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire*. – Sapporo: Slavic Research Centre, 2007. P. 12–13.

⁷ *Burbank J., von Hagen M., Remnev A.* (eds.) *Russian Empire. Space, People, Power 1700–1930*. – Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007.

⁸ Лучшее всего заполнил этот пробел сборник: *Uyama T.* (ed.) *Empire, Islam and Politics in Central Eurasia*. – Sapporo: Slavic Research Centre, 2007.

⁹ См.: *Crews R.* For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006; *Он же.* An Empire for the Faithful, a Colony for the dispossessed // *Gorshenina S., Abashin S.* (eds.) *Le Turkestan Russe, un colonie comme les autres? Cahiers d'Asie Centrale* 17/18, Tashkent–Paris: IFEAC, 2009. P. 82–83.

¹⁰ *Campbell E.* The Muslim Question in Late Imperial Russia // *Burbank J., von Hagen M., Remnev A.* (eds.) *Russian Empire...* P. 320–347.

¹¹ См.: *Bobrovnikov V.* Islam in the Russian Empire // *Cambridge History of Russia*. Vol. II. P. 210–217; Пропорция рассчитана на основании данных переписи 1897 года, приведенных в: *Kappeler A.* The Russian Empire: a multi-ethnic history. – London: Longmans, 2001. P. 397–399.

¹² См.: *Kotsonis Y.* Introduction: A Modern paradox – Subject and Citizen in Nineteenth and Twentieth-Century Russia // *Hoffmann D.L., Kotsonis Y.* (eds.) *Russian Modernity Politics,*

Knowledge, Practices. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2000. P. 3.

¹³ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1880. Т. I. С. 390.

¹⁴ См.: *Uyama T.* A Particularist Empire: The Russian Policies of Christianization and Military Conscriptation in Central Asia // *Uyama T.* (ed.) *Empire, Islam and Politics...* P. 62.

¹⁵ См.: *Baberowski J.* Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1996. S. 365–427; *Zakharova L.* Autocracy and the Reforms of 1861–74 in Russia // *Eklöf B.* et al. (eds.) *Russia's Great Reforms*. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1994. P. 33.

¹⁶ Документы о земстве и о законодательной реформе правосудия перепечатаны в: *Реформы Александра II* / Под ред. О.И. Чистякова и Т.Е. Новицкой. – М.: Юридическая литература, 1998. С. 211–230, 277–336, но без преамбулы, указывающей, в каких провинциях они должны были применяться. На с. 21 редакторы отмечают исключение западных провинций из опасения национализма, но не говорят об исключении большинства регионов с кочевым или мусульманским населением.

¹⁷ См.: *Бобровников В.* Абречество на пореформенном Кавказе // *Исторические записки*. 2001. Т. 4 (122). С. 174–175; *Mostashari F.* On the Religious Frontier. Tsarist Russia and Islam in the Caucasus. – London: I.B. Tauris, 2006. P. 21, 27, 83–4; *Гасанов М.* Административная политика и система управления царизма в Дагестане во второй половине XIX века. – Махачкала: Лотос, 2007. С. 31–33.

¹⁸ *Bauer H.* et al. (eds.) *Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897*. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1991. Vol. B. Таблицы 30 и 46. S. 197, 366–367.

¹⁹ *Burbank J.* The Rights of Difference: Law and Citizenship in the Russian Empire // *Stoler A.L.* et al. (eds.) *Imperial Formations*. – Santa Fe; Oxford: School for Advanced Research, 2007. P. 81, 93–94.

²⁰ *Crews R.* For Prophet and Tsar... – Chapter 5.

²¹ См.: *Naganawa N.* Maktab or School? Introduction of Universal Primary Education among the Volga-Ural Muslims // *Uyama T.* (ed.) *Empire, Islam and Politics...* – P. 65–97.

²² См.: *Knysh A.* Sufism as an Explanatory Paradigm // *Die Welt des Islams*. 2002. № 42/2. P. 139–173.

²³ Проект Всеподданнейшего Отчета Ген.-Адъютанта фон-Кауфмана по Гражданскому Управлению. – СПб.: Военная Тип., 1885. С. 10. См. также: *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform. – Berkeley, CA: The University of California Press, 1998. P. 51–53.

²⁴ См. к примеру, *Костенко Л.Ф.* Средняя Азия и водворение в ней Русской Гражданственности. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1871. С. 85.

²⁵ Р. Круз (*Crews R.* For Prophet and Tsar... P. 296–316) ясно описывает изменение российского отношения к исламу в середине века, но никак не связывает этого с Кавказом и не учитывает его в своей оценке колониального режима в Туркестане.

²⁶ См.: *Мирониев М.А.* Религиозное и политическое значение хаджа. – Казань: Тип. Имп. Унив., 1877; *Он же.* О положении русских инородцев. – СПб.: Синодальная тип., 1901; *Крымский А.Е.* Мусульманство и его будущность. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1899.

²⁷ О теории постколониализма – см., помимо *Said E.* *Orientalism. Western Representations of the Orient* (London: Allen Lane, 1978), некоторые из ключевых текстов: *Spivak G.Ch.* *Can the Subaltern Speak?* // Nelson C., Grossberg L. (ed.). *Marxism and the Interpretation of Culture.* – Urbana, IL: University of Illinois Press, 1988. P. 271–313; *Cohn B.* *Colonialism and its forms of knowledge. The British in India.* – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.

²⁸ См.: *Gorshenina S.* *La marginalité du Turkestan colonial russe est-elle une fatalité ou l'Asie centrale postsoviétique entrera-t-elle dans le champ des Post-Studies?* // Gorshenina S., Abashin S. (eds.). *Le Turkestan Russe...* P. 17–76; *Она же.* Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или Войдет ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований? // *Ab Imperio*, 2007, № 2. С. 209–258.

²⁹ Я бы особо отметил: *Khalid A.* *The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia.* – Berkeley, CA: University of California Press, 1997 и *Sahadeo G.* *Russian Colonial Society in Tashkent 1865–1923.* – Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007. См. полемику между Адибом Халидом, Натаниэлем Найтом и Марией Тодоровой о применении «Ориентализма» Саида к России в *Ex Tempore – Orientalism* // *Kritika*. 2000. № 1/4. P. 691–727.

³⁰ См.: *Khalid A.* *Russian History and the Debate over Orientalism* // *Kritika*. 2000. № 1/4. P. 694–695.

³¹ См.: *Tolz V.* *Orientalism, Nationalism and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia* // *The Historical Journal*. 2005. № 48/1. P. 129–131.

³² *Said E.* *Orientalism...* – P. 21, 97.

³³ См.: *Ван дер Ойе Д.С.* Мирза Казем-Бек и Казанская школа востоковедения // *Новая имперская история постсоветского пространства.* Под ред. И. Герасимова. – Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 256–269.

³⁴ См.: *Knight N.* *Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire?* // *Slavic Review*. 2000. № 1 (59). P. 96.

³⁵ Кульминацией этого сотрудничества стало эпохальное издание текста *Ta'rikh-e Jahan-Gusha* Джувайни, под редакцией Казвини, первый том которого вышел в 1912 г. (*Mirza Muhammad Ibn 'Abdu'l-Wahhab-i-Qazvini* (ed.). *The Ta'rikh-i-Jahan-gusha.* 3 Vols. – London: Luzacs & Co, 1912–1937.

³⁶ См.: *Dodson M.* *Orientalism, Empire and National Culture.* – Basingstoke: Palgrave, 2007. P. 184–192.

³⁷ См.: *Morrison A.* “Applied Orientalism” in British India and Tsarist Turkestan // *Comparative Studies in Society and History*. 2009. № 3 (51). P. 619–647.

³⁸ См.: *Tolz V.* *Orientalism, Nationalism...* P. 130–131.

³⁹ См.: *Sahadeo G.* *Russian Colonial Society...* P. 58–59.

⁴⁰ *Снегачев А.Е.* Северо-Индийский театр. Военно-географическое описание. В 2-х тт. – Ташкент: Типография штаба Туркестанского военного округа, 1903; *Он же.* Индия как главный фактор в Средне-Азиатском вопросе. – СПб.: Тип. А. Суворина, 1906, и др.

⁴¹ См.: *Marshall A.* *The Russian General Staff and Asia.* – London: Routledge, 2006. P. 154–158, 192.

⁴² *Geyer D.* *Der Russische Imperialismus. Studien über der Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik 1860–1914.* – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977.

Виктор МОИСЕЕНКО

Фаришане и парижане

*Сырдарьинские этюды**

Выходцев из Фаришского района в Сырдарье любовно называли «парижскими», а после разделения так стали именовать и всю Джизакскую область. Часто приходилось слышать: «Жду гостей из Парижа». Или: «Ох, и трудная стала автобусная связь с Парижем. А дачным поездом и вовсе Казахстаном сообщение перекрыто»...

«Парижские» охотники

До освоения Голодной и Джизакской степей в колхозах и совхозах без дополнительного приработка было трудно. Помогали охота, рыбалка, отхожие промыслы. Только в 1962 году появилась первая установленная сумма заработной платы за день, 4 рубля 20 копеек. К этому времени вспаханные поля благодаря мелиорации перестали засаливаться. Появилось понятие гарантированного урожая и надежды на увеличение отдачи от земли. Постепенно уменьшались неосвоенные территории с их первозданным ландшафтом, большим числом диких животных и птиц. Незначительная часть сырдарьинских охотников все еще охотится на диких кабанов. Крупных особей встретить трудно, в основном попадаются подвинки: четырех- или шестимесячный молодняк. Охота на кекликов – горных куропадок – в Зааминском районе сошла на нет. По рассказам старых охотников (которые никто не подвергает сомнению), прежде по степям ползали огромные удавы, обладавшие удивительным разумом. Спрячет такой удав голову в кустах и «блеет», как matka, призывая ягнят... Еще в начале 50-х отмечались случаи в степи, когда вытянувшегося через колею временной дороги удава переезжали полуторкой, не сбавляя скорости. А до 40-х годов встречались и тигры. Встречи с ними запомнились надолго.

Вот два достоверных случая, связанные с тиграми. Четыре охотника (сыновья бывшего управляющего господским имением) на кабаньих тропах в камышах выкапывали ямы-ловушки. И вот когда один из них, по имени Петр, заканчивал рыть

* Продолжение. Начало в ВС №№ 4 (XXXII), 2013; 1-2, 3, 4 (XXXIII, XXXIV, XXXV), 2014; 1, 2 (XXXVI, XXXVII), 2015.

такую яму, то услышал треск на тропе, а потом и увидел надвигающийся зад кабана-секача, отступавшего под чьим то напором. Охотник со всей силы рубанул лопатой по заду готового свалиться в яму кабана. Секач стремительно рванул вперед – и распорол напиравшего на него тигра. Племянники этого охотника (впоследствии погибшего, как и два других его брата, на фронте) видели в детстве на полу у бабушки шкуру этого тигра.

Эта семья переехала в Сырдарью из Джизака в 1916 году. Мать охотника была черногорской княжной по фамилии Томашевич. У ее внучки Нины, библиотечного работника, – целый альбом прекрасно сохранившихся фотографий из дореволюционной жизни бабушки. А в памяти – много интересных рассказов о жизни в этих местах. Вот второй случай с тигром из ее рассказов.

Молодой узбек заготавливал дрова, когда на него из-за кустов набросился тигр. Парень топором нанес ему несколько ударов, тигр убежал, но юноша испытал такой шок, что не решался даже издали показать место происшествия. Большая группа родственников-мужчин, тесной кучкой, отыскала и топор, бывший тогда ценным предметом, и умиравшего от ран тигра.

Выловить на реке стокилограммового сома не считалось чем-то удивительным. Пенсионерка показывала, как рыбаки наваливались на один борт лодки, заводили его под рыбину-махину и так же резко напирали на противоположный край лодки и уже потом умиряли буйствовавшего сома.

А еще она рассказывала, как ее дяди еще подростками во время Первой мировой войны устраивали выгодные сделки с пленными (а там были и австрийцы, и чехи, и венгры, и румыны). Подростки убивали ворон и отдавали пленным, среди которых было очень много всякого рода умельцев. Мясо ворон пленные съедали, из шкуры делали обувь, а из костей и перьев – украшения.

Низам Мехдиевич

После водно-земельной реформы 1924–1926 годов на осваиваемые степные земли были переселены из Ферганской долины тысячи семей, имевшие опыт выращивания хлопчатника. Значительная часть осела на территориях нынешних Баяутского, Хавастского и Гулистанского районов. До Сырдарьи и ее окрестностей доехало около 50-ти семей. Из Джизака в Сырдарью переселялись люди с предпринимательской жилкой. И сегодня многие бывшие джизакцы выделяются своей предприимчивостью. Недавно, например, приезжие из Фариша построили в Сырдарье водно-развлекательный центр и громко назвали его «Эдем». А в 2014 году три зааминских предпринимателя взялись за переоборудование здания зимнего кинотеатра, простаивающего с 1997 года и прозванного «заброшка».

Но основателем торговли и предпринимательства в Сырдарье считают перебравшегося из Джизака вместе с друзьями Низама Мехдиевича Мирзаева. Выходец из Баку, он называл себя «младшим другом» 26-ти бакинских комиссаров. Двенадцатилетним мальчишкой он исполнял у них мелкие обязанности – принести, отнести, сообщить... Очень был привязан к Шаумяну. Бывая в Ташкенте, Низам Мехдиевич

обязательно возлагал цветы к памятнику туркестанским комиссарам напротив железнодорожного вокзала.

В Сырдарье Мирзаев возглавил заготконтору, а друзья принялись за развитие общепита. Тогда было заложено здание современной столовой № 3 и небольшой ресторан (в 1992 году снесенный). Тогда же было выстроено саманное здание культмага. После этого 350-метровый участок улицы Ленина получил название «город». Так его называют и до сих пор. На вопрос: «Где папа?» – сырдарьинские дети отвечают: «Ушел в город». И сразу понятно, где его искать. Город в городе.

Низам Мехдиевич бурлил идеями; советовал молодым идти работать в торговлю и общепит: «Хоть иголками, но торгуй!». Продавцам газированной воды заговорщически подмигивал: «На простой воде ГЭС строят, неужели на газированной дворца себе не постройте?». Сам за два года возвел себе внушительных размеров дом, из нарезанных вручную глиняных прямоугольников, с переплетениями корней болотной травы. После обсушки это придавало глине особую прочность. Этот материал получил название «чим», и его до сих пор нарезают прямоугольниками, но уже механизированным способом. Возвращавшиеся с конца 80-х на родину крымские татары забивали им тысячи железнодорожных контейнеров.

В начале осени 1952 года в заготконторе, которой заведовал Низам Мехдиевич, произошли драматические события. Из бухгалтерии, в сопровождении трех милиционеров, вывели двух плачущих девушек, двух сестер – Алю и Юлю. Обе только за год до этого прибыли сюда из Подмоскovie после окончания учебы в кооперативном техникуме. После республиканской ревизии в заготконторе обнаружилась большая недостача продовольствия на складах. Мирзаев считал, что виноваты обсчитавшиеся неопытные сестры. В течение месяца следствием была доказана невиновность сестер. А виновником недостачи оказался сам Низам Мехдиевич. Он был приговорен к 12 годам в Магаданских лагерях. Облегчить ему существование отправилась за ним семья. Друзья из Сырдарьи помогли им продовольственными посылками. После полного срока отсидки Низам Мехдиевич в Сырдарью не возвратился, а занялся в команде с ингушами скупкой нелегального золота. (В конфискованном доме Мирзаевых до сих пор располагается детский сад, только уже не государственный, а частный).

Из оставшихся друзей Мирзаева трое «прославили» Сырдарью во всесоюзной печати – занимались подпольным производством коньяка. Это был сентябрь 1969 года; в статьях это упоминалось как «Коньячное дело». Два грузовика с поддельным коньяком в последний момент успели выгрузить с моста в Сырдарью... Последнюю бутылку поддельного коньяка рыбаки, по слухам, выловили в 1972 году, в 76-ти километрах от места выгрузки.

Артель слепых и мясокомбинат

Простые трудяги, переселявшиеся в Сырдарью из «Парижа», старались трудоустроиться «кучками». На скотобойню устроилось около 15 зааминцев. На обслуживание жилого городка пришла команда фаришцев во главе с директором Мусой.

Этот жилой городок возник между аэродромом и районной метеостанцией и состоял из двухэтажных домиков и производственных помещений артели слепых. В артели слепых собирали из разрозненных деталей электрические розетки и выключатели. Имелся и средних размеров цех по производству жестяных консервных крышек.

Характер у слепых очень сложный. Мусе не давал жизни ослепший на фронте черноморец Славик. Славика трудно было обыграть в шахматы, и никто не мог быстрее его пересчитать пачку денежных купюр разного достоинства. Силач был, каких поискать. Двумя пальцами орехи грецкие щелкал; станки, которые с трудом сдвигали впятером земляки Мусы, Славик по цеху один ворочал. Его боялись и мужчины, и женщины. Спрячется в женской раздевалке, женщина войдет – и все, только табуретками удавалось отбить вопящую жертву. Славик подмял под себя и обслуживающий персонал, несколько раз и Мусу пытался за воротник от пола оторвать.

Дошло до того, что пару раз Муса пытался тайком столкнуть Славика с лестничного пролета. Но тут сырдарьинцы были на стороне черноморца. Славик у последней ступеньки кричал: «Это ты толкнул, Муса, по запаху чую!». Но в конце концов они помирились. Славик стал помогать Мусе составлять квартальные и годовые отчеты.

Со вступлением в строй Янгиюльского мясоперерабатывающего комбината туда всем составом перешли работники сырдарьинской скотобойни. Потом к ним присоединилась и часть сырдарьинской молодежи, вступившей во взрослую жизнь. А когда сырдарьинец Сергей Тахтин был назначен начальником ОБХСС Ташкентской области, то укрепил службу охраны комбината своими земляками. Число работающих на мясокомбинате дошло до 1700 человек, из них охранников было 120. Пригородный поезд из Сырдарьи утром и вечером был наполовину заполнен только работниками комбината.

Директор мясокомбината Хасан Амирович был, как о нем отзывались, золотой души человек. Обычно на такой должности три-четыре года – и освобождай «хлебное место». А он 27 лет руководил предприятием. Из 7-го цеха, где технологом была опытная Зоя-апа, каждую неделю отправляли в Политбюро полторы тонны колбасы. Зарплата у работников была маленькой, а семьи большими. «Только не наглейте», – предупреждала технолог... Работа тяжелая, да к тому же еще больше половины работающих цепляют профессиональную болезнь – бруцеллез. Эта зараза хоть как, а все равно ранку на теле или на руках найдет. И влезет. А были и те, кто не внимал совету «не наглеть», обвязывали свое разгоряченное тело холодными мясными вырезками, чтобы пронести через проходную. Вот тебе и болезнь легких. Когда на комбинате «сидел» ОБХСС, был строгий приказ – не брать ни грамма. Чтобы из-за одного пойманного не страдал весь коллектив. А на проходной одного за другим отлавливают работников со свертками за пазухой. Разворачивают сверток, а там кирпич. Это как болезнь – хоть что-нибудь, а с комбината вынести надо.

Работники комбината в Сырдарье рассказывали, что животные перед забоем ведут себя по-разному. Больше других приближение смерти чувствуют лошади. Плачут всю ночь, прощаются с жизнью. Перед забоем их стараются напоить водой, чтобы шкура от туши легче отделялась. А как лошадь поймет, что смерть неизбежна, – сама идет под забой.

Иначе происходил забой верблюда. Как рассказывают, в 1986 году приехал с про-

веркой генерал-полковник Потапов, начальник охранной службы СССР, а с ним сорок человек сопровождающих в высоких чинах. Хасан Амирович повел Потапова на забой верблюда. А верблюда забивали по-особому. Заводят задом в специальный загон и длинной пикой поражают в сердце. После осмотра повели Потапова обедать, а он есть не может. Вечером повезли в ресторан, а он и там не ест. Утром улетел в Москву, а потом работники узнали, что у главного «охранника» страны обширный инфаркт миокарда...

Трагически ушел из жизни Хасан Амирович. Погиб в автокатастрофе. К месту гибели приехал его племянник, директор Алмалыкского мясокомбината, увидел кровавую картину – и тут же от инфаркта умер. В один день хоронили двух директоров больших мясокомбинатов.

Настоящие парижане

Но жили в Сырдарье и люди, которых парижанами можно было называть не в шутку, а потому, что часто бывали и даже жили во французской столице в дореволюционные годы. (И которые, кстати, принципиально не ели мяса, были вегетарианцами.) Это семья Семена Никаноровича Романова, приходившегося, по слухам, дальней родней императору Николаю Второму. Семен Никанорович Романов вместе с четырьмя братьями владел большими земельными наделами в Саратовской губернии, где выращивался хлеб. И главным занятием их было свозить хлеб по Волге на Нижегородскую ярмарку. После революции четырех братьев расстреляли, а Семен Никанорович с сынишкой Мишей успел скрыться. Почти все было конфисковано, но что-то и осталось, что потом помогало семье в скитаниях, особенно после рождения еще семерых детей. Сам Семен Никанорович в конце концов был арестован и отбывал срок на лесоповале в Красноярском крае, но сумел выжить. Затем была ссылка в Бекабад. Выстроенный там дом не сохранился – был разрушен при обустройстве городского парка. Затем – переезд в Сырдарью в 1946 году. Дом, где жил Романов, сохранился напротив здания городской прокуратуры.

Только он называется не «романовским», а домом «Пак-Иличей» – по фамилии и отчеству грамотной корейской семьи, высланной сюда с Дальнего Востока. Старший из братьев, Павел Ильич Пак, купит дом у Василия Семеновича – сына Семена Никаноровича (сам Семен Никанорович скончался в 1952 году). Павел Ильич станет впоследствии известным директором средней школы № 2, а его братья Илья Ильич, Андрей Ильич и Олег Ильич – учителями физкультуры. Все они женились на русских девушках, внешне похожих на молодую Надежду Константиновну Крупскую и на голову выше своих «Пак-Иличей». А Василий Семенович Романов, продав дом, выстроил себе новый на улице Садовой, в ста метрах от школы № 3.

Старший из братьев Романовых – Михаил Семенович, был инженером-конструктором и жил в Ташкенте. Сестра, Ольга Семеновна, вышла замуж за Георгия Данилова, участника Великой Отечественной войны, воевавшего на Малой земле и хорошо знакомого с начальником политотдела 18-й армии Леонидом Ильичом Брежневым. Леонид Ильич обычно не забывал боевых друзей, приглашал их на хорошие

должности, но Данилов в число таких счастливицков не попал. Все свои профессиональные навыки он посвятил строительству города Янгиера. Здесь и похоронен.

Другая сестра – Александра Семеновна, работала заведующей железнодорожным детским садиком. После войны вышла замуж за инженера-картографа Георгия Корнилова. А в 1947 году у Ольги Семеновны Даниловой родилась дочь Лариса – единственная из Романовых, оставшаяся в Сырдарье. Лариса Георгиевна с детства отличалась высоким ростом. Тетя и мама, смеясь, говорили, что она пошла фигурой в великого князя Николая Николаевича – последнего главнокомандующего императорской русской армии. Лариса Георгиевна так и не вышла замуж, до 1996 года прожив с матерью, работавшей заведующей железнодорожным садиком. Лариса Георгиевна готовится к уходу в монастырь в поселке Солдатский, где два года назад на Благовещение скончалась ее лучшая подруга, жившая в монастыре много лет.

Другая жительница Сырдарьи, долгое время жившая в Париже после окончания Сорбонны, – Нина Ивановна Рефтер. Мужа и двух сыновей ее расстреляли в Ленинграде, сама после пребывания в лагерях была выслана на поселение в Сырдарью. Ее хорошо знали студенты Сырдарьинского педагогического института имени Гафура Гуляма, особенно обучавшиеся на факультете иностранных языков. Нина Ивановна подрабатывала репетиторством. Она хорошо знала четыре иностранных языка. У нее была маленькая комната и много книг. Студентки помогали ей с уборкой, приносили продукты из магазина, чаще всего кефир и булочки. Рассказами ее заслушивались. В вечернее время она прогуливалась в шляпе и с черной тонкой тростью...

Могилка ее у подошвы могильного кургана ухожена, металлическая решетка свежоокрашена. На Радуницу в изножье стоят в банке свежие цветы...

Евгений БЕТГЕР

«Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...»

*Страницы истории Ташкентской государственной публичной библиотеки
имени Алишера Навои**

Обратившись теперь к вопросу о пополнении книжного состава Государственной публичной библиотеки, следует сказать, что оно шло в первые годы после Октября весьма интенсивно. Так, в сентябре 1919 года библиотека получила часть книг из упраздненных учебных заведений, именно Туркестанской учительской семинарии, Ташкентского реального училища и Женской гимназии¹. Библиотеки Сырдарьинского областного правления и частично Ташкентского военного собрания, а также некоторых других учреждений более мелкого характера также были переданы государственной библиотеке. В 1920 году в Туркестанскую библиотеку поступила часть книжного собрания бывшего Туркестанского землячества в Петрограде, содержащего в себе большую коллекцию книг по Средней Азии, тщательно подбиравшуюся в свое время Н.П. Архангельским^{**}, им же перевезенную в Ташкент и переданную в нашу библиотеку².

Здесь приходится указать, что в русском Ташкенте, как городе молодом и окраинном, к сожалению, не было больших частных библиотек вроде помещичьих, городских и усадебных, или принадлежавших знати и аристократам, жившим сотни лет в своих родовых гнездах и накопившим там замечательные книжные собрания еще с восемнадцатого века, или, наконец, библиотек крупных владельцев торговых или промышленных предприятий, типа Рябушинских, собиравших иногда весьма любопытные книжные коллекции. Не было здесь ни монастырских библиотек, ни библиотек высших учебных заведений. В то время как в Европейской части Союза и в Сибири все указанные библиотеки после Октябрьской революции перешли в го-

* Продолжение. Начало в №№ 3, 4 (XXXIV, XXXV), 2014; 1, 2 (XXXVI, XXXVII), 2015.

** Николай Порфирьевич Архангельский (1891, Ташкент, – после 1970) – педагог, краевед. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета (славяно-русское отделение), слушал лекции академика В.В. Бартольда по истории Туркестана на восточном факультете. В Петербурге он был активным деятелем Туркестанского студенческого землячества (секретарь, затем председатель). Собранная в землячестве научная библиотека по Средней Азии была в 1920 г. перевезена им в Ташкент и поступила в состав собраний местных библиотек. С 1920 по 1953 гг. работал в системе образования Узбекистана. (Прим. ВС.)

сударственные книгохранилища, в Ташкенте в Государственную библиотеку поступали из специализированных частных собраний лишь самые банальные коллекции местных дельцов, в большинстве очень мало культурных, состоявшие почти во всех случаях исключительно из изданий Вольфа*, «Просвещения», «Задруги», «Великой реформы», приложений к «Ниве» и т.п. весьма распространенных, но сравнительно мало интересных книг, имевшихся в библиотеке уже во многих экземплярах.

Что касается до рукописей, то они были сосредоточены главным образом в Бухаре, в библиотеках высшего духовенства и придворной знати, и в Хиве у тех же аристократов.

После революции в этих ханствах наиболее ценные рукописные собрания остались пока на местах. В Ташкенте же массовых случаев национализации восточных манускриптов в первые годы революции не было.

Таким образом, по линии национализации книжных собраний наша библиотека не смогла обогатиться столь значительно, как это имело место во многих городах, не только губернских, но и уездных, в Центральной России. Поэтому важным источником пополнения фондов библиотеки являлось все-таки приобретение книг за плату.

Для закупки книг Наркомпрос** сначала отпускал средства, которые были достаточны как для приобретения новых изданий, так и для восполнения существующих пробелов. Совершенно заново куплены были около 6000 томов для детского отдела, заново же приобретены кое-какие энциклопедии, почти все классики и т.п. Однако примерно с 1920 года покупка больших партий книг почти прекратилась за отсутствием средств. В связи с этим библиотека была лишена какой бы то ни было возможности выписывать книги из Центра*** и из-за границы.

Такая возможность появилась лишь в 1924 году, так как в 1920–1922 годы на приобретение литературы не отпускалось почти ничего. В 1923 году было куплено только 11 названий³, а в 1924 – уже 134⁴. В этом году был сдвинут с мертвой точки вопрос о выписке книг из Западной Европы и возобновлены связи со старыми зарубежными книжными поставщиками. Через них библиотека стала получать издания на европейских языках по вопросам Востока и туркестановедения. Среди них нужно особо отметить недостававшие тома некоторых важных изданий, вроде Якута, библиотеки арабских географов, «Энциклопедии ислама» и главнейшие каталоги восточных рукописей. В 1924 году библиотеке удалось получить каталог персидских и турецких рукописей Берлинской королевской библиотеки, составленный Перчем. Этим приобретением было положено начало тому справочному аппарату будущего отдела восточных рукописей, без которого была бы совершенно немыслима проделанная им в тридцатых годах грандиозная научная работа.

В октябре 1921 года при библиотеке был открыт так называемый Книжный пункт, принимавший книги на комиссию с отчислением 10% в пользу библиотеки. На эти отчисления библиотека за время работы пункта (закрыт в конце 1924 года) приобрела свыше 800 названий нужных ей книг. Кроме того, Государственная библи-

* Издания Вольфа – крупноформатные подарочные книжные издания, выпускавшиеся крупным книгоиздателем М.П. Вольфом.

** Народный комиссариат просвещения. (Прим. ВС.)

*** Под «Центром» здесь и далее автор подразумевает Москву. (Прим. ВС.)

отека получала литературу из Центра и Туркестанской республики через существовавшую в первые годы революции «Туркцентропечать»*, до самого закрытия этого учреждения. Но снабжение это шло весьма нерегулярно. Необходимость получать все выходящее в Туркестане была осознана библиотекой сразу же после ее реорганизации. Уже в мае 1918 года заведующий библиотекой возбудил мотивированное ходатайство об этом перед советом Туркестанского народного университета, а в июне того же года библиотека обратилась с циркулярным письмом ко всем областным советам с просьбой помочь ей в деле собирания всего выходявшего в революционные годы печатного материала. В первом же положении о библиотеке 1918 года мы видим пункт, гласящий о том, что все издательства обязаны доставлять в библиотеку все, что ими печатается. Положение это, как утвержденное только Комиссариатом просвещения, не имело достаточной силы, ввиду чего библиотека направила в СНК ходатайство об издании Постановления, обязывающего все местные издательства снабжать библиотеку всем, что выходило в Туркестане из-под печатного станка. Такое постановление было издано Совнаркомом в июле 1919 года и подтверждено им же в феврале 1920 и июне 1922 года⁵. Кроме того, аналогичный декрет был обнародован ТурЦИКом** 15 декабря 1919 года за № 128⁶.

К глубочайшему сожалению, сознание важности и необходимости для государственных целей собирать в одном месте, регистрировать и иметь всегда под рукой те печатные произведения, которые появляются и бесследно исчезают в смене дней, не давая возможности ни за какие деньги достать их впоследствии, – сознание это не проникло еще и до сих пор в умы наших многих деятелей, в том числе и работников книжного и печатного дела. Вследствие этого в государственном книгохранилище Узбекской ССР представлены далеко не все местные издания, особенно выходявшие в пределах Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик.

Остро чувствовался в Туркестанской публичной библиотеке в первые годы революции недостаток изданий, выходящих в Центре. Книжные новости доходили до нее только случайно и спорадически. Летом 1920 года заведующий библиотекой Н.Н. Кулинский в бытность свою в Москве возбудил ходатайство о снабжении библиотеки центральной литературой. Ходатайство это увенчалось успехом, и на него в октябре того же года последовало уведомление Российской Центральной Книжной Палаты о том, что Туркестанская библиотека включена в сеть книгохранилищ, получающих по одному экземпляру всего поступающего в Палату.

То было фактом огромной важности для библиотеки, хотя отправляемые ей посылки попадали в наше хранилище весьма неаккуратно, так как задерживались местными книгораспределяющими организациями, через которые шли эти отправления. Так происходило дело в 1921 году относительно изданий РСФСР.

Историческим же моментом в деле снабжения Туркестанской библиотеки следует признать 17 июля 1922 года, когда на Туркеспублику постановлением ВЦИК было распространено Постановление СНК РСФСР от 30 июня 1920 года об обязательном экземпляре⁷. Это постановление сразу же выводило нашу библиотеку на широкую

* Туркестанское отделение Центрального агентства Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) по распространению печати. (Прим. ВС.)

** Туркестанский Центральный Исполнительный Комитет (1918–1924), высший орган власти в Туркестане.

дорогу библиотечной работы большого масштаба <...>. Московский обязательный экземпляр стал поступать в библиотеку регулярно, однако лишь в 1923 году. Украинская Книжная Палата после обращения к ней нашей библиотеки летом 1922 года прислала в том же году только две посылки. В 1923 и 1924 годах она начала снабжать библиотеку уже всей своей продукцией. От других республик никаких печатных произведений за эти годы еще не поступало.

Вскоре после своей реорганизации Туркестанская публичная библиотека сделалась одним из самых популярных учреждений Ташкента: к ее услугам в описываемые годы, как и во все последующие, постоянно прибегали партийные, советские и научные работники, занимающиеся самыми различными вопросами, связанными с той или иной отраслью жизни Средней Азии. Главным же потребителем библиотеки были и остаются студенты ташкентских вузов и др. учащиеся, составляющие около 70% читательского состава.

Как протекала за годы 1918–1924 работа читального зала, можно видеть из следующих цифр, которые сохранились лишь начиная с 1920 года. Они представляют собой средние данные за указанное семилетие:

записывалось постоянных читателей в год	4062
посетителей за год	37507
то же в среднем в день	123
выдавалось книг за год	61170
то же в среднем в день	201

Читальный зал помещался в данный период и далее до 1930 года в тех комнатах, где сейчас расположен Институт восточных рукописей, причем вход в библиотеку был со второго парадного, а отделом выдачи и каталожным залом служило нынешнее хранилище 4-го формата.

Восточный отдел вместе с рукописным фондом и литографиями находился на месте нынешнего первого трехъярусного хранилища, сейчас же за теперешним газетным фондом. До постройки этого хранилища здесь был расположен, как я об этом говорил выше, коридор с «Туркестанским сборником», из коего вела дверь направо в довольно большую комнату, которая и была отведена под отдел востоковедения. В случае надобности читатели пропускались туда через книгохранилище (ныне газетный фонд).

Выше уже упоминалось о том, что библиотека стала вести работу по подбору литературы для читателей с самых первых лет после революции, но не силами специального отдела, а при помощи руководящих работников некоторых отделов, главным образом востоковедческого, дававшего справки по вопросам краеведения многим лицам и учреждениям Ташкента и Средней Азии. Тем не менее, потребность в таком самостоятельном отделе чувствовалась все время. Так, в самом конце 1923 года были утверждены Коллегией Наркомпроса «Изложение и правила о Справочно-библиографическом бюро при Туркестанской государственной библиотеке», предусматривающие даже плату за его услуги⁸. Бюро это имело в виду преимущественно вопросы туркестано- и востоковедения, руководителем его был А.А. Гаррицкий, и

существовало оно при Восточном отделе. Бюро это, однако, не сняло вопроса о создании Справочно-библиографического отдела не только краеведческого, но и универсального характера. Такой отдел, в конце концов, был организован, но уже значительно позже.

Во время директорства Н.Н. Кулинского библиотека пыталась ознакомить широкие круги читающих масс с целым рядом новых писателей и поэтов, для чего сотрудниками устраивались так называемые «громкочитальни», посвященные творчеству отдельных писателей. Таковы были, напр., вечера Чехова, Грина, Маяковского, Блока, туркестанских поэтов и др. Здесь сам первый директор библиотеки демонстрировал свой актерский талант, читая наряду с некоторыми другими членами упомянутой «Студии искусств», как в самой библиотеке, так и в ее филиалах. При следующем директоре, известном книговеде В.В. Буше, был проведен цикл лекций по книжному делу, причем лекторами выступали профессора университета.

В 1920 году в мае публичная библиотека отмечала свой полувек юбилей. В честь этой знаменательной даты в залах была устроена большая книжная выставка, которая продолжалась пять дней и привлекла более 400 посетителей. Во время выставки библиотека открыла для осмотра все свои комнаты и демонстрировала интересующимся все свои книжные сокровища и все стадии и отдельные моменты своей работы и связанного с нею технологического процесса.

Проводились библиотекой и другие выставки, причем они выполнялись Общим отделом и имели целью ознакомление читателей с новой литературой. Так, в 1923 году были устроены выставки на тему «Книга для учителя и школы» и новые книги по социальным наукам⁹. В следующем году проводились выставки «История книги», «125 лет со дня рождения Пушкина», «Книги по авиации», «Книги по химии и газовому делу» и др.¹⁰. Некоторые из перечисленных выставок сопровождалась докладами. Тем же Общим отделом подбиралась литература к революционным праздникам, и списки ее вывешивались в читальных залах библиотеки¹¹.

Необходимо упомянуть еще, что в самом конце исследуемого периода истории библиотеки в ней проходили занятия организованной Постановлением ТурЦИКа и СНК от 16 сентября 1924 года за № 146 Библиографической комиссии при СНК ТССР, в задачу которой входило выяснение книжных богатств Туркеспублики и составление библиографических указателей по отдельным национальностям Средней Азии¹². Председателем этой комиссии был, в качестве директора библиотеки, пишущий эти строки, а одним из ее членов – завотделом востоковедения. В число членов комиссии входили также профессор А.А. Семенов* и директор ТуркГИза товарищ Факторович. Комиссии, до ее ликвидации 4 апреля 1925 года, удалось подготовить к печати и выпустить затем в свет три небольшие библиографические работы А.А. Семенова¹³. Оставшиеся от Комиссии средства и закупленные ею некоторые иностранные труды по Средней Азии были переданы в Государственную библиотеку¹⁴.

* Александр Александрович Семёнов (1873–1958) – выдающийся востоковед, доктор исторических наук, профессор, один из основателей Ташкентского университета, член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР (1943), директор института истории, археологии, этнографии АН Таджикской ССР (с 1954 года). См. о нем.: Джумаев А. Радости бытия высокого порядка. Александр Семенов – исследователь культуры Средней Азии. – ВС №№ 3, 4 (XXVII, XXVIII), 2012.

К описываемому периоду относится одно из важнейших событий в жизни библиотеки – именно переход ее из Туркестанской республики в Узбекистан в результате национального размежевания. Последнее произошло в конце 1924 года, и вопрос о библиотеке был рассмотрен 25 ноября 1924 года на заседании Туркестанского ликвидационного комитета (прот. № 5), когда она была передана Узбекской республике вместе со всем ее бюджетом и поручена ведению Академического центра Наркомпроса УзССР. Вместе с тем это же решение Туркликвидкома признало за нею среднеазиатское значение ее, как ученого учреждения и как хранилища материалов, относящихся до всей Средней Азии в целом. Это же значение было подчеркнуто и Среднеазиатским ликвидационным комитетом, который своим Постановлением от 4 апреля 1925 года (прот. № 8, п. 1), утвердив решение Туркликвидкома, определил именовать библиотеку Среднеазиатской¹⁵. Тем не менее, оба эти постановления еще не решили всей совокупности вопросов, связанных с установлением среднеазиатского характера библиотеки, и уточнение ее роли в жизни всех новых национальных государственных образований было проведено только в ближайшие после размежевания* годы.

Заканчивая обзор существования библиотеки за первое ее революционное столетие, следует сказать, что оно характеризуется начавшимся быстрым ростом фондов библиотеки и постепенным развертыванием ее деятельности по всем направлениям, с одной стороны, и отстававшими от этого роста и тормозившими его показателями материального порядка¹⁶ – с другой. Это приведет впоследствии к диспропорции между этими двумя моментами и явится причиной возникновения ряда трудностей, с которыми крупнейшей узбекистанской книжной сокровищнице придется бороться¹⁷.

1925–1940 годы

Итак, после национального размежевания бывшая Туркестанская, а с апреля 1925 года Среднеазиатская государственная библиотека перешла в Узбекскую ССР и была передана в систему Узнаркомпроса. Как я только что отмечал, относящиеся к ней постановления Туркестанского и Среднеазиатского ликвидкомов еще окончательно не уточнили отношения библиотеки к другим среднеазиатским республикам. Дело в том, что постановления и Туркликвидкома от 25 ноября 1924 года, и Пленума Экономбюро при УполСТО в Средней Азии от 30 июня 1925 года говорят о предоставлении возможности пользования библиотекой всем новым государственным образованиям на условиях, вырабатываемых их взаимным соглашением. Такого соглашения, однако, никогда не происходило, и вопрос о межреспубликанском значении нашего книгохранилища, подымавшийся неоднократно отдельными республиками, так и остался не разрешенным. В течение первых лет после размежевания это обстоятельство давало повод не только к теоретической постановке вопроса о «размеже-

* Речь идет о национально-государственном размежевании в Средней Азии в 1924–1925 годах, в результате которого на территории бывших Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик возникли новые государственные образования: Узбекская ССР, Туркменская ССР, Казахская АССР, Таджикская АССР, Киргизская АО и Каракалпакская АО. (Прим. ВС.)

вании» библиотеки между всеми среднеазиатскими республиками (по принципу: книги о данной стране и о данном народе – в соответствующее новое национальное образование), но и к некоторым конкретным шагам в этом направлении. Так, снова возродились тенденции у некоторых националистически настроенных деятелей к переводу восточных книг и рукописей в бывший Старый город. Летом 1925 года Коллегия Акцентра* Узнаркомпроса была вынуждена в своем решении (14 июля 1925 года) признать эти домогательства нецелесообразными¹⁸, а академик В.В. Бартольд, посетивший Ташкент в 1925 году, резко осудил их в своей рецензии на Отчет библиотеки за 1924 год¹⁹. Попытка получить соответствующие издания для своей страны зарегистрирована, например, для тогдашнего Казахстана. Наконец, новый «среднеазиатский» характер государственной библиотеки, вследствие недоговоренности между новыми республиками, был причиной того, что государственная библиотека с момента национального размежевания потеряла право на получение выходящих в Средней Азии изданий, что было уже большим ущербом для нее.

Постепенно, однако, эти тенденции к «размежеванию» фондов библиотеки стали изживаться сами собой и через несколько лет были совсем оставлены. На среднеазиатскую библиотеку стали смотреть как на узбекистанскую по существу. Эта точка зрения устанавливалась параллельно росту новых государственных публичных библиотек в молодых среднеазиатских республиках. Эти библиотеки начали особенно крепнуть после предоставления им обязательного экземпляра. Окончательно это узбекистанское значение библиотеки было оформлено в 1933 году, когда в связи с ликвидацией среднеазиатских учреждений библиотека получила свое последнее наименование – Государственная публичная библиотека УзССР²⁰.

Что касается до структуры библиотеки, то в описываемый период она претерпела кардинальное изменение, связанное с деятельностью директора библиотеки Н.С. Чернова. Он был поставлен во главе библиотеки в апреле 1929 года, сменив на этом посту автора данной работы, перемещенного на должность заместителя директора, а через год – ученого секретаря. Н.С. Чернов усмотрел в существовавшей тогда структуре библиотеки отсутствие единого стержня и разнородность в характере работы отделов, возникший вследствие слабой между ними увязки. Получилось за 10 лет то, что, например, отдел востоковедения, будучи комплексным, образовал как бы «государство в государстве», где работы, одинаковые с другими отделами, или не проводились вовсе, или производились по-своему, не так, как в других отделах. В этом отделе господствовал старинный взгляд на то, что библиотечное дело двигают лишь отдельные знатоки, действующие не при помощи объективных и общедоступных каталогизационных и библиографических аппаратов, а лишь при помощи своей памяти и своих личных знаний. Эта точка зрения была совершенно неудовлетворительной к концу 20-х годов, так как порождала пренебрежительное отношение к библиотечной технике и ее недооценку. То же наблюдалось и в отделе периодики, где вся работа над журналами, от инвентаризации до справок читателям, велась изолированно от других отделов, в частности от отдела каталогов, который занимался обработкой только книг общего хранения.

* Акцентр – Академический центр Управления научными учреждениями Наркомпроса. (Прим. ВС.)

В детском отделе имело место то же явление. Бывшая когда-то удовлетворительной, исторически сложившаяся структура, которую застал товарищ Чернов (ныне покойный), к 1929 году оказалась устарелой и нуждалась в коренной реформе²¹. Эту реформу и решил произвести новый директор. Он поручил автору этих строк и А.А. Гаррицкому составить проект новой структуры библиотеки. Вполне разделяя точку зрения т. Чернова, я в предложенной мною схеме исходил из принципа деления библиотеки на отделы по тем функциям, которые являются основными для публичных библиотек, т.е. на отделы комплектования и обработки, хранения и выдачи. План, разработанный А.А. Гаррицким, содержал в себе несколько видоизмененное в отношении числа работников, но в основном старое деление библиотеки на отделы, часть которых оставалась комплексной по-прежнему. Была принята моя схема, которая и легла в основу всей структуры библиотеки того времени, действуя и в наши дни²². С течением времени она лишь расширялась в связи с организационным выделением возникавших в процессе работы новых функций библиотеки и находившим свое выражение в образовании дополнительных отделов.

Новое деление библиотеки было установлено 15 июля 1929 года и предусматривало на первых порах только три отдела: обработки (куда входило и комплектование, поскольку главным его источником был обязательный экземпляр), хранения (с секциями общей, восточной периодики) и читального зала (в какой-то входил как часть и детский отдел). Четвертый отдел – Кабинет библиотековедения и библиографии – был образован через 2,5 месяца, с 1 октября. С 1932 года он превратился в справочно-библиографический отдел. С начала 1932 года из отдела обработки был выделен пятый отдел – комплектования. В 1934 году из секции востоковедения отдела хранения был образован, но уже на новой основе, комплексный отдел краеведения, в состав коего входили книги по востоку и рукописи; просуществовал он лишь до 7 июля 1935 года. После его ликвидации книги перешли снова в единое общее хранение (слитое в 1935 году с читальным залом в один общий отдел обслуживания и фондов), а восточные манускрипты образовали с того же 7 июля самостоятельный отдел восточных рукописей, сыгравший впоследствии большую роль в развитии исторической науки в Узбекистане. Важнейшим стимулом к его созданию послужило, несомненно, решение Совнаркома УзССР от 25 апреля 1933 года за № 218²³, согласно которому библиотека объявлена центральным рукописохранилищем республики с возложением на нее обязанности концентрировать у себя рукописи, находящиеся в ведении отдельных учреждений и рассеянные по республике. Наконец, в 1935 году возник массовый отдел (первоначально сектор). Таким образом, к 1935 году современная структура библиотеки была окончательно сформирована.

Уместно сказать здесь о том, что в 1989 году библиотеке удалось, наконец, организовать и открыть переплетную мастерскую, которая продолжает свою работу и сейчас. Подобная мастерская существовала в первые годы после реорганизации библиотеки, но в конце концов по многим причинам должна была закрыться. Возобновление этого необходимого, хотя и скромного, звена в библиотечной работе следует считать весьма положительным фактом.

В этой связи необходимо добавить несколько слов о судьбе детского отдела. Он был закрыт 29 октября 1930 года и обращен в так называемую «Станцию детской пе-

чати» при ЦК ЛКСМ Уз, в силу какого-то несомненного головотяпства и недомыслия (чтобы не сказать вредительства, на что это закрытие объективно смахивало). Этот отдел, при почти полном отсутствии детских библиотек и недостаточности книжного состава школьных библиотек в Ташкенте, имел чрезвычайно важное значение. И вот из живого, полнокровного организма он превратился в бюрократическое учреждение, «изучавшее» детскую литературу и якобы «способствовавшее росту ее в Узбекистане». Читальня при «Станции» продолжала еще действовать по инерции несколько дней, но малоопытные и лишь поверхностно знакомые с обширной детской литературой работники «Станции», в конце концов, не выдержали трудной роли руководителей детского чтения и с ноября 1930 года окончательно прекратили обслуживание детей и превратили «Станцию» в одно из обычных учреждений, потерявшее всякую связь с государственной библиотекой. Так совершенно зря закончилась превосходная и нужная работа с большим трудом, усердием и энтузиазмом организованного детского отдела государственной библиотеки, продолжавшаяся 11 лет, 9 месяцев и 16 дней. Фонды детской литературы остались, однако, за «Станцией» и таким образом были изолированы и от детворы, и от учительства. Года через два «Станция детской печати» была закрыта, и фонды эти, несколько поредевшие, вернулись в государственную библиотеку.

Лишь через девять лет – в 1939 году, ей удалось возобновить детский отдел, но на совершенно иных условиях и принципах и даже не в ее помещении. Тот размах, который был свойственен детскому отделу до ноября 1930 года, когда он был не только читальней, но и своего рода институтом детского чтения, где велись наблюдения над маленькими читателями и применялись разнообразнейшие методы внешкольной с ними работы, где делались исследования над читаемостью отдельных авторов и давались консультации педагогам и библиотекарям, где существовала крепко налаженная связь с центральным Институтом детского чтения²⁴, где, наконец, находились все имевшиеся в библиотеке детские книги, как новые, так и старые, – этот размах уже нельзя было возродить через десять лет, во время которых работа с детьми начисто прекратилась и фонды детского отдела оказались распыленными, а частью не возвратились после ликвидации «Станции детской печати» вовсе. Да и самое помещение отдела оказалось вне стен библиотеки, так как в 1939 году найти площадь для детской читальни было уже невозможно. По этим же причинам нельзя было и сконцентрировать в чужом здании (Дворец пионеров), где разместился возрожденный детский отдел, все наличные фонды детской литературы.

Насколько полно жил детский отдел в последние годы перед своим закрытием по сравнению с годами после своего возрождения, показывают следующие цифровые данные:

	1925–1930 гг.	1939–1940 гг.
Средняя посещаемость за год	32412	25572
Среднее число выдач за год	44916	39618
Максимум посещаем.	41373 (1928)	38207 (1942)
Максимум читаем.	60307 (1927)	39618 (1942)

В течение рассматриваемого периода библиотека дважды переходила из одного ведомства в другое. Находясь с момента национального размежевания в системе Наркомпроса УзССР, она, в соответствии с постановлением ЦИК Узбекистана от 19 апреля 1933 года за № 224, была передана в ведение Комитета наук при ЦИК УзССР. Но официальная сдача библиотеки Наркомпросом и прием ее Комитетом наук состоялись только 1 октября. Это постановление отражало взгляд на нашу библиотеку как на научное по преимуществу учреждение. В системе Комитета наук библиотека пробыла пять лет. За это время при Комитете выросла собственная научная библиотека, ныне ставшая библиотекой Академии наук Узбекистана. В то же время Наркомпрос, не имевший в своем распоряжении столь богатого книгохранилища, каким является Государственная публичная библиотека, при все развивающемся росте внешкольной работы в стране, стал ощущать это обстоятельство довольно болезненно, не имея возможности опереться на Публичную библиотеку как на базу своей политико-просветительной деятельности. Вот почему в начале 1938 года Наркомпрос поставил перед правительством Узбекской ССР вопрос о передаче Государственной публичной библиотеки обратно в его ведение. Совнарком, разделяя эту точку зрения Наркомпроса, вынес постановление в желательном для последнего смысле, и с 27 февраля 1938 года библиотека снова оказалась в системе народного комиссариата просвещения, непосредственно подчиняясь библиотечному управлению. С этого времени никаких организационных изменений в отношении принадлежности ее к тому или иному ведомству не происходило.

Положение о библиотеке утверждалось Наркомпросом за это время дважды: 13 ноября 1925 года и 26 декабря 1938 года. Последнее положение, в которое внесено небольшое изменение в 1942 году, является действующим в настоящее время*.

Финансовое состояние Государственной публичной библиотеки после национального размежевания стало значительно укрепляться, и бюджет ее со времени перехода библиотеки в Узбекскую республику характеризуется следующими цифрами (в тысячах рублей), данными по пятилетиям:

1925	1930	1935	1940
39,6	88,1	345,1	324,0

Эта таблица показывает, что библиотечный бюджет возрос за 15 лет более чем в 21 раз.

* Те. в 1945 году, когда Е.К. Бетгер писал эти строки. (Прим. ВС.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди них заслуживают внимания и особого упоминания: экземпляр Отчета сенатора Гирса, ревизовавшего Туркестан в 1882 году (издан в 25 экземплярах) и несколько сборников отдельных оттисков трудов В.В. Бартольда.

² Часть библиотеки семинарии поступила в Туркестанский восточный институт.

³ См.: Отчет Туркестанской государственной библиотеки за 1923 год. С. 8.

⁴ То же за 1924 год. С. 10.

⁵ Постановление № 128 // Известия. 1922. № 135.

⁶ То же. 1920. С. 38.

⁷ По просьбе Российской Центральной Книжной Па-

латы, обращенной ко мне, как ее постоянному корреспонденту, Постановление это со всеми относящимися сюда распоряжениями, было опубликовано в «Туркестанской правде» от 30 ноября и 7 декабря 1922 года.

⁸ См.: Отчет Туркестанской государственной библиотеки за 1923 г. С. 21. Плата за составление справок была весьма скоро отменена (см.: Отчет Туркестанской государственной библиотеки за 1924 год. С. 8).

⁹ См.: Отчет Туркестанской государственной библиотеки за 1923 г.

¹⁰ То же за 1924 г. С. 27–28.

¹¹ То же. С. 24.

¹² То же. С. 29.

¹³ Труды библиографической Комиссии при СНК ТССР, вып. 1–3 («Библиографический указатель по ковровым тканям Средней Азии», «Каталог рукописей исторического отдела Бухарской Центральной библиотеки», «Указатель литературы на персидском языке по истории узбеков в Средней Азии»).

¹⁴ См.: Отчет Среднеазиатской государственной библиотеки за 1925 г. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 3.

¹⁶ Имеется в виду все возрастающая год от года крайняя теснота и неудовлетворительность библиотечного здания.

¹⁷ Основным пособием при написании этой главы по-

служила моя статья: Туркестанская государственная библиотека, 1918–1922. Краткий исторический очерк // Наука и просвещение. № 2. Октябрь–декабрь. Ташкент, 1922. С. 192–203.

¹⁸ См.: Отчет Среднеазиатской государственной библиотеки за 1925 г. С. 4.

¹⁹ См.: Бартольд В.В. Последний отчет Туркестанской государственной библиотеки // Правда Востока. 27 июля 1925 г. № 164.

²⁰ Не лишне упомянуть здесь, что с 1930 года по инициативе Н.С. Чернова библиотека стала именоваться, вместо среднеазиатской государственной, несколько вычурно – «Государственная публичная библиотека Средней Азии».

²¹ К этому времени библиотека делилась на шесть отделов: общий, востоковедения, периодической печати, каталогов, детский и выдачи.

²² Ср.: Штейн В.А. Структура научной библиотеки // Библиотекословение и библиография. 1930. № 1–2. С. 42–47.

²³ См.: Узбекистанская правда. 1933. № 165.

²⁴ Руководившая в 1920-х годах Институтом А.К. Покровская в 1925 году была приглашена кружком ташкентских библиотекарей в Ташкент, провела с ними специальный семинар и ознакомилась с деятельностью детского отдела. Последний с тех пор посылал в Московский институт детского чтения регулярную информацию о своей деятельности.

Наталья СЕЛУЯНОВА

Семейная хроника Селуяновых

Публикация О. Илюшкиной*

1942 год

Не буду описывать тягостной блокадной зимы. В общих чертах это всем известно, и мы с тетками не были исключением. Но в начале 1942 года я пережила ужасное потрясение, память о котором осталась на всю жизнь.

За хлебом обычно выходили рано утром, когда еще было совсем темно. Иногда ждали привоза хлеба в магазин по многу часов, а иногда и до вечера. Как только привозили хлеб, очередь увеличивалась до громадных размеров. Так как хлеб можно было брать на день вперед, я всегда брала таким образом, чтобы не стоять в очереди ежедневно. Когда горячий хлеб вносили в магазин, стоял такой аромат, что голова кружилась, таким он казался вкусным, а ведь в него подмешивали разные суррогаты. И вот однажды, взяв все карточки, и тетчины и свои, – я пошла за хлебом, но его нигде не было, пришлось дойти по Невскому до улицы Гоголя. Не успела я отоварить карточки и набить хлебом свой бархатный мешок и выйти на улицу, как чувствую, что кто-то тянет мой мешок в сторону. Ужас меня взял, так как силы совсем не было, ведь выстояла на морозе большую очередь, да и от дома ушла далеко. А сумку тянут да тянут – какая-то женщина вцепилась в нее, и ничего не говорит. Я от ужаса тоже не могу вымолвить слова, и так мы долго стояли и тянули друг от друга мешок с хлебом. Наконец, я взяла верх и, вырвав сумку, поползла на Колокольную улицу. Бежать я не могла, ноги были как ватные, и я едва их переставляла.

Закончив 1941-й год письмом отца, 1942-й начну тем же – в январе я получила очередное послание, которое живо передавало папино настроение:

«16.1.42. Старое стихотворение. Давно, много лет тому назад, когда я был еще молодым, я прочел одно стихотворение. Оно называлось «Как хороши, как свежи были розы»**. В этом стихотворении чудные картины молодости сменяются мерзкой картиной старости.

* Продолжение. Начало в №№ 3 (XXVII), 2012; 1–3 (XIX–XXXI), 2013; 1–3 (XXXIII–XXXIV), 2014; № 2 (XXXVII), 2015. (Все примечания – ВС.)

** Строчка из известного стихотворения И.П. Мятлева «Розы» (1834), ставшая рефреном знаменитого стихотворения в прозе И.С. Тургенева (1879), которое и имеется в виду в письме. Далее А.Н. Николаев описывает свою жизнь: свидания со своей будущей женой (и матерью Н. Селуяновой) – А. Сафоновой, их семейную жизнь в Ташкенте и ее похороны.

Теперь, когда я вспоминаю свою жизнь, мне приходит на память это стихотворение. Вот я, молодой и беззаботный, иду на свидание с любимой девушкой. Нет у меня никакой заботы, никакой печали, все радуется, все улыбается мне. Я вижу ее, радостную, счастливую, и мы рука об руку, обмениваясь словами ласки и любви, на прогулке среди чужой природы, и кажется, весь мир улыбается нам.

А вот другой день... Солнце ярко светит на небе цвета кобальта. В чудесном саду, полном роз, стоит коляска с ребенком, около нее стоит счастливая мать! Ничто не смущает семейного счастья, впереди на много лет все ясно и спокойно. «Как хороши, как свежи были розы». А вот тот же сад, но весь полон народа. Эти люди пришли почтить память умершей учительницы и чудесного человека. Она умерла совсем молодой, еще месяц назад все ее видели полной жизни, бодрой и веселой. Удар судьбы, и место радости стало местом горя и печали.

Наконец, очнулся я от воспоминаний и вижу в зеркале старого, усталого человека. Он сидит, опустив голову, так как настали невеселые времена: бомбежки, насилие и издевательства над мирным населением и прочие ужасы. Осталась на свете только одна цель – ожидать своей смерти, но тяжелы оставшиеся дни жизни. – «Ах, как хороши, как свежи были розы», и как жестки и остры шипы судьбы. А.Н. Николаев. Москва».

В апреле Милочке исполнилось 16 лет. Вот наши письма из Ленинграда, отмечающие это событие:

От тети Лизы: «2.IV.1942 г. Дорогая моя Милушенька! Здравствуй, моя «большая» дорогая девочка! Поздравляю тебя с днем твоего гражданского совершеннолетия и душевно желаю тебе полного, возможного в наших условиях жизни, счастья, заключающегося, по-моему, в хорошем здоровье, материальном благополучии, окружении близких и дорогих тебе лиц, любви к тебе, блестящих успехов в науках, хорошем, бодром настроении и т.п., а главное, скорее всем нам соединиться в нашем бедном сейчас Ленинграде, то есть, чтобы скорее враг был отогнан от нас и вовсе уничтожен, изгнан с нашей земли, чтобы никто и ничто не мешало нам, советским гражданам, свободно, по-прежнему, передвигаться по своим областям.

...Я вовсе замучена: 1) заботами по дому; 2) болезнью своей: тяжелая форма цинги на ногах, со всеми последствиями, как во рту, так и в общем обмене веществ; 3) болезнью тети Милуши: вот уже три месяца не выходит из хвори, то хроническим колитом, то голодным поносом на почве цинги. Только от нее избавилась, как вновь заболела (не успев встать с кровати) инфекционной опухолью заушницы с шеей и правой щекой, до носу, с болью в ногах и высокой температурой... опасались за благоприятный исход болезни, тем более, что она сама, измучившись безумной болью, страшно ослабев, при своей всегдашней беспомощности, получила еще и пролежни, и потеряла желание жить. К тому же заболела, долго перебогавшись, наша Павловна (Аннушка, домработница, 84 лет. – Н.С.), на днях и скончавшаяся. Я, будучи измучена своей болезнью, еле передвигаясь на больных ногах, не могла уделить ей того внимания, ласки и ухода, как она заслуживала, да и боялась оказать физическую помощь ей, чтобы не напрягаться, из-за насекомых, появившихся за месяц до смерти, да и не разнести их по комнатам, в частности, к тете Милуше, ибо она была так слаба, что с тру-

дом шевелила руками. Я несу всю работу по стряпне и печке, в нашей столовой (кухню не топим из-за дров). Я и тетя Милуша помещаемся тоже в столовой, а наш добрый гений, золотая наша, ласковая Наташенька, твоя мамуля, живущая с нами, как наша подлинная дочка, помещается в моей комнате. Будучи и сама слабенькая, она, превозмогая себя, не показывая виду, оказывает нам часто вовсе непосильную для нее помощь... Все же опишу, как нам с Наташенькой приходится вертеться и по хозяйству, и по ее беготне по аптекам, при этом посещает еще и службу, очень ее оценившую, зачастую оказывающую ей всевозможные снисхождения, своевременно давшую ей отпуск после бюллетеня и принимая во внимание ее уход за нами.

Сейчас все население с 15 лет и до 55-летнего возраста (мужчины до 60 лет) призваны на общественные работы по очистке города, улиц, набережных, дворов и лестниц, что очень непосильная для мамочки работа, но ведь она все делает добросовестно и поэтому возвращается домой после восьми часов работы с ломом по сколке грязного, обледенелого снега и свозке его на тяжелых санях от Публичной библиотеки до Екатерининского канала – Грибоедова, со сброской через парапет, не загрязняя последний, то есть перегибаясь, с опасностью упасть самой в канал. Но эта работа нам, жителям Ленинграда, необходима как свежий воздух, особенно перед наступлением тепла, чтобы предупредить появление инфекционных болезней – ведь водопровод не работает, приводятся в действие канализационные магистрали по участкам, из-за малого запаса топлива. Значит, воду неси, бережно ее расходуй, бегать-то за водой приходится к цирку и на улицу Рубинштейна и т.п., дров нет, жжем сундуки, табуреты, карнизы, стулья и т.п. Электрического света тоже нет, при копилке, а в нашей темной квартире (и светлые квартиры многие стали темными из-за разбитых окон, забитых фанерой), в отсутствие керосина и подходящего горючего, – весело! Да и холодно у нас, так как топится только столовая, и то не на совесть, а как буржуйка для стряпни и, главным образом, для самовара (вытягивает дым). А вода, стоящая в банках и кастрюлях, очень охлаждает воздух, а окна оставлены не замазанными, чтобы не вылетели стекла в случае артобстрела и воздушного нападения. Ну, довольно про нас! Невеселое письмо пишу ко дню твоего знаменательного дня. При первой возможности передадим тебе небольшой презент из уцелевших вещей, на память о горячо любящих тебя тетках-бабках... Все, что идет на продажу, все, все отдаем, не жалеем, лишь бы сохранить жизнь, продержаться до светлых дней полной победы над врагом. Денег же нет, из-за осадного положения пенсия задержана с декабря. На днях обещали выдать, ибо жизнь понемногу налаживается, и сообщение со столицей все-таки для государственных учреждений восстановлено. На паек, особенно наш, иждивенческий, трудно прожить, приходится прибегать к рыночному обмену вещами, хлебом, а последнее самим необходимо.

Пиши, дорогая девочка, не жди моих писем – мне очень некогда: встаю в 6-7 часов, ложусь поздно, целый день на больных ногах. А толку мало. Твои письма мамочке читаются всеми нами... Мамочка была тронута ласковым письмом к ней бабушки... Мамочка, несмотря на трудный по холоду и усталости поход пешком (трамваи не ходят из-за отсутствия тока), все посещает время от времени квартиру на Блохиной, беспокоясь за сохранность вещей и комнаты бабушки, перенося часть вещей на себе, ибо временно комната бабушки заселена. Она очень скучает по вас и с огромным наслаждением получает твои письма, а также узнавая, хоть отчасти, о жизни Маришеньки... Из писем

видно, как ты развиваешься, узнали твою жизнь, интересы.... Юра пользуется всяким случаем снабдить нас всем, чем может, – трогательно для молодого человека».

(От меня): «4.IV.42 г. Дорогая, родная моя Милушенька! Поздравляю тебя, моя «маленькая» с днем твоего рождения. От души желаю тебе счастья, здоровья, и соединиться скорее с твоей мамочкой, которая тоже о тебе очень скучает. Могу тебя порадовать ко дню твоего рождения, что мои дела улучшились во всех отношениях: во-первых, я на ногах, хотя еще и слабых, во-вторых, я спаслась от голодного поноса, от которого возврата почти нет, и в-третьих, я получила первую категорию, уже живу лучше, а в-четвертых, я сейчас на десять дней попала в стационар, так как я уже двигаться не могла на почве голода, а работала непосильно по восемь часов с ломом, имея на руках трех тяжело больных. Меня спасла только моя постоянная энергия, твердая уверенность, что я должна бороться со смертью, что у меня есть Милуша, для которой будет большое горе меня потерять, так как я, потеряв рано свою мать, хорошо это чувствовала. Извини, дорогая доченька, что давно не писала, несмотря на ваши письма. Надо было быть здесь, чтобы понять, и все стало бы понятно: холодно, дров нет; отмороженные руки; литр керосина – 150 руб. или ½ кг хлеба, следовательно темно; больные стонут, сама еще хуже других, только что помоложе: непосильная работа, ношение чистой воды с Невы, вынос грязных ведер, пилка и колка дров, вернее табуретов и шкафов и пр., пр., всего не опишешь. Хорошее письмо получите от тети Лизы – это целая картина нашей жизни. У меня много хороших вещей, которые я хотела бы подарить тебе, но, к сожалению, их передать не могу, а те, кто эвакуируется, часто гибнут, так как уезжают совсем больные и истощенные... У меня было много случаев уехать, но не могу на это решиться. Жалко бросить комнату, а главное, жалко бросить теток, которые сейчас совсем одиноки и их жизнь зависит от меня. Аннушка умерла. Тете Милочке, хотя и лучше, но так ослабела, что даже руки не протягивает к готовой пище, возможно, она погибнет, а тетя Лиза, тоже с больными ногами, останется совсем одна, а я бы этого не хотела, так как думаю и в дальнейшем жить вместе с тетей Лизой и тетей Милочкой... как знать, что ждет нас еще в Ленинграде? Я бы не хотела остаться здесь жить после войны, а распродав все вещи, переехать жить в Среднюю Азию, это моя мечта, тем более сейчас я его (Ленинград) ненавижу, и раньше-то не любила».

(Мое письмо Лидии Васильевне): «15.IV.1941 г. ...Все же, как Вам ни трудно, здесь бы Вам не вынести. Вы только представьте себе, что Е.В. Соколова (наша соседка по квартире. – Н.С.) бросила свою Маринку совсем, да еще после болезни – дифтерита. Сама она в больнице, я была у нее – она не ожидала, была тронута, плакала, а брат ее даже привета ей не передал. Маринка в приюте. Снесу ей только хлеба своего и две конфетки – больше нечего. Их кормят, но она слишком истощена... Я вечно кому-нибудь помогаю: то карточки вытащили, то сотруднице ноги отрезало... Теткам сейчас почти не помогаю, так как им помогает Юра. Мне никогда и никто не помогал, но я выгляжу еще лучше других, которые живут только для себя и даже от своих детей прячут, и даже их пайки воруют».

Письма Милочки и Лидии Васильевны из Курьи давали яркое представление о трудностях их жизни в эвакуации:

(1) От Милочки: «7 мая 1942 г. Здравствуйте, дорогие мамочка, тетя Лизочка и тетя Милочка! Я была очень рада, когда получила ваши длинные письма, а то мы от февраля не получали писем и очень беспокоились. Очень рады, что ваше положение улучшилось. Сейчас я живу с бабушкой, а папа уехал в Ташкент и привезет всех оттуда. В школе ввели новый предмет – агротехминимум. Я с 5-го июня поеду со школой работать в колхоз. Может быть, придется еще зиму жить здесь, так нужно картошки зарабатывать. Нам обещали дать огород, но нет семян. Несмотря на то, что сегодня 7-е мая, идет снег и очень сильный ветер, а несколько дней тому назад можно было ходить без пальто. Я очень соскучилась о Ленинграде, хотя он, наверное, совсем изменился, а вам, наоборот, хочется уехать. Кажется, никогда не дождешься, когда увидимся. Здесь я учусь лучше, чем в Ленинграде, так как много свободного времени. За третью четверть у меня по всем предметам «отлично», и за четвертую – тоже. Через 12 дней начнутся испытания, и теперь надо готовиться. Пишите нам чаще, а то мы беспокоимся. Я переписываюсь с дедушкой и с Танечкой. Привет всем знакомым. Целую вас крепко, крепко! Мила».

(2) От Лидии Васильевны: «24 мая 1942 г. ...У Милочки сейчас экзамены – она здесь круглая отличница. При заводе есть парниковое хозяйство, мы хотим, чтобы она осталась здесь работать. Миша 3-го мая уехал в командировку в Омск и в Ташкент, вернется в первых числах июня, привезет все семейство. Жалко ребят, там всегда зелень, фрукты, все там поправились, а мы сохнем здесь. С продуктами очень трудно, рынка нет, пайка иждивенцам нет, только хлеб – 400 гр. Были бы со мной мои тряпки, можно было бы поменять, но, увы, сами все нуждаются, многие уезжают, но мы никуда не собираемся, только мечтаем о Ленинграде.

Миша прикреплен к заводу... Мы тебе советовать не можем, ехать или как быть? Захвати мои тряпки... В деревню заезжать незачем, мы там жить, наверное, не будем. Приезжай прямо сюда, в поселок Судозавода (это две станции не доезжая Перми), а направление бери, куда думаешь, а то отсюда не сможешь уехать».

(3) От Лидии Васильевны: «...Спасибо за письмо, мы уже и ждать перестали, думали, уже все вы погибли. Очень редко пишете, чужие и то пишут... Здесь кто-нибудь получит весточку из Ленинграда, и то все радуются, а ты по два месяца не пишешь – что мы должны думать хорошего? Тебе виднее относительно выезда: вещи сбережешь, а сама можешь погибнуть. Вот, я скажу про себя – конечно, жалко всего – здесь живу – как нищая, ничего нет, а осталась бы в Ленинграде, уверена, что меня не было бы, как и многих. Миша привезет семейство, потому что в Ташкенте все дорого, на два дома ничего не выходит, а привозить сейчас тоже опасно, так как сейчас ничего не дают, а в марте здесь ленинградцев хорошо принимали. Дай Бог вам дожить до лучших дней, а нам бы вернуться в Ленинград, увидеться с вами».

(4) От Милочки: «24.V.1942 г. ...Ты пишешь, что здесь много ягод, а это такое паршивое место, что никаких ягод и близко нет. У нас свой огород, садим овощи и картошку...»

В Москве дела шли неважно, но отец не жаловался и даже сопротивлялся попыт-

кам оказать ему помощь. Мне он писал бодрые письма, но в письмах его теткам про-скальзывало истинное положение дел:

«Май 1942 г. ...Женя перешла на пенсию, а я по состоянию здоровья не могу уже искать всякой работы, а полегче найти не удастся. Пока продаем барахлишко. Прошу убедить Наташу не посылать мне денег, мне это неприятно, а за желание помочь – благодарю. В этом отношении воюю и с Таней, ужасно сержусь. Существоем энергией Евгении Николаевны. Я вообще-то никогда не был энергичным, а сейчас совсем скис и здоровье все ухудшается (эмфизема и пр.). Читаю английские романы и рисую, и не вижу времени, чем же плохо? Сейчас опять пойду выискивать себе работишки... Я рад, что, наконец, настало тепло, полон разных интересов, впору юноше лет на 20; пока живем сносно. О зиме стараюсь не думать...

У Тани мальчик растет очень славный (19 месяцев), но слабенький, похож на Володю, не то на Таню, глазки добрые; опрятный – всегда сморкает нос медведю. Я надеюсь на работу, хоть на амплуа рабочего, чего я очень добиваюсь (небольшая мастерская). Я все продал: книги, картины – за гроши, и рад, когда берут. Рисую на заказ копии с картин и мог бы иметь заработок приличный, но красок нет, придется бросить».

Переписка моя с Милочкой и Лидией Васильевной отражала и мою, ленинградскую, и их, курьинскую, жизнь со многими подробностями.

(1) «Дорогие Лидия Васильевна, Милочка! Наконец-то получила от вас письмо от 7 мая, в котором Лидия Васильевна меня очень удивила. Неужели, дорогая Лидия Васильевна, Вы не знаете, что письма пропадают, а пишете так наивно, что от чужих получаете письма, а от меня нет. Приглашения к вам в Молотов* я не ждала, так как Молотов – это такое место, в которое я не поеду: холодно зимой, голодно, и вообще не подходяще, но, может быть, в сентябре придется уехать и бросить все, так как зиму оставаться здесь невозможно. Тогда я поеду куда-нибудь далеко...

Пока я еще, во всяком случае, до осени пробуду здесь, так как очень надеюсь, что война кончится летом, да меня могут и не отпустить. Я теперь живу в библиотеке** на казарменном положении. Ночью, когда прилетают «гансы», слежу за воздухом и иногда удивляюсь, как только я уцелела. Недавно я попала под очень большой обстрел, меня даже контузило, так что я пролежала на улице около двух часов без памяти. Сейчас чувствую себя очень хорошо, прямо расцвела с весной. На тело я еще худая, а лицо толще, чем до войны. Сейчас я не такая голодная, так как иногда покупаю чашку крапивы за 40–75 руб. или просто разной травы и из нее варю щи и делаю котлеты на олифе, но олифу тоже трудно достать, и то 150 руб. бутылка. Трава помогает – глаза перестали болеть и ногам лучше. Тетки тоже поправились, хотя и не вполне.

Как только Мариночка приедет к вам, напишите мне подробно про нее, как она выглядит, выросла ли?»

(2) «Дорогая Милуша! Какая ты умница, что хорошо учишься, это очень приятно. Не скучай о Ленинграде, здесь ничего нет хорошего. Я мечтаю жить в другом городе.

* Ныне – Пермь.

** Государственная публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Санкт-Петербурге), где с 1936 года работала Н. Селуянова.

Знакомых здесь никого не осталось. Наша комната за мной; тряпки я понемногу перетасила к тете Лизе, а так как я на казарменном, то не могу часто ходить на ул. Блохина, бываю там раз в месяц, и того реже. Два раза комната была открыта, но, кажется, все цело, кроме дров, а второй раз сломали ключ, так старались открыть дверь, так что я теперь ключ не оставляю, хотя это и опасно из-за пожара. Никто в квартире, кроме Соколовых, не живет, а они между собой все время ссорятся, квартиру не запирают. Если бы было время, я продала бы все вещи, а то, все равно, бросить придется. Все это мне не жалко, кроме кровати и швейных машин бабушки. Я их продавать не буду, а поставлю к тете Лизе, хотя у них так забита квартира, что совершенно нет места, да и сами они останутся ли живы, вот вопрос. Пишите о себе. Мама, Наташа».

(3) «15.VI.42. ...Все же я думаю, что мы не увидимся еще очень долго. Милочка уже будет барышня и совсем от меня отвыкнет. Правда, Милочка? Послать ли тебе денег? Если нужно, я пошлю немного. Электричества еще нет, и хотя пошли некоторые трамваи, воды и канализации нет. Открылись бани, а то почти год не мылись. Я недавно была в бане. Вода шла только горячая. Бегали на улицу, голые, за грязным снегом, чтобы остудить ее. Мылись вместе с мужчинами, – те, глядя на нас, плевались – так мы красивы.

В общем, жизнь налаживается, лишь бы только скорее война кончилась. Выходных дней не бывает, отпустят иногда на один-два часа; бегом добегу до тети Лизы, и то только постирать немного своего и их белья – всю зиму не стирали, белье заношенное, да еще от больных».

(4) «18.VI.42. ...Я пока решила не ехать до осени, а там видно будет. Зиму, конечно, не пережить здесь, но надеюсь, что там война кончится и вы приедете, а если нет, я уеду обязательно. Ехать одной тоже рискованно. На руки я получаю 250 рублей в месяц и из них 200 отдаю теткам, а остальные идут за квартиру».

(5) От Милочки: «27.VI.42. Дорогая мамочка! Вот уже прошло два месяца, как мы не получаем от тебя писем. Почему же ты не отвечаешь на наши письма? Папа ездил в командировку, в Ташкент, и привез с собой Еву с Маришей и Ирой. Мариша сразу же после приезда заболела scarlatinой, но в очень легкой форме – у нее даже все время была нормальная температура. Она лежит в больнице, 8 км отсюда, и мы ездим к ней на пароходе через день. Сейчас у нас стало очень тесно – в одной комнате (метров 15) живет четыре человека, а остальные в другой. В третьей комнате живет инженер, к которому на днях приезжает семья из Ленинграда. Так что с квартирой сейчас неважно. С питанием стало лучше, во-первых, с наступлением лета, а во вторых, они кое-что привезли из Ташкента. Я в колхоз не поехала, а поступила работать на парниковое хозяйство завода, на котором работает папа. Работа, хотя и тяжелая, но полезная, так как весь день на воздухе. Делаем все, что делают на огороде: копаем, садим, полем, поливаем и т.д. Работаем шесть часов – с 6 утра до 12 дня, а весь день свободный. Работа мне нравится, никуда ездить не надо, получаю рабочую карточку и обедаю в хорошей столовой. На парниках скоро будет много овощей, вот уж тогда нам будет хорошо. Сегодня набрала для Мариши немного земляники. Свой огород у нас большой и всего посажено, но, наверное, кроме картошки и редьки ничего не вырастет из-за плохой,

холодной погоды. Нам очень хочется в Ленинград. Привет тете Лизочке и тете Милочке. Целую тебя крепко, крепко. Мила».

(6) Милочке: «12.VII.1942 г. ...Твое письмо от 27.VI получила 10.VII – сравнительно скоро. Жаль Мариночку, бедняжку, пиши скорее, как идет ее выздоровление. У меня 25 июня украли продовольственные карточки, облигации и союзную книжку. Усилилась цинга: все небо в малиновых пузырях, из которых идет кровь; шея, щеки, глаза, уши, руки распухли и в волдырях. Купила десять пилюль витамина С (по 10 рублей) – стало лучше. Завариваем сосновую хвою. Работа сейчас не тяжелая, кормить стали хорошо. Две недели я была на усиленном питании, а через два дня снова попаду недели на две-три, а сейчас я на котловом 1 категории, то есть почти на усиленном. Через Райсовет принимают посылки для детей, эвакуированных со школой. Напишите, с какой школой эвакуировалась Марина, и я вышлю посылку на 16 кгр.

Все уезжают, и я бы уехала, но не знаю, куда... Дорогая Милочка, о Ленинграде и не вспоминай, так как я здесь жить не собираюсь, и с твоей стороны эгоистично писать, что тебе хочется в Ленинград. Пиши деду».

(7) Милочке: «20.VII.42 г. ...Вчера собрала посылку для Мариночки. Пошлю на адрес детского учреждения, которое находится рядом с вами, но вы предупредите директора. Посылка весит больше 16 кгр., а я несла ее с Колокольной ул. на Театральную площадь пешком. 50 предметов, кроме безделушек. Напишите, как ребята поделят безделушки?»

(8) От Милочки: «12.VII.42 г. ...Марина еще в больнице. Выйдет только 24 июля. Работать на парниках уже не трудно – все посадили. Продукты здесь можно купить только на хлеб. Пospели ягоды и грибы, но в лесу народа так много, как в парке. С 1 октября буду учиться в 9-м классе».

(9) От Лидии Васильевны: «12.VIII.1942 г. ...Уже копаем картошку – дождалась. Не мало посажено, растет хорошая. Все ходят, кроме Миши, после работы за грибами. Он очень много работает. С 5 часов ходит косить, а потом, с 9 до 9 вечера – на службе. Жить не легко. Ничего не продают. У Марины двое туфель – малы, а купить хоть какую-нибудь обувку – нет совсем. Мила растолстела, загорела и выглядит здоровой, а я себя чувствую неважно, устаю с такой оравой...»

(10) Милочке: «20.VIII.42 г. ...Я теперь хожу на рацион в столовую прокуратуры, угол Белинского и Литейного. Пока жду там в очереди, день проходит. У теток не бываю. Тетя Лиза служит, а тетя Милочка сидит весь день одна, с вечным поносом, и встать сама не может, разбивалась несколько раз, пытаюсь ходить, нервничает ужасно, так как тетя Лиза постоянно задерживается. Ест она неплохо, только без горячего весь день до вечера. С удовольствием ест только картошку, которая стоит 35 рублей 100 гр. или 100 гр. хлеба. Тетя Лиза так распределяет свой день, что обедает только в 10 час. вечера, так и меня кормила, а теперь я без них очень поправилась, все-таки три раза в день горячее. Вот, например, сегодня:

Завтрак – соевая котлетка – 40 гр.; пшенная каша – 100 гр.; масла – 5 гр., стакан чая (без сахара).

Обед – суп с крупой, чечевичная каша – 100 гр.

Ужин – соевая котлетка – 80 гр.; не роскошно, но теперь я не такая голодная, как была, но денег уходит много, обед стоит 6 рублей, весь день обходится рублем 15. Изредка покупаю на рынке и ем сырую свекольную ботву – 20-30 рублей пучок.

Из библиотеки уходить совершенно не разрешают, кроме театра и дворца пионеров. В театре имени Пушкина идет оперетта, которую я не люблю, а в кино хожу часто и видела: «Сорочинская ярмарка», «Музыкальная история», «Песнь любви», «Морской ястреб», «Александр Пархоменко», «Машенька» и много еще; больше идут старые картины, а сейчас пойду смотреть «Суворов».

На ул. Блохина бываю редко. Страшно подумать, как пережить зиму, а ехать абсолютно некуда. Папа живет очень трудно, так как оба без работы... Милочка, твой лыжный костюм не снимаю, так как весь день работаю на улице... В отделе сейчас совсем не работаю, только на физической работе: носим книги и шкафы на четвертый этаж. Вышила красивую скатерть, а теперь буду вышивать блузки и тебе, и себе.

Пиши о себе подробнее: устаешь ли? С кем дружишь? Какая обстановка дома и на работе? Я теперь хорошо выгляжу, так как нет забот, у теток было очень тяжело. Ноги еще плохо ходят, из-за работы на окопах осенью усилился ревматизм, да еще цинга. Лето холодное, все время дожди, погреться не пришлось, и снова надвигается зима.

Милочка, твоя первая учительница, Екатерина Антоновна, сгорела во время пожара их дома. Все знакомые эвакуировались. Посылаю тебе поэму О. Берггольц «Февральский дневник». Ее муж*, наш сотрудник, тоже умер».

(11) От Милочки: «11.IX.42 г. ...Сначала я на работе уставала, а теперь совсем не устаю, работа легкая: сбор овощей. Объедалась помидорами. Огурцы, брюква и другие овощи надоели. Но, к сожалению, домой уносить овощи нельзя. Со своего огорода сняли 11 мешков картошки, редьку, но на зиму все же не хватит, нужно покупать, так как семья слишком большая. Ждем не дождемся, когда мать Евы уедет обратно в Ташкент, куда она хотела увезти Соломона, но он так болен, что везти его нельзя (туберкулез). Дома очень тесно. В маленькой комнате четыре кровати, в другой три.

Я часто хожу в клуб, где бывают концерты артистов Ленинградских театров. Я видела «Сильву», которая мне понравилась, я ведь ни разу не видела оперетты. Бываю часто в кино. Папа был у дедушки в Москве. Дедушка работает в мастерской, прислал мне свою работу – силуэт: девочка держит за ленточку гуся – окантовано под стекло. За лето прочла много интересных книг: Сенкевича «Камо грядеши?», «Огнем и мечом» и «Семья Полонезских». Все они мне очень нравятся. ...Спасибо за хорошие посылки. В октябре, наверное, начнем учиться».

(12) «27.XI.42 г. Дорогие Лидия Васильевна, Милочка, Мариночка! Мысли не допускаю, что вы меня забыли, но писем я совершенно от вас не получаю, наверное, прошло два месяца, как ничего о вас не знаю, и начинаю сильно беспокоиться. Если вы меня забыли, напоминаю о себе и посылаю свою фотокарточку, которая вышла очень удачно, очень похожа и естественна, все говорят, что выражение живое. Вот можно судить и сравнить с первой карточкой: тогда я снималась в начале войны, а теперь 13 сентября, больше чем через год. Ждем с нетерпением конца войны, разгрома гитлеровских мерзавцев. Все очень устали, тем более мы – ленинградцы. Я болела целую

* Николай Молчанов, муж поэтессы Ольги Берггольц.

неделю поносом, очень ослабела, теперь ничего, температура 35,3 – бюллетеня не получала. Говорят, что скоро и в Ленинград можно будет посылать посылки. Получили ли вы от меня вторую посылку с моим пальто для Милуши? Я przygotowляю третью, тоже на детсад. Пошлю кастрюлю. Нужно послать вам ватное одеяло? По-моему, оно бы вам очень пригодилось».

Лето 1942 года прошло на казарменном положении. Я много работала, потому не ходила к теткам. Им много помогал Юра, и я была уже не так нужна. За зиму многие знакомые погибли, а оставшиеся весной эвакуировались. Случайно я узнала о судьбе родных Жоржа: его мать и сестра Маруся с ребенком умерли от голода. Осталась только его дочка, Аллочка – ребенок 10-12 лет; ее мать, Лида, умерла еще до войны, сам Жорж работал где-то на Востоке. Соседи отправили Аллочку к нему, но ни от нее, ни от него никаких сведений не было (впоследствии они оба нашлись). В нашем отделе умерли А.Т. Акчурина и А. Кемпи, работавшая в финском фонде.

У сотрудников библиотеки был коллективный огород около Петропавловской крепости, но работала я там мало, так как видела бесплодность усилий, да и других дел было много, а силы не те.

Питалась я по-прежнему в ресторане, но порции были такие маленькие, а мы были уже так истощены, что только и думали о еде. Утром давали жидкой каши 55 гр., поэтому ее мазали на хлеб, как варенье; ежедневно – щи и соя, вернее, отжимки от сои; может быть, это и полезно, но очень мало: порции 80, 60, 55, 45 граммов, а я бы с удовольствием съела и полкило.

В августе 1942 г. дом на ул. Блохина после очередного артобстрела был признан негодным для жилья. Он еще до войны был домом угрозы, так что ему мало надо было, чтобы совсем скособочиться. Немногие оставшиеся жильцы получили ордера на площадь в том же районе, а я непременно хотела перебраться в Куйбышевский район, поближе к библиотеке. Комнату пришлось искать самой, что было очень трудно, да и времени не было – я то работала на дровах, то на вышке (когда тревога), совсем замоталась, выходных дней не было. Боялась, что на старой квартире могут пропасть все вещи, так как раньше следила соседка, а теперь – пустой дом, покосившийся, с выбитыми окнами – приезжай и забирай, – никто ничего не скажет.

В годы войны в Ленинграде многие вели дневники, вероятно, боясь умереть не оставив о себе следа. Я тоже не отставала, но, к сожалению, писала от случая к случаю, не регулярно. Вот отрывок из записей, сделанных в ноябре 1942 года.

«19.XI.1942. Спать хочется, даже шатает. Сейчас два часа ночи, а надо сделать еще один обход библиотеки. Зато завтра – выходной день. Смотрела «Волки и овцы» – утомительно и длинно. Никритина играла прелестно, но посмотрела – и только. А «Кремлевские куранты»* всколыхнули очень сильно: у инженера Забелина тяжелый характер, гнетущий и себя и семью, но его можно понять и искренне ему сочувствовать. Я даже видела в нем самую себя. Как тяжело было впервые поступать на работу, оторвавшись от нее после института и не имея никакой специальности, с чертовским

* «Волки и овцы» – комедия А.Н. Островского. Анна Никритина – актриса Ленинградского Большого драматического театра, жена прозаика А. Мариенгофа. «Кремлевские куранты» – пьеса Н. Погодина.

самолюбием и неверием в свои способности, – а вдруг не справлюсь, каждая машинистка умнее тебя, а грубость и служебная обстановка так пугали, что надо было прилагать безумное усилие, чтобы куда-нибудь устроиться (да еще при существовавшей тогда безработице)!

Отправила отцу посылку с ботинками и теплыми вещами, очень волновалась, что Слюсаренко (сослуживица, ехавшая в Москву) откажется взять ее. Посылку пришлось доставить на вокзал к поезду. Шел мягкий липкий снег, засыпавший документы, которые очень тщательно просматривались перед вагоном при тусклом свете фонаря. Искры снопом сыпались с паровоза, слышались звуки поцелуев. Неужели когда-нибудь можно будет сесть в поезд и поехать, куда захочешь? Как бы я хотела съездить в Москву повидаться с отцом. Придется ли увидеться? Он так слаб! Мне нравится Москва – там всегда радостно, другие люди, милый город, метро. А здесь непрерывно слышатся звуки стрельбы и весь день идет сильнейший обстрел. Решила никуда не ходить, нельзя все время искушать судьбу».

С друзьями-фронтовиками мы тоже переписывались – Михаил Васильевич, Лев Николаевич и Гусейн писали часто, но письма были очень однообразны – вопросы о нашей ленинградской жизни и очень мало о себе. Для примера – несколько писем Льва Николаевича, бывшего где-то на Севере.

(1) «28.VI.1942 г. Натик родной! Я очень благодарен тебе за участие к моей матери. Она тебя очень любит. Она писала, что ближе тебя у нее нет человека. Как хорошо, и как, к сожалению, мало людей таких, как ты!

Что вы испытали, я, конечно, знаю. Как я живу: ты сама знаешь, что такое фронт. Я сейчас на самых передовых. Рад за тебя, что ты поправляешься теперь, и рад за твоё семейство, что оно в целости и как будто устроено прилично. ... С каким удовольствием расцеловал тебя сейчас. Вспоминаю тебя, и кажется мне, что ты – такая маленькая – гораздо сильнее меня. Не физически, конечно. Ты одна из героинь нашего славного города! Знаю, ты сейчас помогаешь теткам и еще, наверное, кому-нибудь. Молодец ты! Я совершенно искренне восхищаюсь тобой и еще раз благодарю за мою мать! Ты понимаешь, что кроме тебя у нее и в дальнейшем никого не будет.

Был в командировке на несколько дней от места, где нахожусь постоянно. Сегодня только вернулся, сделав пешком 120 км. Шел почти без отдыха трое суток, хотя шел с большим трудом, так как месяцев семь тому назад простудил левую ногу и хожу еле-еле.

Последнее время мне фатально не везло, ни в чем. Проклятый Гитлер, сколько горя он принес – ужас! Ты не представляешь, какой праздник получить здесь весточку, а я если буду жив, тотчас отвечу тебе. У меня накопилась масса денег, если тебе они нужны, сейчас же напиши, моментально вышлю. Ни в коем случае не стесняйся, очень тебя прошу. Если будешь стесняться, сочту за личное оскорбление. Целую. Л.».

(2) «28.VII.42 г. ...Каким-то чудом пока жив. Здоровье сильно сдало. Несколько раз делал снайперские вылазки – имею на счету четыре белофинна. Несмотря на зверски тяжелые условия – воля к победе так же тверда. Если останусь жив, надеюсь лично расцеловать тебя, моего хорошего, старого любимого друга. Письмо от тебя – празд-

ник для меня! Крепко подумай, что и тебе надо эвакуироваться, куда уехала мама. Твой Л.».

О Тане и ее делах я узнавала из писем отца – сама она не писала.

(1) «24.VIII.1942 г. Получил перевод 200 рублей – прошу мне не посылать. Я не прочь пожить на чужой счет, но твои деньги в следующий раз верну обратно. ...Я особенно беспокоюсь за тебя, храбрости у тебя больше, чем надо, и без того опасностей угрожает вам много. Вчера новая неожиданность. Когда я пришел с работы домой, то мне сказали, что был два раза Селуянов*. Ему сказали, что мы придем в 7 часов, но он больше не заходил. Разошлись мы минут на 20. Может быть, он был в Ленинграде?»

(2) «...Миша [Селуянов] был у нас 25.VIII. – он в командировке в Москве. Посидел часа два. Я боялся допрашивать его с пристрастием, так как знаю, уверен, что и у тебя рыльце в пушку. <...>

Миша сказал, что Милка очень растолстела..., дал ее карточку, на которой у нее вышло надутое лицо, очень стала похожа на Лидию Васильевну. Маришка по лицу и характеру вся в тебя (по словам Миши), и, видимо, это надо понять, что она легкомысленна, болтлива и т.д. Ребята дали наказ привезти им учебники, но ни в магазинах, ни у меня нет. Послал я им туши, карандашей, резинок, да Женя дала ленточек, вот и все.

Я сейчас служу в художественных мастерских, но занимаемся мы изготовлением клеенки и т.п. Я работаю по малярной части, получаю рабочую карточку, физически тяжеловато, но морально спокойно. Зимой очень голодал, сейчас сыт. Жаль, что ты в свое время не перебралась в Москву. Я понимаю это как нежелание быть на глазах у отца, а теперь тебе было бы легче, а сейчас уже приехать в Москву нельзя. Я слышал, что из Ленинграда в Москву пускают – узнай сама. Можно выехать к Тане. Остаться в Ленинграде страшно, а куда ты уедешь без денег, без вещей, без места. Жаль оставлять бедных теток. Вероятно, они состарились за это время?»

(3) «2.IX.1942 г. Я думаю, что, конечно, тебе надо уезжать, теткам ты не подмога, а тебе надо убирать ноги, но, конечно, ты там советуйся, ищи случая, поступи туда, где собираются уезжать.

На днях, после тяжелого приступа, доктор определил сердечную астму, на почве ослабления организма... Мне давно умирать пора, и в сущности жизни, да еще такой, мне не жаль, но жаль оставлять Евгению Николаевну в такое тяжелое время одну.

Таня переезжает ближе к Горькому. Пригласить тебя она не может. Саша съедает родителей, а они перебиваются с хлеба на квас».

(4) «4.X.42 г. Володя приехал сегодня в Москву в командировку, привез немного дровишек и картофеля. Оркестр расформируют, куда попадает – неизвестно. Я хожу, лязгаю зубами: утром съедаю с кофе два куска хлеба (маленьких), на работе – четыре кусочка, и хочу есть. В 7 часов обедаю не досыта, а вечером пью чай. Боюсь, что и в Москве тебе придется плохо, ликвидировать нечего, запасов не будет, мы боимся и не знаем, как доживем до весны».

* Бывший муж Н. Селуяновой.

(5) «5.XII.42 г. Володя переведен в Андижан. Таня пока в Москве, ей очень трудно, так как запасов нет... живет на 130 рублей в месяц, все скармливает ребенку, сама на картошке. Поставила железную печку, которая так дымит, что топить нельзя, дров – кот заплакал, не на чем сварить ребенку пищу. Нам тоже топить нечем. Хожу к ней по воскресеньям днем, что надо поделать, да и чтобы ей не быть все время одной».

Заканчиваю 1942 год поздравительным письмом Милочки:

«18.XII.1942 г. Дорогая мамочка! Поздравляю тебя с Новым Годом и желаю его провести весело, конечно, за хорошим столом – с тортами, пирогами, ветчинами и т.д., в кругу всех родных и знакомых, в том числе и нас с бабушкой. Надеемся, что 1943-й год не будет таким тяжелым, как этот, во всех отношениях... Живем мы все так же, без изменений, я уже писала, что вступила в комсомол, было массовое вступление всего класса.

Семейные отношения все обостряются, мы с бабушкой все сталкиваемся с Софьей, а из-за этого с Евой, а она с папой и с нами, разговаривает только о самом необходимом. В общем, мечтаем, как бы уехала Софья в Ташкент. Сейчас у нас плохо с хлебом, так как я потеряла, даже сама не представляю как, одну карточку на декаду, но она уже скоро кончится. Завтра бабушка поедет молоть на муку рожь, которую она летом заработала. Голодные пока не сидим, варим обед каждый день. Посылку все еще не получили, завтра я поеду в город, узнаю, не приходила ли она туда. Я часто хожу в кино. Но кроме кино здесь бывают и хорошие концерты хореографического училища, которое приехало сюда из Ленинграда и учится в нашей школе.

В выходной ездила в театр, опять на «Евгения Онегина», здесь уже третий раз, и помню наизусть почти все арии. Сегодня получила письмо из Ленинграда от Инны (Милочкина соученица по школе. – Н.С.), она уезжать никуда не собирается. Остальные наши девочки поразъехались. Галю Алексееву убило снарядом. Мария Алексеевна (учительница. – Н.С.) эвакуировалась в Ярославскую область и оттуда прислала мне письмо. Больше ни о ком ничего не знаю. Мамочка! Пиши нам чаще о себе. Как живешь, бываешь ли у тети Лизы с тетей Милочкой? Я очень жалею, что приходится переезжать с Петроградской, там уже привыкли. Но еще неизвестно, когда придется мне жить в Ленинграде, очень надоело жить в провинции. Сейчас я читаю «Анну Каренину» Толстого, очень интересная книга, если бы в Ленинграде, обязательно посмотрела бы в театре, а здесь нет его.

У нас уже настоящая уральская зима, холодно в ботинках, жду пальто, но боюсь, чтобы оно не пришло к весне. У бабушки тоже не было зимнего пальто, сейчас она подшила под летнее шубу из деревни, а папе дали на заводе очень хороший белый меховой полушубочек, надеюсь, что и у меня скоро будет пальто. У нас будет елка, делаем игрушки. Привет от бабушки, Пиши. Целую тебя крепко, крепко. Мила»...

Евангельские истории в произведениях средневековых арабо-мусульманских историков

*Из Китāб ат-Та'рих («Книги истории») ал-Йа'қуби. Перевод и комментарии
Камола ШАНИЯЗОВА**

Иал-Масиḫ (Мессия), когда исполнилось ему тридцать лет {Лук. 3, 23}, вошел в субботу в Храм, и встал как обычно для чтения, и ему дали Книгу пророка Аша'йа (Исайя), он раскрыл Книгу и нашел там написанное {Лук. 4, 16-17}: «Дух Господень на Мне, для этого он избрал Меня, и помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня ((75)) исцелять сломленных сердцем и благовествовать плененным избавление и слепым прозрение, чтобы я утешил сломленного, и благовествовал порочным милость и прощение, и проповедовал закон, приемлемый Господу» {Лук. 4, 18}. И он свернул Писание и передал его служителю, и [затем] отошел и сел {Лук. 4, 20}, и люди дивились его поступку и сказали: «Разве не сын это Йусуфа (Иосифа)?» {Лук. 4, 22}.

Евангелие [от] Йуханна (Иоанна): Что касается Йуханны Апостола, то он говорит в начале своего Евангелия об ал-Масиḫе: «Прежде всего было Слово, и Слово это было у Бога, и Бог был Словом. Оно было прежде всего, и было с ним. И была жизнь, и жизнь – это Свет людей, и это Свет, светящий во тьме, и тьма не постигнет Его» {Ин. 1, 1-5}.

Был человек, посланный Богом, имя его Йуханна (Иоанн). Он прибыл во свидетельство, свидетельствовать о свете для направления людей [на путь истины] и [чтобы] они верили через него. И он [Иоанн] не был светом, а свет истины продолжает светить и проявляется в мире, и мир в его руках [был], и мир не познал его, к своим пришел, и свои не приняли его. Но те, кто приняли его, уверовали в него, тем дал Бог власть, чтобы они назывались сынами Бога – теми, кто верят именем Его, Который не из крови, и не рожден Он от любви плоти, и не рожден от страсти мужчины, но рожден от Бога. И Слово стало плотью и воплотилось среди нас, и мы увидели Его славу в величии, как единственного [рожденного] от Отца, исполненного благом и справедливостью {Ин. 1, 6-14}.

* Продолжение. Начало в № 2 (XXXVII), 2015. В переводе сохранена арабская транскрипция собственных имен и географических названий, которые снабжены комментариями. В круглых скобках () даны соответствия имен и топонимов в русском Синодальном переводе Библии; в двойных круглых скобках (()) – номера страниц издания: *Ал-Йа'қуби. Китāб ат-Та'рих*, I (Бейрут, 1960); в квадратных [] – смысловые вставки переводчика; в фигурных { } – соответствующие места в Евангелиях; в угловых с многоточием внутри <...> – пробелы в оригинале текста.

И Йуханна свидетельствовал о Нем, воскликнул и сказал: «Это, [как] я сказал, Тот, Кто идет после меня, но Он – впереди меня, ибо Он был прежде меня, и от полноты Его каждый раз, когда мы просили остаток благодати, Он давал взамен первую благодать {Ин. 1, 15-16}. Если Тора была ниспослана в руки Мусы (Моисея), то истина и благодать – от Исы ал-Масйха {Ин. 1, 17} <...> Слово, которое все еще в объятиях Отца Его» {Ин. 1,18}.

И это [были] слова четырех учеников, Евангелистов, в отношении ал-Масйха. Затем они рассказали [о том], что было из известий о Нем. А Он исцелял больных и прокаженных, и поднимал разбитых параличом, и отверзал глаза слепым.

И был у Него сподвижник по имени ал-‘Азар (Лазарь), [живший] в деревне, называемой Байт ‘Анийя (Вифания) {Ин. 11, 1}, ((76)) в направлении Байт-ал-Қудс (Иерусалима). И он [Лазарь] умер, и был уложен в пещере, и находился [там] четыре дня. Затем в ту деревню пришел ал-Масйх, и вышли две сестры ал-‘Азара {Ин. 11, 1}, и сказали Ему: «О Господин наш, возлюбленный Тобою ал-‘Азар скончался!». И ал-Масйх загрустил по нему {Ин. 11, 33–35}, и сказал: «Где могила его?». И они привели Его к пещере, а на ней камень. И Он сказал: «Отодвиньте камень!», а они сказали: «Он уже смердит после четырех дней!» {Ин. 11, 38-39}. И Он приблизился к пещере и сказал: «Господи, слава Тебе! Я знаю, что ты даешь все, но Я говорю ради общества, стоящего [здесь], чтоб они поверили и убедились, что именно Ты послал Меня» {Ин. 11, 42}. Затем Он сказал ал-‘Азару: «Встань!». И он встал, волоча покрывало [которое было] на нем, а руки его и ноги его были связаны, и с ними были люди из иудеев. И они уверовали в Него и подошли рассматривать ал-‘Азара и дивились ему {Ин. 11, 41-45}.

И собралась знать иудеев и их священники и сказали: «Мы боимся, что испортится вера наша и народ последует за Ним» {Мат. 26, 3; Мар. 14, 1; Ин. 11, 47-48}. И сказал им Қайафа, первосвященник {Ин. 11, 49}: «Смерть одного человека лучше, чем если весь народ уйдет [погибнет]!» {Ин. 11, 50; 18, 14}. И они сошлись на убийстве Его {Ин. 11, 53}.

И въехал ал-Масйх в Уршалим (Иерусалим) на осле, и встретили Его сподвижники Его пальмовыми ветвями {Мат. 21, 8; Мар. 11, 8; Лук. 19, 36; Ин. 12, 12, 13}.

И был Йахуза бин Шим‘ан (Иуда Симонов) одним из сподвижников ал-Масйха. И сказал ал-Масйх сподвижникам Своим: «Вот один из вас, из тех, кто ест и пьет со Мной, выдаст Меня», то есть Йахуза бин Шим‘ан {Мат. 26, 21; Мар. 14, 18; Лук. 22, 21; Ин. 13, 21}. Затем принялся завещать сподвижникам Своим и говорить им: «Вот пришел час, в который Сын Человеческий перейдет к Отцу, и Я иду туда, куда вы не можете пойти со Мной {Ин. 7, 34; 8, 21; 13, 33, 36}. И запомните Мой завет. Придет к вам ал-Фарақлит (Параклет) {Ин. 14, 16}, и он будет с вами пророком. И если придет ал-Фарақлит, то он тот, кто свидетельствует обо Мне {Ин. 14, 26; 15, 26}. И Я воистину сказал вам это, чтобы вы вспомнили его, когда придет его время. И Я уже призвал его для вас. А что касается Меня, то Я ухожу к тому, кто послал Меня, и если не придет дух истины, направляющий вас ко всей истине, и пророчествующий вам дела отдаленные, и прославляющий Меня, то еще немного, и вы не увидите Меня» {Ин. 14, 16-19}.

Затем ал-Масй̄х поднял глаза к небу и сказал: «Пришел час! Я прославил Тебя на земле {Ин. 12, 23; 17, 1, 4}, и дело, которое Ты приказал мне совершить, Я завершил». Затем он сказал: «Боже, если ((77)) неизбежно Мне испить из этой чаши, то облегчи ее для Меня, но пусть будет не как Я хочу, но как Ты хочешь, Господи!» {Мат. 26, 39; Мар. 14, 35, 36; Лук. 22, 42}.

И ал-Масй̄х вместе со Своими учениками пришел в место, где собирались Он и его последователи, и Йах̄уз̄а (Иуда), один из апостолов, знал это место. И когда заметил, что стража ищет Его, повел их и тех, кто был с ними из посланцев священников, пока не остановился с ними на [том] месте {Мат. 26, 47; Мар. 14, 43; Лук. 22, 47; Ин. 18, 3}. И вышел к ним ал-Масй̄х и сказал им: «Кого ищете?». Они сказали: «Ису ал-Н̄асирй̄ (Иисуса Назарей!)». И сказал им Иса: «Это Я». И они отступили, затем вернулись {Ин. 18, 4-6}, и сказал им ал-Масй̄х: «Я – Иса, и если вы ищете Меня, то отправляйтесь со Мной, дабы исполнилось слово» {Ин. 18, 9}.

И у Шим'ан ал-Сафа̄ (Симона Петра) был меч, и он обнажил его, затем ударил раба первосвященника и отсек ему правую руку {Ин. 18, 10; Мат. 26, 51}. И сказал ал-Масй̄х: «О, Шим'ан! Верни меч свой в ножны, ибо Я не откажусь испить из чаши, которую дал Мне Господь Мой». И стража схватила ал-Масй̄ха и связала Его {Ин. 18, 11, 12}. И привели Его к Қай̄афе, первосвященнику иудеев, который [ранее] указал убить Его {Мат. 26, 57; Мар. 14, 53; Лук. 22, 54; Ин. 18, 13, 14}.

А Шим'ан ал-Сафа̄ (Симон Петр) шел за ним, и вошел вместе с помощниками, и сказали ему: «Ты из учеников этого ал-Н̄асирй̄ (Назарей)?». Он сказал «Нет!» {Мат. 26, 69, 70; Мар. 14, 67, 68; Лук. 22, 56; Ин. 18, 17}.

И когда ввели ал-Масй̄ха к первосвященнику, тот начал говорить Ему, и ал-Масй̄х отвечал ему тем, что он не понимал, и некоторые из стражников ударили Его по щекам Его, затем вывели ал-Масй̄ха от Қай̄афы в фарт̄урй̄н (преторию). И он сказал Ему: «Ты Царь иудеев?», и сказал ему ал-Масй̄х: «От себя ли говоришь это или другие сообщили обо Мне?» {Мат. 27, 11; Мар. 15, 2; Лук. 23, 3; Ин. 18, 33}. И стал говорить ему, и сказал: «Царство Мое не от мира сего» {Ин. 18, 36}.

Затем стражники взяли венок из арджув̄ана и водрузили его на голову Его и начали бить Его {Мат. 27, 29; Мар. 15, 17; Ин. 19, 1}. Затем вывели Его, а на Нем был этот венок. И сказали главы священников: «Распните его!». И сказал им Фил̄ат̄ус (Пилат): «Возьмите Его и [сами] распните Его! А что касается меня, то я не нахожу в Нем вины!» И они сказали: «Он заслуживает распятия и убиения за то, что Он сказал, что Он – Сын Бога {Ин. 19, 6, 7}. Затем он [Пилат] вывел Его и сказал им: «Возьмите Его и [сами] распните Его!». И они взяли Его, и заставили Его нести древо, на котором распяли Его {Ин. 19, 16-17}.

((78)) Это [сказано] в Евангелии Й̄ух̄анны, а что касается Матты (Матфея) и Мар̄куса (Марка) и Л̄уқи, то они говорят [следующее].

Водрузили доску, на которой был распят ал-Масй̄х, на шею человека из Қарн̄ана (Киринаянина) и направились с Ним в место, называемое ал-Джамджамат (Голгофа), а по-еврейски – Имахалах. И это место, на котором Он был распят, и были распяты вместе с Ним двое других: один с этой стороны и другой с той стороны. И Филатус (Пилат) написал на доске: «Это – Ису'а ал-Н̄асирй̄ (Иисус Назарей), Царь иудеев!»

{Мат. 27, 37; Мар. 15, 26; Лук. 23, 38; Ин. 19, 19}. И сказали ему главы священников: «Напиши: “Который сказал, что Он – Царь иудеев”!». Он сказал им: «Что я написал, то написал» {Ин. 19, 22}.

Затем стражники разделили между собой одежду ал-Маси́ха, и Мать Его Марйам, и Марйам дочь Қилу́фа (Клеопова), и Марйам ал-Мадждалāнийат (Магдалина), стоя смотрели на Него, и Он говорил Матери Своей с древа {Мат. 27, 55, 56; Мар. 15, 40; Лук. 23, 49; Ин. 19, 25, 26}.

И те стражники начали брать губку и в ней уксус и подносить ее к Его носу, и Он отвращался от нее; затем предал дух Свой, и они подошли к тем двум распятым вместе с Ним и перебили им голени. И один из стражников взял копье и вонзил им в бок Его, и вышла кровь и вода {Ин. 19, 32, 34}. Затем один из учеников Его спросил у Филāтуса (Пилата) [разрешение], и спустил Его, и взял бальзам из мирры и алоэ, и укутал Его в саван из льна, и умастил Его [благовониями]. И в этом месте был сад, и в нем новая могила, и положили в нее ал-Маси́ха, и это было в пятницу {Мат. 27, 57-60; Мар. 43-46; Лук. 51-54; Ин. 19, 38-42}.

Когда наступил Йаум ал-’Ахад (первый день недели, воскресенье), согласно тому, что говорят христиане, ранним утром Марйам ал-Мадждалāнийат (Мария Магдалина) пришла к могиле [Господа], и не нашла Его. И пришла к Шим’ану ал-’Сафе (Симону Петру) и его друзьям, и сообщила им, что Он не в могиле. И они направились [туда], но не нашли Его {Лук. 24, 1-3; Ин. 20, 2-9}. И Марйам пришла к могиле во второй раз и увидела в могиле двух человек и на них белые одеяния, и они оба сказали ей: «Не плачь!» {Ин. 20, 11-13}. Затем она обернулась назад, и увидела ал-Маси́ха, и Он заговорил с ней и сказал ей: «Не приближайся ко Мне, так как Я [еще] не поднялся к Отцу Моему, но отправься к братьям Моим и скажи им, что Я поднимаюсь к Отцу Моему, Отцу вашему, к Богу Моему и Богу вашему» {Ин. 20, 14-17}.

А Он, когда наступил вечер Йаум ал-’Ахад (воскресенья), явился к ним и сказал: «Мир с вами! {Мар. 16, 14; Лук. 24, 36; Ин. 20, 19}. И как послал Меня Отец Мой, так же посылаю вас, и если вы простите грехи кого-либо, то они простятся» {Ин. 20, 21-22} И они сказали: «Тот, кто говорит с нами – это дух и призрак!» {Лук. 24, 37}. Он сказал им: «Взгляните на следы гвоздей на Моих пальцах и на Мой правый бок» {Мар. 16, 14; Лук. 24, 39; Ин. 20, 27}. Затем сказал им: «Блаженны, которые не видели Меня и уверовали в Меня» {Ин. 20, 29}.

((79)) И они принесли Ему кусок рыбы, и Он поел и сказал им: «Если вы уверовали в Меня, то совершите Мои деяния; воистину, возложите руки на больного, и он будет здоров и не постигнет его смерть». Затем вознесся от них {Мар. 16, 18, 19; Лук. 24, 51; Деян. 1, 9}. И было Ему тридцать три года.

Это [было] то, что говорят Евангелисты, а они расходятся во всех смыслах. И сказал Бог Великий и Всемогуший: «Они не убили Его и не распинали Его, но привиделось им, и те, которые расходятся [в мнении] о Нем, находятся в сомнении о Нем, нет у них о Нем знания, кроме следования предположению; воистину не убили Его, но Бог вознес Его к себе».

И когда вознесся ‘Иса ал-Маси́х, собрались апостолы в Иерусалиме на горе Таур ал-Зайтун (Масличной горе) и перешли в верхнюю комнату. И были в ней Бутрус (Петр) и Йа’қуб (Иаков), и Йуханна (Иоанн), и Андравус (Андрей), и Филибус (Фи-

липп), и Тўмā (Фома), и Барталамўс (Варфоломей), и Маттāвус (Матфей), и Йа'қуб (Иаков Алфеев) <...> {Деян. 1, 12, 13}.

И встал Шим'ан (Симон Петр) на камень и сказал: «О, собрание братьев! Надлежало исполниться Писанию, в котором предрек Святой Дух» {Деян. 1, 15,16}. И хотели поставить человека, дабы завершить им [количество апостолов] двенадцать, и выдвинули Матту (Матфея) и Барсабу (Варсаву) {Деян. 1, 23} и сказали: «Боже, покажи нам того, кого нам выбрать!». И выпал [жребий] на Матту (Матфея) {Деян. 1, 24, 26}. И настиг их сильный ветер, и наполнилась [им] комната, в которой они были, и увидели они подобное языку пламени, и заговорили на различных языках {Деян. 2, 2-4}. Затем сказали Бутрус (Петру): «Что творишь?». И сказал им Бутрус: «Встаньте и крестите каждого из вас именем ал-Масйха, и отступитесь от этого порочного племени» {Деян. 2, 38, 40}.

Бутрус и Йўханнā (Петр и Иоанн) каждый раз, когда заходили в синагогу, вспоминали деяния ал-Масйха, и описывали Его поступки, и призывали людей поклоняться Ему. И это вменили им в вину иудеи, и схватили их и заточили их, затем отпустили их {Деян. 5, 17-19}. И сказали [двенадцать Апостолов]: «Мы изберем семь человек, [которые] будут прославлять Бога и вспоминать мудрость Его и Его помазанника». И выбрали Истифануса (Стефана), и Фйлибуса (Филиппа), и Ибрухўруса (Прохора), и Нйқанўра (Никанора), и Тймўна (Тимона), и Барминā (Пармена), и Нйқулāвус ал'Антāкй (Николая Антиохийца), и назначили их, и помолились за них, и осветили их. И они начали описывать деяния ал-Масйха и призывать людей к вере своей {Деян. 2, 2-7}.

И был Бўлус (Павел) самым жестоким в отношении к ним [ученикам Иисуса] и причинившим им наибольшие страдания. И он убивал тех ((80)) из них, кого мог, и преследовал их в каждом месте {Деян. 8, 1, 3}. И вышел он, намереваясь [идти] в Дамаск, чтобы собрать [для наказания] людей [учеников Христа], находившихся там. И услышал голос, зовущий его: «О, Бўлус, почему ты гонишь Меня!». И он испугался так, что [ничего] не видел. Затем пришел к нему [ученик Христов] Ханāнийā (Анания), и он освятил его, и он [Бўлус] отошел, и прозрели его очи, и он начал стоять в церквях, и упоминать ал-Масйха, и прославлять его. И иудеи решили убить его, а он сбежал от них, и стал с учениками [Христа] проповедовать людям, и говорить так, как они говорят о нем (ал-Масйхе) {Деян. 9, 1-28}, и проявлять благочестие в миру, и сдержанность в нем так, что все апостолы сами пришли к нему и произвели его своим главой.

И он вставал и говорил, и упоминал заповеди сынов Израиля и пророков, и свидетельствовал об ал-Масйхе {Деян. 13, 17-41}. И говорил: «Отправьтесь с нами к народам, подобно тому, как Бог сказал ал-Масйху: «Я положил Тебя во свет народам, и [чтобы] Ты стал спасением во [всех] сторонах земли!» {Деян. 13, 47}. И каждый человек из них говорил о его суждении, и сказали: «Необходимо, чтобы он охранял закон и послал в каждую страну того, кто будет проповедовать эту веру, и прекратил жертвоприношения идолам, и прелюбодеяние и кровопийство» {Деян. 14, 13-18}.

Бўлус (Павел) и с ним двое мужей вышли в'Антāкийат (Антиохию) для установления веры крещения {Деян. 12, 25}. Затем вернулся Бўлус [в Иерусалим] и был схвачен

и приведен к царю римскому и встал и говорил, и свидетельствовал об ал-Маси́хе, и люди объединились (решили) убить его за то, что он порочил их веру и за свидетельство об ал-Маси́хе и почитание Его им.

(Окончание следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Евангелии от Луки (4, 16): «И пришел в Назарет ... и вошел ... в синагогу»; ал-Йа'куби описывает эти события как произошедшие в Иерусалиме.

² Ал-Йа'куби почти дословно приводит стихи 1–14 главы 1 Евангелия от Луки. Вероятно, историка вдохновило то, что Коран также неоднократно называет Иисуса Христа Словом Божьим: «Вот сказали ангелы: “О, Марйам! Вот, Бог радуется Тебя вестью о Слове от Него, имя Которого Мессия Иса, сын Марйам, славном в ближнем и последнем мире и из приближенных» (Коран, сура 3, Ал-Имран, аят 45 (перевод И.Ю. Крачковского); см. также: Коран, сура 3, Ал-Имран, аяты 39 и 171.

³ Последующее предложение, по-видимому, является продолжением описания содержания стиха 18 главы 1 Евангелия от Иоанна; однако в данном стихе отсутствует слово «Слово».

⁴ История воскрешения Лазаря заимствована ал-Йа'куби из Евангелия от Иоанна (Ин. 11, 1–45) и воспроизведена в отрыве от текста своими словами; сравнительно близко к тексту пересказаны лишь стихи 39, 41, 42, 43, 44 и 45 1-й главы.

⁵ الفارقليط (ал-Фарақлит), от греческого paraklētōs (παράκλητος), – в Евангелии от Иоанна (Ин. 14, 16) – «Утешитель». Использование ал-Фарақлит в качестве имени собственного свидетельствует о том, что источниками ал-Йа'куби были более ранние переводы Нового Завета на арабский язык или непосредственно греческие тексты. Данный факт может служить исключением в использовании им арамейских текстов Нового Завета.

⁶ Мусульманские богословы отождествляют имя ал-Фарақлит с именем пророка Мухаммеда, толкуя перевод древнегреческого слова «параклетос» на арабский в значении Ахмад или Мухаммад (см.: Абдал Маджид аз-Зиндани, «Башарат ал-Русул фи ал-Таурат ва ал-Инджил» /Свидетельства о пророках в Торе и Евангелии/. URL: www.albshara.com/showthread.php?t=6968). Стихи 16 и 26 главы 14 Евангелия от Иоанна приводятся мусульманскими богословами в качестве подтверждения айата 6 суры 61 «Ал-Саф» Корана, которая гласит: «И вот сказал Иса, сын Марйам: “О сыны Израила! Я – посланник Бога к вам, подтверждающий истинность того, что ниспослано до меня в Торе, и благовествующий о посланнике, который придет после меня, имя которому будет Ахмад”. Когда же Он пришел с ясными знаменьями, то они сказали: “Это – явное колдовство!”» (пер. И.Ю. Крачковского).

⁷ الصفا (ал-сафа) – камень, скала.

⁸ В Новом Завете (Ин. 18, 10; Мат. 26, 51.): «отсек ему правое ухо».

⁹ В Евангелии от Иоанна: «И отвели его сперва к Анне; ибо он был тесть Каиафе» (Ин. 18, 13).

¹⁰ В тексте: فرطورين (фартурин), – встречается в сирийской версии Нового Завета и в арабской транслитерации и обозначает «претория» (Мат. 27, 27; Мар. 15, 16; Ин. 18, 28, 33; Деян. 23, 25; Фил. 1, 13). В современной арабской редакции Нового Завета слово «претория» передано как: دار الولاية, что дословно означает «дворец [наместника] провинции». В английской версии (KJV): «hall of judgment» – зал судилища.

¹¹ Можно было предположить, что подлежащее «он» относится к слову «фартурин» (претория), однако, согласно евангелистам, содержание его относится к высказыванию Пилата (Мат. 27, 11; Мар. 15, 2; Лук. 23, 3; Ин. 18, 33.); последующее повествование и упоминание имени Пилата в тексте ал-Йа'куби исключает возможность использования слова «фартурин» как ошибочно воспроизведенного им в качестве имени собственного.

¹² أرجوان – пурпур, бот. церцис, или иудино дерево, багряник. В арабской редакции Нового Завета (Ин. 19, 2) это слово применяется в значении пурпурный как определение цвета одежды, а венюк описывается как сплетенный из колючки: صَفَرَ الْعَسْكَرُ إِكْبِيَالًا مِنْ شَوْكٍ وَوَضَعُوهُ عَلَى رَأْسِهِ، وَالْتَبَسُوهُ تَوْبَ أَنْجْوَانَ، («И воины сплели венец из колючки, и возложили Ему на голову, и одели его в пурпурную одежду»). Вероятно, здесь ал-Йа'куби допускает неточность перевода, восприняв слово أرجوان как название растения, а не как цвет одежды.

¹³ Букв. с арабского: череп, лобное место; в Евангелиях – Голгофа (Мат. 27, 33; Мар. 15,22; Лук. 23, 33; Ин. 19, 17).

¹⁴ Коран, сура 4 «Ал-Ниса», 157.

¹⁵ Ал-Йа'куби в своем произведении использует два варианта написания этого имени: «Филифус» и «Филибус»; данный факт может указывать на использование им разноязычных источников или на его собственную неточность в транслитерации имен.

¹⁶ Здесь ал-Йа'куби использует транслитерацию на арабский язык имени Матфей с греческого.

¹⁷ Можно предположить, что в пробеле пропущены имена Симона Зилота и Иуды, брата Иакова (Деян. 1, 13).

¹⁸ В Деяниях не говорится, что апостол Павел был признан апостолами своим главой. (Прим. ВС.)

Отложенное покаяние

Более двух тысячелетий толкователи Священного Писания применяют массу экзегетических приемов, чтобы выявить новые смыслы и подсмыслы, намеки и аллюзии, которые Спаситель адресовал каждому из нас, христиан.

Действительно, слово Благой Вести Господней имеет универсальный характер. Евангелие вневременно – оно адресовано человеку любой исторической эпохи. Вневременность присуща евангельским заповедям, и в первую очередь – заповеди о любви. Вне времени стоит и житейская мудрость, которая очень просто и вместе с тем достаточно подробно описывает всю суть человека, с его страстями и высшими стремлениями. Не зависит от времени и наполненность Священного Писания благодатью, которую человек должен правильно принять и усвоить – ведь для одного Писание может стать мертвящей буквой, а для другого – источником вечной жизни.

Вместе с этим Евангелие имело и конкретный исторический смысл, делавший проповеди Христовы доступными Его непосредственным слушателям и современникам. Но проходит время, меняются культурные ориентиры человечества. То, что некогда для христиан только зародившейся Церкви было открытием, для нас уже является избитой истиной, о которой даже скучно говорить. С другой стороны, с развитием технологий человечеству становятся непонятными реалии прошлых времен. Например, особенности ручной обработки земли. Также законы патриархального общества с его наследственным правом совершенно не актуальны для эпохи, когда ценится каждая конкретная личность и едва удерживается связь между ближайшими поколениями. Исторический смысл ускользает от последующих поколений толкователей Писания, что может сильно влиять на восприятие изначального смысла. Особенно тех притч, которые Господь рассказывал в присутствии своих учеников.

«У некоторого человека было два сына...»

Возьмем самую популярную в среде христиан притчу, ставшую в некоторой степени «культурным кодом» для христианства – притчу о блудном сыне.

Так, говорю вам, бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся.

Еще сказал: у некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую [мне] часть имения. И [отец] разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему.

Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться.

Старший же сын его был на поле; и возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: что это такое? Он сказал ему: брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым. Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка.

Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся (Лк. 15, 10-32).

В этой притче толкование и одновременно главный вывод заложены в виде предисловия о радости Ангелов Божиих даже об одном раскаявшемся грешнике; притча же служит только иллюстрацией к этому утверждению. Историю, рассказанную Спасителем, пожалуй, можно назвать универсальной для всех эпох и народов. Человек, ушедший от нормальной жизни в разгул страстей, как правило, быстро издерживается и в средствах и в здоровье. Здесь даже указано, что блудный сын был младшим – и, скорее всего, более избалованным родительским вниманием, чем старший. И если он возвращается после «блужданий» с раскаянием, то родные, как правило, принимают его. Все вроде понятно и ясно, и конец оказался счастливым для всех.

Но не все так просто...

О чем умолчало Писание?

Священное Писание говорит о многом, но еще о большем умалчивает. *Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не*

вместить бы написанных книг. Аминь (Ин. 21, 25). И это молчание может быть не просто говорящим, но и буквально кричащим. Молчит Евангелие чаще о том, что является самоочевидным, без дополнительных напоминаний понятным для слушающих и читающих. Здесь важен тот самый ближайший исторический смысл, вернее культурные особенности, современные эпохе зарождения Церкви Христовой. В своих притчах Господь чаще оставляет «за скобками» мелкие бытовые подробности, акцентируя внимание на главном.

О чем же столь многозначительно молчит притча о блудном сыне?

Вернемся к особенностям патриархального периода жизни иудеев. Для этого времени решающее значение имел вопрос о наследстве. Как в древности, так и сейчас каждый человек нуждается в изначальном капитале, который дает возможность реализовать свои жизненные планы. Сегодня отсутствие стартовых средств не столь трагично: можно поднапрячься и заработать их. В древности с этим было сложнее. Если не было законно унаследованного имущества, то и в качестве наемных работников скопить необходимые средства было крайне проблематично. Такие люди могли до конца жизни оставаться в положении поденщиков, зарабатывавших себе только на еду. Поэтому, например, и незаконное происхождение считалось для человека приговором: ведь унаследовать он ничего не мог. Для слушателей притчи это было более чем понятным и не вызывало никаких лишних вопросов.

Как же это касается притчи о блудном сыне?

В этой притче главный мотив – покаяние и радость за раскаявшегося. Но мелкие детали все-таки не остаются без внимания и звучат намеками, понятными для современников Христа, но маловразумительными для нас.

Младший сын, который промотал все причитавшееся ему наследство, остался ни с чем. Все положенное по праву о наследстве он уже получил и теперь на что-либо он претендовать не может вообще. Хозяйство поделено. Старший сын, согласно заповеди о заботе о родителях, ведет с ними одно хозяйство, поскольку делить теперь его не с кем. Когда родители уйдут из жизни, он останется единоличным хозяином над всем имуществом. Появление младшего сына в этой картине существенно не меняет ничего. Вот та самая деталь! Отец в ответ на возмущение старшего сына высказывает ключевую мысль: *все мое – твое*. Теперь блудный сын только домочадец, приживальщик, который питается от милостей родителей и брата. Проходит праздник радости о нашедшемся сыне, и настают суровые, трудовые будни. И «младшенький» теперь может быть только наемным работником у старшего брата...

Проекция в современность

Православная экзегеза этой притчи подразумевает под образом отца сыновей – Отца Небесного; под образом сыновей – добродетельных и грешных людей. Иногда образ блудного сына распространяют на иудеев, ушедших от Христа *в дальнюю сторону*, но для которых покаяние открыто (см. Рим. 11, 25-29). И здесь, с учетом умолчанного в притче, становится совершенно очевидной незавидная участь грешников, расточивших свое наследство.

Есть русская поговорка о том, что одежду нужно начинать беречь, когда она нова,

также и честь нужно беречь смолоду. Каждый из нас рождается наследником многочисленных даров Божиих, правильное пользование которыми не только позволяет закрепить их за собой, но их же и приумножить, достичь в итоге блаженства в Божием Царстве. Но, увы, не каждый стремится дары Божии использовать разумно. Под этими дарами следует подразумевать в первую очередь здоровье, таланты и способности. Еще более важная часть нашего наследства – нравственная и физическая чистота и непорочность, основой которых является сам Христос и Его заповеди. Мы можем очень быстро расточить этот «стартовый капитал» в разгуле собственных страстей. Яркая иллюстрация к этому, увы, близкая и понятная нам – «винопийцы», алкоголики. Притча говорит о блудном распутстве младшего сына, что он не только истощает денежные средства, но и наносит непоправимый ущерб здоровью и уродует душу. Полные аналогии можно найти во всех разновидностях греха, начиная от богоотступничества и убийства и заканчивая, например, «незначительной» ложью. Везде и в любом случае человек растрчивает свои возможности и дарования.

В какое-то время каждый из нас выходит из поры молодости. В притче молча подразумевается, что отец когда-то умрет. В жизни Господь, подобно отцу из притчи уходит в определенном смысле в сторону и в какой-то момент перелагает на человека полную ответственность за самого себя. Издержки «детского» возраста не могут уже служить оправданием. И к этому моменту блудные сыновья и дочери остаются перед пресловутым разбитым корытом. Молодость сожжена в загулах. Нет сил не только реализовать себя в дальнейшей жизни, но и для духовного становления их остается крайне мало. К этому моменту развивается то самое «окамененное нечувствие», когда душа через страсти настолько загубела, что попытки с наскока разбить эту каменную скорлупу могут разрушить и саму душу и жизнь человека. А чтобы чистить, снимая тонкие слои, долго и кропотливо, просто не остается времени. Да и чаще всего нет уже сил этим заниматься...

«В старости приду каяться...»

Здесь стоит призадуматься тем людям, кто живет по принципу – «погрешу в молодости, в старости приду в Церковь каяться». В режиме греха нередко человек просто не доживает до старости. А если старость и наступит...

Есть еще одна яркая иллюстрация уже из церковной действительности. Долгое время мы говорили, что «белые платочки» когда-то спасли Церковь. Речь идет о старушках дореволюционного поколения, которые не бросили православные храмы в период самых жестоких гонений. Современное поколение пожилых людей вышло уже из советских времен, когда Церковь была «не в моде». Прошло время, пришла старость, и возникли мысли о своей участи в вечности. Но молодость прошла в «строительстве светлого будущего» с сопутствующей этому безрелигиозностью и «вольной», «не скованной предрассудками» жизнью. К старости угасают не только страсти, но и силы, и живость ума, с помощью которых можно было бы познать суть христианства, глубины нравственных заповедей, найти для себя Христа. На излете жизни многие бывшие атеисты приходят в храм. Одни, придя в церковь и не имея сил понять и принять, просто уходят из храмов. Другие (чаще всего пожилые

женщины) пытаются приспособиться – не имея веры, стараются реализовать себя в Церкви, перетасовывая свечи в подсвечниках, или же с чувством праведного гнева накидываются на людей, чья одежда не соответствует их собственным представлениям о «христианской моде». Крайне тяжело с таким типом «верующих» общаться на исповеди. То, что кажется элементарным для любого христианина, у таких людей не умещается в сознании. Особенно такие понятия, как любовь к Богу и ближнему, смирение, прощение врагов, воздержание от страстей...

Конечно, здесь речь идет не обо всех пожилых людях, не о каждом старике, пришедшем в храм. Кто-то и в советское время свято хранил веру и сберег свое наследие перед Богом. У кого-то нравственная чистота, сохраненная с молодости, нашла свою основу в более позднее время во Христе. Речь идет лишь о заметных тенденциях в наших храмах. Сегодня хранителями веры оказывается уже не старшее поколение, как это было раньше, а люди в основном среднего возраста, которые открыли для себя Христа в молодости.

И все же – пути Господни неисповедимы. Неисповедима для окружающих и степень покаяния человека. Покаяние еще дает возможность хотя бы частично восстановить свое наследие, пользуясь добротой Небесного Отца и ближних. Хуже, если бы человек вовсе не покался, пусть даже в конце жизненного пути. Но покаяние покаянию рознь. Было раскаяние Иуды-предателя, после чего он повесился. Но и было покаяние ярого гонителя христиан, будущего первоверховного апостола Павла, заложившего основы христианства среди множества народов. Покаяние способно привести ко спасению, если в том самом покаянии человек приносит его достойный плод.

И все же, не следует уповать на «старческое покаяние». Возможно, такое истолкование притчи будет воспринято теми, кто не собирается каяться и менять свой образ жизни, как «личное оскорбление». Но притчу рассказал Христос, и Он же в Своем молчании продолжил ее...

«Мое сознание закрыто для неверия...»

На вопросы ВС отвечает поэт Борис ХЕРСОНСКИЙ

– Борис, понимаю, что говорить о духовной поэзии, о духовной лирике всегда сложно. Есть риск сбиться на общие места, на ложную патетику или на не менее ложное ее снижение, «приземление»... И все же: выделяете ли вы ваши стихи на христианские темы (переложения псалмов, стихи об иконах, цикл «В Духе и Истине»^{*}...) в какой-то особый раздел в вашей поэзии? Или никакой принципиальной разницы между этими стихами и остальными здесь нет?

– Разумеется, выделяю, – для меня эти стихи имеют особое значение. Они отражают мой религиозный опыт, во всей его сложности и полноте. В них я ощущаю единение с моими предшественниками, писавшими библейские (условно назовем их так) стихи в течение веков. Все время хотелось сложить их в отдельную книгу, но так и не удалось. Сам не знаю почему. Может быть, еще успею. А пока они разбросаны по многим книгам.

– Вопрос биографический: когда у вас стали появляться первые стихи на христианские темы? Что это были за стихи? Считаете ли вы кого-то своими учителями в этом? Ориентировались ли вы на какие-то предшествующие образцы в русской лирике (например, в переложении псалмов)?

– С юности. В моем первом самиздатовском сборнике уже был цикл «Библейские стихи». Это были переложения псалмов, в то время – в силлаботонической манере. Позднее я пытался воспроизвести библейскую ритмику, не всегда удачно. А вот в последние годы опять иногда перевожу псалмы классическим русским стихом. Но это бывает редко.

– В вашем цикле «В Духе и Истине» главным действующим лицом является владыка Гурий (Петров) – собирательный образ архиерея позднесоветского времени. Как возник этот цикл?

– Цикл «В Духе и Истине» – комбинация любимой мною «биографической лирики» и размышлений на тему взаимоотношений атеистического государства и Церкви

^{*} См. рецензию на него В. Муратханова «“Новый эпос” о Духе и Истине» («Восток Свыше», 2012, № 2 (XXVI). С. 137–141).

ви. Сейчас скажу, что Церкви в те годы было тяжелее, а мне, как верующему – легче. Здесь у всех есть свои прототипы, в том числе и у главного героя... Вначале я написал стихотворение о том, как епископ Гурий едет освящать сельскую церковь, расписанную евреями-христианами, которые стали иконописцами. Это абсолютно реалистическое стихотворение, такой эпизод действительно был. С одним из тех художников – Александром Хароном – мы и поныне дружим. Кроме того, в моих руках был дневник уполномоченного по делам религий. (Ценнейший источник! Многие, что написано об уполномоченном в этом цикле, навеяно его дневниковыми записями). В этом дневнике уполномоченный подробно пишет, как уговаривал владыку Сергия Петрова* (у меня – Гурий) не подходить близко к евреям, чтобы его не сфотографировали иностранные корреспонденты... Полная чушь – какие иностранные корреспонденты в селе Усатово в те годы?! Кстати, именно в этой церкви я в свое время принял таинство Крещения, там служил отец Василий (Мултых), узник сталинских лагерей. Его опыт также отражен в цикле. Я еще не закончил это стихотворение, но уже понимал, что это будет небольшая повесть в стихах.

– Критик Ирина Роднянская, говоря о ваших стихах на духовные темы, писала: «Поэзия эта – плод верующего сознания, открытого для неверия». Согласны ли вы с таким определением?

– Не согласен. Мое сознание закрыто для неверия (к профессиональности это не относится!). Я всегда повторяю: «Рече безумец в сердце своем – несть Бог! Омерзеша и растлеша в начинаниях...». Да, среди моих друзей есть атеисты. И они знают, что спорить со мной на определенные темы бесполезно.

– У каждого поэта, пишущего то, что можно назвать «духовной лирикой», есть, как правило, какие-то свои, наиболее близкие ему книги из Священного Писания – Псалтырь, Екклесиаст... Не говоря о Евангелиях. Что из Священного Писания наиболее близко вам как поэту, к чему, каким книгам вы постоянно возвращаетесь? (Может, к каким-то текстам вне Священного Писания – житиям, святоотеческой литературе?..)

– Вот вы и перечислили – Евангелия, Псалтырь, Екклесиаст. И, конечно, – Исайя, Иеремия, особенно «Плач Иеремии», книга Ионы. Очень люблю отечники, такие как Киево-Печерский, Древний восточный Патерик, «Луг Духовный» Иоанна Мосха.

– С начала 90-х в русской поэзии происходит всплеск духовной лирики: христианские мотивы, образы, темы появляются у очень разных поэтов. Можете ли вы назвать какие-то имена или стихи, вам наиболее близкие?

– Мне легче говорить о Державине, Ломоносове, Пушкине, Тютчеве, Пастернаке, Бродском. Но – очень люблю стихи Кривулина, о. Сергия Круглова... Мне нравятся религиозные стихи Олеси Николаевой, несмотря на неприкрытую и совсем не христианскую враждебность, какую высказывает в мой адрес эта поэтесса.

– Вы часто выступаете перед читателями; как они встречают ваши стихи на христианские темы? Насколько вообще сегодня востребована, на ваш взгляд, духовная поэзия?

* Сергей (Петров), митрополит Одесский и Херсонский (1976–1990). (Прим. ВС.)

«Мое сознание закрыто для неверия...»

– Не более, чем поэзия вообще. Круг почитателей весьма узок. А круг почитателей христианской и, шире, религиозной лирики – еще уже. Бывая в США и Канаде, мне иногда доводилось читать стихи в залах при православных церквях. И там, конечно, аудитория была понимающая и принимающая. Но у нас верующие более привержены графоманической поздравительной лирике. Как-то мои стихи включили в антологию подобной продукции. И подарили мне книгу.... Я без всякой жалости уничтожил ее вместе со своими стихами.

Из цикла «В Духе и Истине»

Начало восьмидесятых. Владыка Гурий (Петров)
получает какую-то грамоту от властей.
Владыка нынче не в духе. Вчера наломали дров
трое семинаристов. Запустили гостей

в общежитие. Правда, обошлось без девиц,
но лучше бы уж девицы – все поступают так.

Начальник борьбы за мир говорит о защите границ.
На средства епархии, вероятно, построили танк.

Гурий тучен, отечен, одышлив, разряжен в парчу.
В зале душно. Какой-то лозунг на полосе кумача.
Гурий молится в сердце своем: «Я этого не хочу!».
Товарищ вещает про плуг, перекованный из меча.

«Я не верю в Бога (конечно, не веришь), но я
верю в Русскую Церковь (еще бы! Зал
взрывается аплодисментами), в епископат ея...».
(«Ея» – славянизм.) Ну что же, неплохо сказал

товарищ, а перед собранием, зайдя в кабинет,
велел: «Не трогайте мальчиков, это свои,
от соседей». И надо б прищучить гэбистов, но нет,
теперь не выгонишь их, пусть бесятся, бугаи.

Христос страдал и Церкви велел страдать,
Вот, обведут стукача трижды вокруг алтаря.
Прочитаешь над ним: «Божественная благодать,
недугующия врачуя». Молитва пропала зря.

Ничего не изменишь. «Аксиос! Многая лета!» В Дому
Божьем полно постояльцев, приятелей Сатаны.
Снова: «Многая лета, Владыко!». Впрочем, ему
жизни месяца два, и те ему не нужны.

«Мое сознание закрыто для неверия...»

*

После уполномоченного в покоях табачный дух.
Окурок «БТ», приплюснутый к блюдечку. Вытряхнуть пепел лень.
Это сделает одна из двух богомольных старух,
которые приходят сюда убирать через день.

Непорядок, конечно, женщины. Но бабки – Божий народ.
Вот перемрут, болезные, а там и Церковь помрет.

Раннее утро. Готовится выезд в село.
Гурий кричит келейнику: Петре, Камень, потщись,
погибаю! Чайку, Владыка? Да нет – ногу свело,
размассируй. Хорош, полегчало. Эх, откуда взялись

наши немощи! Все по грехам. Вот вчера вечером
толковал с негодяем. Все Лернер ему поперек
горла стоит – увольняйте, де, настаивает горком.
Горком! Дался им Лернер! Еврей, но свой паренек.

В семинарской библиотеке, совершенствует каталог,
книжки дает читать приятелям, это он зря.
Но под курчавую шевелюрой – неплохой котелок,
верит, и на работу приходит ни свет ни заря.

И еще говорил полковник – в селе расписали храм
живописцы-выкресты, но, владыко, у них у всех
в почтовом ящике вызовы в Израиль. Все они будут там.
Кто завтра, кто через год. Это же курам на смех:

иконописцы нашлись! Владыко, вы близко к ним
не подходите. Не заметите, как щелкает аппарат.
Микропленка. А после в газетке «Иерусалим»
вы будете возглавлять этот еврейский парад.

Гурий вздыхает. Будут, конечно. Все подойдут
под благословенье, бедные. Благословлю, а куда
денешься? Староста настучит, подметные письма пойдут.

Уполномоченный скажет: опять сплеховал, борода!

*

Петр заходит к владыке в спальню. Гурий столбом
стоит посредине, сжав нательный крест в кулаке,
прижимая его к груди. На прикроватной тумбочке том
Достоевского. Лампадка горит, золотя оклад в уголке.

Владыко! Завтра Введение. Всенощную-то куда
служить поедете? В собор или тут, в монастыре?
Владыка молчит, озирается, как говорится, вода
темна во облацех. Владыко, белый день на дворе,

«Мое сознание закрыто для неверия...»

а вы не одеты, нехорошо! Служить-то будете, – где?
В духе и истине. Где? В духе и истине. И опять повторил:
в духе и истине. Петр понимает, что быть беде,
даже слышится что-то, как будто бы шелест крыл

ангела смерти. Зовет на помощь. Укладывают в кровать.
Гурий бледен. Глаза закатились. Рот полуоткрыт.
Ох, как холодно будет зимою в земле днeвать-ночевать!
Вызывают скорую. Гурий очнулся и под нос говорит:

В Духе и Истине. В Духе и Истине. В Духе и Истине.

Из «Оды страстям Христовым»

*
– Учитель, где сядем мы, чтоб насладиться Пасхой?
– Пасха Моя приготовлена до начала времен.
...Шли осторожно, озираясь с опаской.
Петр слишком горяч. Иуда слишком умен.

Агнец Божий, Свет, не объятый тьмою,
ученикам сказавший: «Не воскресну, пока не умру.
Вы же все чисты. Вот только ноги омою
вам, омою и насухо оботру».

*
Божественный Лик один среди страшных масок,
тяжелый, смертный, уродливый карнавал.
Божественный Свет среди темных, багровых красок.
Сотни голов, в которых разум и не ночевал.

Процессия движется медленно, надвое рассекая
толпу уродов. Проклятья и хохот кругом.
Но эта женщина в черном, скажите мне – кто такая? –
губу закусившая, плачущая, стоящая особняком.

*
Почил в день субботний. Пеленами обвит.
Как младенец в вертепе – не хватает вола и осла.
Для вечности безразлично – заснул или просто – убит.
И смерть уже догадалась, что не того унесла.

И ад, Его поглотивший, понимает – не удержать.
Было сладко, а стало горько. Род Адама спасен.
Казалось бы, все на месте – камень, стража, печать.
Но близится полночь, и стражников клонит в сон.

Художники, писатели, музыканты – или кощунники, богохульники и святотатцы?

Сальери:

*Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери.
Пошел, старик...*

А.С. Пушкин. «Моцарт и Сальери»

Истарик, слепой скрипач, пошел. Шел он, шел, не дряхлея, подобный Вечному Жиду, и добрался до нашего времени, встрепенулся, помолодел, облек свое ремесло в праздничные одежды современного искусства, иронии, бурлеска, политического вызова, сквернословия – и зажил припеваючи, потешает почтенную интеллектуальную публику и зовется теперь Художником. А что, – «он так видит». Чем яростнее проклятый старик вещает о том, что в современном мире нет и не может быть никаких запретов, о свободе искусства и о попирании ценностей, тем большее недоверие вызывает его карикатурная фигура... И все же невозможно прогнать этого старика прочь, как это сделал пушкинский Сальери. Он уже здесь, его творчество, как бы мы к нему ни относились, стало неотъемлемой частью современной жизни.

Мы живем в странные времена. Вокруг медленно, но верно рушатся все границы. Смешиваются расы и языки, жанры и виды искусства, мифы, традиции, даже кухня. Мир объединяется, но это центроостремительное движение вызывает и отклик, центробежные силы тоже набирают скорость, достаточно вспомнить о чудовищной деятельности ИГИЛ.

Логика людей, не приемлющих то, что называется сегодня «западными культурными ценностями», в целом понятна. В будущее шагать страшно – мы ведь не верим теперь, что оно «светлое». Мы живем по принципу «лучшее – враг хорошего», мы не хотим меняться в угоду моде или чьей-то политической игре. Мы хотим сохранить важное, наше, присущее только нам. Вполне нормальная, ясная логика. Вот только

носители ее нередко отличаются буйным нравом и крайним радикализмом. И действуют они подчас варварскими методами.

...На выставку в Манеже ворвались представители радикального общества «Божья воля». Крича об «оскорблении чувств верующих», они принялись уничтожать работы художников...

...В Новосибирске поставили оперу Вагнера «Тангейзер». Либретто было полностью переделано постановщиком, он увидел в опере совсем другую историю, наполненную символами христианства, более того, на сцене появился сам Иисус Христос. Начались жалобы насчет «оскорбления чувств верующих», директора театра уволили, постановку убрали из репертуара...

...С крыши дома в Петербурге был сбит барельеф, изображавший Мефистофеля. Напротив этого дома строится церковь, и вот кто-то решил самовольно распорядиться судьбой не понравившегося барельефа...

Во всех этих историях есть что-то от противостояния на школьном дворе. «Ты кто такой?» – «А ты кто такой?!» – «Нет, ты кто такой?!»... Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. И в этом я и с пушкинским Сальери, и с Лермонтовым согласна.

Пишутся статьи, собираются митинги, привлекается полиция и общественное мнение. Вынырнули из прошлого, казалось бы, забытые слова: кощунство, богохульство, святотатство. И применяются они часто не в адрес хулиганов, разрушающих вековые реликвии. А в адрес художников, писателей, музыкантов.

Насколько справедливы упреки в их адрес?

Знаменитый лозунг: «искусству необходима свобода». О какой свободе идет речь? И где ее взять не только в современном, но в каком угодно мире? Невольно придешь к мнению, что всем нам, в том числе и людям искусства, по-настоящему «светит» лишь свобода умереть от голода... Издавна (и сегодня ничего не изменилось) художник зависит от благодетелей-меценатов, от власти, от чиновников, от заказчиков, наконец.

Где же находится та граница, которая отделяет высказывание художника от того, что делается в угоду моде, саморекламе, попытке привлечь к себе внимание и, что греха таить, – хорошо заработать? Что следует рассматривать как новое слово в искусстве, а что – как оскорбление общественной морали? Тут все эмоционально, оценочно, зыбко. Видимо, необходимы компетентные отзывы специалистов – искусствоведов, театроведов, музыковедов. Но они тоже люди, их мнение, опять же, не истина в последней инстанции. И тем не менее, отбрасывать его в сторону нельзя.

Особенно важно прислушаться к мнению людей, которые посвятили свою жизнь Богу. Что говорят сами священники о подобных случаях?

Вот, например, мнение о. Сергия Круглова: «Святые сокрушали идолов перед лицом тех, кто им приносил жертвы и поклонялся, прежде всего чтобы показать язычникам: эти сооружения рук человеческих – не боги, они не могут править миром и жизнью человека, они бессильны, их не надо бояться, перед ними не надо трепетать... Почему сравнение этих случаев с погромом, устроенным на выставке в Манеже, видится мне некорректным? Прежде всего, по простой причине: скульптуры на светской выставке не являются идолами, «богами», то есть предметами религиозного культа».

Протоиерей Андрей Кураев: «Дать ненависти право считать себя святой и оправданной – очень легко, потом этого демона загнать в стойло очень сложно».

И напоследок – такая, может быть, крамольная мысль. Что же означает эта формулировка: «оскорбление религиозных чувств»? Можно ли их оскорбить вообще? Ведь если человек верит – глубоко, по-настоящему, – он должен стремиться к прощению и усмирению своего духа, не отвлекаясь на аргументы людей, думающих по-другому и верящих в иное. Что мне Гекуба? Что я – Гекубе? Мне кажется невероятной ситуацией, в которой верующий человек после посещения скандальной оперы вдруг откажется от веры. А вот неверующий, увидев постановку, возможно, задумается – и кто знает, вдруг и придет к вере. Такие случаи как раз хорошо известны. Вспомним хотя бы о романе «Мастер и Маргарита» – безусловно, сомнительном с точки зрения веры. Но ведь именно благодаря ему тысячи людей в советские годы увидели свой путь и выбрали христианство...

Пути Господни неисповедимы, гласит поговорка. А значит, и деятельность людей искусства тоже, по-своему, – возможно, через отрицание и конфликт, – все же выводит нас за рамки обыденности, приближая к ценностям духовным...

История семьи как оправдание «большой» истории

Смена эпох, которая случилась в нашей стране в конце прошлого века, сделала востребованным жанр «нон-фикшн» – автобиографии, дневники, семейные хроники. Уходящее время, перед тем как перетечь в историю, заглядывает к фотографу, стремится оставить о себе память.

В книге Натальи Соколовой «Под кровом Всевышнего» (М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2014) много фотографий. Черно-белых, овальных и прямоугольных, со светлыми лицами, мудрыми улыбками и глазами, наполненными любовью и внутренней силой... И множество историй о том, как верность Богу помогала выживать и выдерживать испытания, которые, на первый взгляд, не под силу смертному.

Новое поколение христиан слышано о периоде насаждавшегося безбожия и гонений на веру. И все же трудно представить, в каких условиях жили, учились, работали и строили свои семьи верующие люди.

Вот два брата, оканчивающие музыкальную школу и сознательно не вступающие в комсомол. Вот вызванный к своему начальнику рядовой, невзирая на возможные последствия, признается в вере во Христа. Вот православная семья, встречая Рождество, занавешивает окна, наряжает елку, впускает с черного хода гостей – а в доме напротив сверлит глазами темную ткань шторы соглядатай...

Книга Соколовой словно отсылает нас к первым векам христианства, когда носители истинной веры исповедовали ее в окружении язычников, а чудесные избавления чередовались с подвигами и жертвами. Поэтому читается она как разновидность альтернативной истории, которую проживают три поколения семьи советских интеллигентов внутри истории общеизвестной, хрестоматийной. Одни и те же события освещаются совершенно по-разному в зависимости от позиции наблюдателя – верующего или атеиста.

Как арестовали маму, мы не слышали. Мы проснулись утром, и, как обычно, около нас были тетя Варя и «бабушка» – монахиня Евникия, прожившая в нашей крохотной кладовой целых двад-

цать семь лет. Вечером отец пришел с работы и сказал нам, что мама уехала к бабушке, который заболел. <...>

За декабрь и январь папа обошел все московские тюремные заведения, ища жену. Но он нигде не получил от нее никаких известий. Он не мог понять, за что она арестована, не мог отнести ей передачу, терялся в догадках, куда ее увезли. Надеясь на Божие милосердие, отец наш усилил молитвы, прося особенно помощи у преподобного Серафима Саровского, которого родители наши горячо почитали.

Однажды утром почтальон принес открытку на имя Коли. Брату подходил седьмой год, и он с интересом начал разбирать незнакомый почерк. Вдруг появился папа, выхватил у Коли открытку и скрылся в своей комнате. Мы стояли ошеломленные, но нас уговорили не плакать... Папа вышел минут через двадцать, уже одетый в дорогу и с чемоданом в руке. Он коротко сказал Варваре Сергеевне, что едет в Самару искать жену...

Отнюдь не вся биография Натальи Николаевны состоит из увлекательных или опасных моментов. В ней много каждодневного труда, преодоления бытовых неурядиц, болезней. За полвека взрослой жизни Наталья Соколова вырастила пять детей и была верной спутницей и помощницей своего мужа – отца Владимира. Все ее сыновья – разные по характеру, темпераменту и дарованиям – стали священниками, а обе дочери – женами священников, матушками. Забота детей друг о друге и о родителях, их искренняя нежность к близким воспринимаются как естественное следствие жизни во Христе.

...Федюша служил в армии, часто писал нам письма, прося поминать его в молитвах, особенно в дни его прыжков с парашютом. Но я и без писем всегда чувствовала его переживания. Ничего о нем не знаю, а сердце болит. И вручаю далекого сына предстательству Небесной Царицы, угодникам Божиим: «Вы видите моего Федюшу, дорогие наши, милые святые – святитель Николай, отец Серафим, отец Иоанн Кронштадтский. Вместе с Богородицею излейте о моем Феденьке свои молитвы пред Господом. Спаситель вас всегда слышит, защитит и сыночка нашего по вашей молитве».

Дополнительное измерение разворачивающейся перед нами истории жизни рассказчицы придает пророчество, которое получает юная Наташа Пестова (еще не Соколова) от старца – отца Митрофана Серебрянского. Замужество, вступление в церковный хор, угасание любимого отца, возвращение к творчеству в преклонном возрасте, безвременная смерть сыновей-священников – каждый эпизод сбывающегося предсказания сначала непосредственно переживается Соколовой и лишь затем приходит на память как уже предначертанный на страницах книги ее жизни.

Так и воспринимается потрясающая во всех своих подробностях и деталях сага: героиня держит перед собой книгу и, листая ее, неторопливо повествует о своей судьбе. Иначе как объяснить этот феномен – живущие в памяти лица, фигуры, реплики, не потерявшие свежести и яркости спустя десятилетия, без опоры на архивы и дневники?

В юности Наташа Пестова училась живописи. Карьера художника без особых сожалений была принесена в жертву, когда девушка вышла замуж за будущего священника – настоятеля лосиноостровского храма отца Владимира. На седьмом десятке, уже вырастив детей и понянчив внуков, рассказчица возвращается к живописи – пишет иконы и пейзажи, оформляет храмовые стены. Художественное видение помо-

гает Соколовой и в литературном труде: ее слово часто поражает емкостью, оригинальной образностью.

...Отец Владимир вечерами беспокойно поглядывал на часы, волновался. Наконец он не выдерживал: надевал шубу и отправлялся навстречу детям. «Поздно, автобусов нет, детей тоже нет, не замерзли бы где...»

А ребята часто подолгу дожидались во Фрязине автобуса, прыгая на морозе. Я им всегда говорила: «Идите пешком, на быстром ходу не замерзнете, силы у вас молодые».

Однажды в лютый мороз батюшка ушел далеко навстречу детям. Они пришли румяные, а отец белый от инея, осевшего на его баки, усы и бороду. «Тебя, папочка, не узнаешь, ты как Дед Мороз», – смеялись мы. Дома было жарко натоплено, иней скоро стаял, а на бороде отца навсегда остались белые волосы.

Завершают книгу два приложения – очерки о священниках. Первый из них посвящен жизни отца Павла Груздева – одного из последних старцев, пострадавших за веру. Второй – простому гребневскому священнику, в юности далекому от веры, но в одночасье испытавшему то, что принято называть призванием.

С высоты нашего времени сохранение православной веры может казаться непосвященному заслугой бабушек – неизменных и вездесущих, крестящихся у церковных оград. Книга Натальи Соколовой помогает лучше понять, что вера могла уцелеть только внутри православной семьи, бережно – как свеча на ветру – передаваемая от поколения к поколению, от старших к младшим, от бабушек – к детям и внукам. Без таких подвижников, как Пестовы, Соколовы, их братья и сестры во Христе, возрождение живой веры сегодня было бы невозможно.

Кровавая и грозная история большой страны ищет оправдания в истории малой, частной, семейной. И отчасти – находит.

Елена ПОТОРОЧИНА

Изображение скрещенных на груди рук в христианском искусстве раннесредневековой Средней Азии

В христианской традиции существует целый язык символов, включающий положения и позиции руки и пальцев, представленные в ритуалах и изображениях. Например, открытая и поднятая ладонью от себя рука обозначает благословение, мир, защиту; поднятая рука, три пальца вместе, – Троицу; обе руки подняты – преклонение, принятие божественного благословения; закрытые или спрятанные руки – почтение; сложенные руки – спокойствие; ладони вместе – молитву, просьбу, приветствие, смирение; сложенные на груди руки – покорность.

В христианскую традицию поза со скрещенными на груди руками могла прийти из античности, культура которой повлияла на византийское искусство. В эпоху античности скрещивание рук на груди приравнивалось к признанию себя рабом. Такое же значение имел этот жест и на эллинистическом Востоке. Так, Плутарх рассказывает о свите армянского царя Тиграна:

При нем находилось много царей на положении слуг <...> когда он ехал на коне, они бежали рядом в коротеньких хитонах, а когда сидел и занимался делами – становились по бокам, скрестив руки на груди. Считалось, что эта поза наилучшим образом выражает полное признание своей рабской зависимости: принимавшие ее как бы отдавали в распоряжение господина вместе со своим телом и свою свободу и выражали готовность все снести, стерпеть без возражений¹.

Для иранского раннесредневекового искусства также характерны изображения людей со скрещенными руками, например, на каменных рельефах Тонг-и-Сарвакаи Бишапура. Известна сасанидская торевтика, на которой изображены вельможи в позе почитания, с перекрещенными на груди руками, перед царем. Например, на серебряном блюде со сценой пира изображен царь на тахте среди музыкантов и слуг². Слуги стоят в позе почитания, со скрещенными руками, но у одного из них кисти рук спрятаны под мышками (нижняя фигура), а у другого (верхняя фигура), наоборот,

они показаны очень четко. В сочинении «Хосров, сын Кавада, и его паж» дается описание одной из подобных сцен:

Некий паж <...> по имени Хвашарзог стоял, скрестив руки на груди, перед царем царей, много славил его и восхвалял³.

В христианской традиции руки, скрещенные на груди, означают покаяние, покорность, смирение и послушание Божьей воле («страх Господень»), а также смерть для мирской жизни (аскетизм, монашество) и смерть физическую. Поза со скрещенными руками называется также «евхаристическая»: именно так принято принимать Причастие. «С таким жестом, – пишет Т.М. Никольская, – пишут например, иконописный образ Марии Египетской. Вся пустынная жизнь преподобной Марии была подвигом покаяния, ее изображают со скрещенными на груди руками, символизирующими крест, который в данной интерпретации обозначает покаяние и Причастие, утверждая этим жестом принадлежность Христу, усвоение Его Крестной Жертвы»⁴.

Хотя культовое искусство Церкви Востока⁵ отличается от греческой православной традиции, сюжеты с изображениями людей со скрещенными на груди руками нередко встречаются у христиан Центральной Азии. Например, на фреске, найденной в развалинах небольшого храма, находившегося за пределами Хочо (Восточный Туркестан), изображен «молодой несторианский служитель или приверженец культа, одет в длинную оранжево-коричневую мантию с очень длинными рукавами и, что характерно, сложил руки крестообразно на груди. Фреска из несторианской церкви в Гаочани также изображает верующих в момент службы с руками, скрещенными на груди»⁶.

Христиане в символических позах со скрещенными на груди руками запечатлены на фрагменте рельефной терракотовой иконы с шахристана Тараза⁷, относящейся к раннему христианству в Семиречье. На сохранившейся нижней части плитки изображены три стоящие фигуры, одетые в халаты и мягкую обувь. На фрагменте иконы от верхнего ряда изображения человеческих фигур сохранились лишь полы халатов и ноги двух персонажей. Справа от фигур располагается равноконечный крест с расширяющимися концами. По мнению Т.Н. Сениговой, первого исследователя находки, типаж изображенных лиц и одежды соответствует индийской культовой иконографии IV–VI веков, что указывает на возможную тесную связь таласских общин с индийскими христианами этого периода⁸. Крест с расширяющимися концами, с так называемыми «перлами», известен в христианской иконографии как капелечный крест, на концах которого застыли капли крови Иисуса Христа. Аналогичное изображение креста есть на четырехугольной терракотовой плитке V–VII веков с Гяур-калы и Старого Мерва.

В коропластике Южного Казахстана и Семиречья также нередко встречаются изображения со скрещенными на груди руками, например, женские фигурки из Отрарского оазиса (VI–IX века), а также налепы на сосуде из Александровского городища⁹.

Группа согдийских терракотовых фигурок со скрещенными на груди руками, описанная В.А. Мешкерис, хранится в Эрмитаже¹⁰. Одна из фигурок сохранилась полностью. Ее руки перекрещены, левая проходит под правой, над плечами – треугольные выступы с нарезкой, обозначающие крылышки или языки пламени. Среди

этой группы имеются фигурки без обозначений крылышек, руки у них перекрещены иначе – правая проходит под левой. Имеет ли символическое значение, какая рука, правая или левая, лежит сверху при скрещении рук, – еще предстоит выяснить.

Фрагмент женской статуэтки со скрещенными руками найден в Пенджикенте. Верхняя часть фигурки со скрещенными на груди руками имеется среди терракот, собранных на городище Варахша и в его окрестностях¹¹.

Коленопреклоненная женская фигурка со скрещенными на груди руками, из науса № 3 некрополя Костобе, представляет особый интерес, ею завершается металлическая ручка какого-то предмета, возможно, напрестольного креста¹². У женщины миндалевидные глаза, нос с горбинкой. На голове маленькая шапочка, из-под которой на плечи и спину ниспадают распущенные волосы. На ней длинное глухое платье. Этот образ можно трактовать как изображение Девы Марии, которое относится к типу «Знамение», в момент принятия Ею Благой вести (*...се раба Господня, да будет Мне по слову Твоему*. Лк. 1, 38). В этом контексте положение рук, скрещенных на груди, символизирует молитвенное смирение.

Оссуарии (костехранилища) также украшались фигурками со скрещенными руками. Налепы на Таразском оссуарии (VIII–IX века) изображают одну или несколько фигур в этой же символической позе. Верхняя часть оссуария и крышка его декорированы процарапанными изображениями, напоминающими деревья, которые можно интерпретировать как райский сад. Оссуарий из Красной речки (VII–IX века) оформлен наклепными керамическими фигурками с крестообразно сложенными руками, между которыми расположены восьмилепестковые розетки, обрамленные рамками со вписанными треугольниками. Крышка оссуария оформлена такими же треугольными узорами, образующими горы, за которыми видны изображения веточек – горный мир и райский сад. Геометрические узоры на этом оссуарии идентичны византийской резьбе по дереву. Хотя К.М. Байпаков предположил, что это зороастрийские оссуарии¹³, однако известны и христианские оссуарные захоронения. Городище Красная речка идентифицировано как Навакет, где в средние века располагалась христианская митрополия, а Тараз, судя по свидетельству письменных источников и археологическим находкам, был городом, где жили преимущественно христиане. Все это позволяет интерпретировать эти оссуарии как христианские.

Фигурки со скрещенными на груди руками, как мужские, так и женские, встречаются среди изображений на согдийских оссуариях. Так, на оссуарии из Сарытепе Самаркандской области изображены три фигуры со скрещенными на груди руками. Л.В. Павчинская и О.М. Ростовцев интерпретируют это изображение как сцену моления, а самих персонажей представляют в качестве жриц или жрецов (фигуры лишены явных признаков пола). Саму же позу со скрещенными на груди руками, на основе широких аналогий, считают символом почитания, «чем-то вроде ритуального знака молитвы»¹⁴.

Таким образом, поза со скрещенными на груди руками в захоронениях и изображениях на оссуариях символизирует бессмертие и воскресение. Чаще всего на оссуариях изображаются символические элементы Царства небесного, отражая надежду на спасение, потому часто люди изображаются без половых отличий, как, например, на оссуарии из Сарытепе. *Ибо нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе* (Гал. 3, 26-29).

Еще одна находка с изображением со скрещенными на груди руками – терракотовая фигурка мужчины, найденная близ райцентра Заамин на раннесредневековом поселении Мазартепе (V–VIII века). А. Грицина интерпретировал ее как «домашнего идольчика из Уструшаны»¹⁵. Фигурка изображена фронтально, голова наклонена вперед. Руки скрещены на груди, при этом правая рука проходит под левой. Четко изображены все пять пальцев левой руки, запястье которой украшают два браслета. Запястье правой руки спрятано под мышкой. По два таких же браслета находятся на предплечьях. Шея украшена гривной с девятью одинаковыми объемными подвесками. «Наклон головы, – отмечает А. Грицина, – слегка прикрытые глаза и скрещенные на груди руки выражают состояние покоя, скорбного молчания и служения»¹⁶. Возможна интерпретация этой скульптурки как относящейся к христианскому искусству.

Разумеется, предложенная выше интерпретация сюжетов, где присутствуют позы со скрещенными на груди руками, во многом гипотетична. Очевидно и то, что даже самое глубокое и развернутое истолкование никогда не исчерпывает смысла подобного рода изображений. Поэтому данную попытку семантического исследования можно расценивать как приглашение к дискуссии и дальнейшей работе с источниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пер. С. Аверинцева. *Плутарх*. Избранные жизнеописания. В 2-х томах. Т. 2. / Сост. и прим. М. Томашевской. – М.: Правда, 1987. С. 130.

² См.: *Тревер К.В.* Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков. – М.: Искусство, 1987. С. 79, 111–112.

³ Цит. по: Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты. Введ., транслитерация пехлевийских текстов, пер. и коммент. О.М. Чунаковой. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 149.

⁴ *Никольская Т.М.* Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

⁵ Церковь Востока – краткое название Святой Апостольской Католической Ассирийской Церкви Востока, или Ассирийской Восточной Церкви. В V в. византийцы ее стали именовать «Несторианская Церковь», в связи с доктриной Нестора, которого поддержала Церковь Востока. Сами себя они называли «назоряне»; также в традиции сохранилось их наименование как «тарса». Кроме «несториан» на территории Средней Азии распространялись «мелькиты» – Православная Церковь и «якобиты» – христиане Западной Сирийской Ортодоксальной Церкви, реформированной в V в. монофизитским епископом Яковом Варадеем.

⁶ *Железняков Б.А.* Находки предметов с иконографическими изображениями из Жетысу (несторианство, манихейство) // Известия МОН РК. Сер. общ. 2003, № 1. С. 260–276.

⁷ См.: *Железняков Б.А.* Под знаком креста // *Nomad Kazakhstan*. 2005, № 4. С. 48–55.

⁸ Там же.

⁹ См.: *Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. (По материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). – Алма-Ата: Казахское археологическое общество, 2012. С. 302.

¹⁰ *Мешкерис В.А.* Согдийская терракота. – Душанбе: Дониш. 1989. С. 171, 172, 194.

¹¹ См.: *Грицина А.* Идольчик из Уструшаны. // *Sanat*, 2001, № 1 (URL: http://sanat.orexca.com/2001-rus/2001-1-2/aleksey_gritsina/)

¹² По предположению К.М. Байпакова, опубликовавшего описание этой фигурки, ею могла завершаться ручка зеркала. См.: *Байпаков К.М.* Указ. соч. С. 303.

¹³ Там же. С. 302.

¹⁴ *Павчинская Л.В., Ростовцев О.М.* Оссуарии из Сарытепа // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент, 1988. Вып. 22. С. 91–101.

¹⁵ *Грицина А.* Указ. соч.

¹⁶ Там же.

Эльмира ГЮЛЬ

Домусульманские символы в узорах сюзане

Сюзане (от *сюзан* – игла, т.е. вышитый иглой) – один из самых распространенных видов традиционной вышивки крупных форм в Узбекистане. Такие вышивки были непременной частью приданого невесты. Они использовались как покрывало для постели новобрачных либо как декоративное панно на стенах их комнаты.

Использование сюзане в свадебной обрядности предопределило сакральность их декора, который должен был защитить молодоженов от сглаза, обеспечить благополучие первой брачной ночи и зачатия ребенка. Впрочем, связь узоров с тайными, священными смыслами была изначально присуща искусству Востока. Эту особенность весьма образно объяснил Л. Лелеков:

Почти во все времена на Востоке полагалось изображать вещь с тем, чтобы символически указать на какую-то идею, обычно религиозную. За обобщением надлежало прозреть иносказание. Относительная свобода от буквального изображения предмета позволяла неограниченно развивать любые символические истолкования. <...> Если античную цивилизацию интересовал только человек, главный предмет искусства классики, а весь остальной мир для нее мало что значил, то средневековью, особенно восточному, был дороже образ сложно устроенного космоса, вращающегося вокруг идеи Бога, а человек в нем был лишь частностью. Такую сложную картину гораздо легче передать в схеме, условными приемами, ведь ее можно охватить только умственным взором¹.

Орнамент стал наиболее удачным способом создания некоего «метафорического образа всеобщей связанности бытия»², отражающим разные религии, некогда существовавшие в Средней Азии.

Исследователи уже не раз предлагали различные трактовки смысла текстильного декора, однако замечание О. Сухаревой о том, что орнаменты вышивок изучены совершенно недостаточно³, по-прежнему остается актуальным.

В этом очерке мы предложим свою интерпретацию одного из популярных типов композиции сюзане. В его основе использованы мотивы *ой* (месяц, луна – узб.). Такие композиции типичны для Ташкента, Самарканда, Джизака, Сурхандарьи; нами взята за основу вышивка Джизака, провинциального центра, где декор в меньшей степени подвергся изменениям.

Джизакские сюзане выделяются крупными элементами декора, экспрессивным

рисунком и насыщенным колоритом. В орнаменте доминируют крупные розетки *ой* в обрамлении декоративных венков. Они выглядят как массивные однотонные круги с зубчатым контуром, а обрамляющие венки распадаются на несколько «орбит». Внутреннее обрамление таких «венков» представляет собой круг с фестончатым внешним краем; следующее кольцо состоит из чередующихся черно-белых W-образных элементов. Наконец, наружный – это круг, декорированный своеобразными зубчато-лиственными элементами, концы которого в верхней и нижней части розетки отогнуты наружу в разные стороны. Девять одинаковых розеток на срединном поле в три ряда составляют типичную композицию покрывала.

Между основными розетками-лунами расположены крестообразные элементы поменьше, которые мастерицы называли *чор-чирог*. *Чор-чирог*, или *чахар-чирог* (четыре светоча), – масляный светильник. Такого рода светильники с рожками для хлопковых фитилей – керамические либо металлические – использовались в народном быту на протяжении веков. Количество рожков варьировалось – от одного до четырех; в вышивке встречается орнаментализированный четырехрожковый светильник. Сами светильники широко использовались во время свадебных обрядов – зажженный чирог обносили вокруг головы жениха и невесты при первом их свидании во время свадьбы⁴. Сам обряд был, видимо, связан еще с зороастрийской верой в очищающую силу огня. Соответственно, в декоре сюзане *чор-чирог* выступает также как олицетворение Божественного света, священного огня или *аташдана* – переносного алтаря в виде сосуда. За века ислама этот мотив стал трактоваться как растительный, превратившись в цветочную розетку средней величины, от которой в четыре стороны на тонких ветвях расходятся пальметты. Но его сохранившееся изначально название по-прежнему апеллирует к доисламским временам.

Особое внимание джизакские мастерицы уделяют оформлению углов срединного поля, помещая туда треугольные *туморча* – обязательный мотив джизакской вышивки.

Видимо, этот мотив действительно означает амулетик, которому в Средней Азии придавалась традиционно треугольная форма. «Подвески» на «амулете» джизакского орнамента говорят о том, что это ювелирное украшение⁵.

Действительно, такого рода украшения в виде футляров разных форм, в том числе треугольной, – *туморы* – были популярны у населения еще с доисламского времени. Они имели как декоративное, так и сакральное значение, связанное с верой в их защитную, охранительную функцию. Изначально *туморы* содержали колюще-режущие предметы – иглу, острый кусочек коралла или просто стекла с режущим краем, лечебно-заговорные травы, соль, клочья овечьей или верблюжьей шерсти, запах которой оберегал от скорпионов и змей, пряные специи с резким ароматом. Все это, как считалось, помогало уберечь человека от «злых чар». Позже, с приходом ислама, в *тумор* стали вкладывать небольшие листки бумаги с текстом молитвы из Корана. Поэтому не случайно появление *тумора* в народной вышивке, по углам срединного поля, как защита всего «пространства» сюзане.

Если мотивы *чор-чирог* апеллируют к зороастризму, а круги – к астральной символике, – какая связь может существовать между ними? Чтобы разобраться в этом

вопросе, обратимся к средневековым письменным источникам. Хроники ат-Табари (IX–XI вв.) упоминают, наряду с согдийскими «храмами огня», и «храмы идолов», намекая на отличие иранского зороастризма от родственного зороастризму культов Согда; арабский хронист Белазори в рассказе об осаде Самарканда Кутейбой также пишет о передаче арабам «домов идолов и огня»⁶. Обычно «культ идолов» выступает в источниках как более древний, чем культ огня, и, более того, враждебный зороастризму. Однако очевидно, что на территории Средней Азии происходит слияние элементов обоих верований: как отмечал А.М. Беленицкий,

существование различных религиозных систем в Средней Азии до вторжения арабов давало широкий простор для синкретизации отдельных культов и их взаимного воздействия⁷.

Возможно ли связать этих загадочных идолов с медальонами джизакских сюзане? Те же источники сообщают, что идолы изображались в виде антропоморфных фигур и символизировали небесные светила, планеты⁸. Логично предположить, что медальоны *ой* выступают как отголосок астрального культа, где антропоморфные символы заменяются в народной интерпретации кругами-лунами, – шире – планетами в целом.

Известно, что астральный культ, включавший в себя поклонение планетам – Солнцу, Луне и прочим, возник еще в эпоху бронзы в Месопотамии в ассиро-вавилонской астрологии. Позже он был привнесен в Среднюю Азию манихеями, которые, в частности, основали в Самарканде свою общину. Вместе с тем поклонение светилам было издавна известно и в самой Средней Азии. В частности, близ Джизака еще в 1960-е годы был обнаружен курганный комплекс, культовое назначение которого связывается с сакским календарем⁹; такого рода сооружения отражали астрономические познания кочевых племен.

Последователи астрального культа призывали в своих молитвах «Солнце, Луну и еще пять планет, называя их “лучезарными богами” и считая тенями духов предков»; в честь священных планет возводились храмы, где поклонялись олицетворявшим планеты антропоморфным идолам¹⁰. Средневековая литература сохранила описание этих идолов – фигур, олицетворявших планеты и Солнце.

В Согде культ планет, восходящий к анимистическим представлениям, сосуществовал с зороастризмом, создавая смешанные, синкретичные формы. «Когда арабы пришли в Согд, они увидели, что в храмах, в которых горел огонь, почитали и изображения богов. «Дома огня» одновременно выполняли функции «домов идолов»¹¹. Это своеобразие согдийской религии нашло отражение в строках договора 712 года самаркандцев с арабами:

И заключил Кутейба с ними мир на [условиях выплаты] 2 тысяч дирхемов сразу и 200 тысяч дирхемов каждый год, и трех тысяч голов рабов, среди которых нет ни ребенка, ни старца, и того, что в домах огня из украшений идолов¹².

Таким образом, согдийская религия представляется как форма зороастризма, в которой «основным ритуалом было возжигание огня перед изображениями богов. Именно это своеобразие согдийского зороастризма позволило мусульманским авторам первых веков ислама назвать согдийские храмы “домами идолов”»¹³.

С приходом ислама храмы в честь небесных богов-планет разрушались или пере-

устраивались в мечети, статуи богов сжигались. Расплавленные слитки золота и серебра – все, что оставалось от фигур и пожертвованных им ювелирных украшений. Но, несмотря на гонения, культ идолов сохранялся почти до середины IX века, а его след в народном искусстве – еще более длительное время.

Этот исторический экскурс позволяет предположить связь между древним астральным культом и декором джизакских сюзане. Очевидно, вышивки сохранили отголоски поклонения одновременно и небесным планетам-богам, и алтарям огня, что, судя по всему, было широко распространено в народной среде. Медальоны могли символизировать божеств-покровителей, планеты на небесном своде, *чор-чирог* – алтари огня. Сохранение отголосков поклонения планетам свидетельствует о вере в очищающую, оплодотворяющую силу Солнца, Луны, других звезд¹⁴.

Таким образом, перед нами возникает символический образ храма, где алтари с зажженным огнем (мотивы *чор-чирог*) устанавливались перед изображениями богов-планет (круглые медальоны *ой*). Одновременно это и картина гармоничного мира – Вселенной с планетами-звездами, охраняемыми огнем. Такой сюжет можно рассматривать как отголосок древнейшего астрального культа, который был известен на территории Согда в домусульманский период.

Вероятна и версия о связи декора сюзане с согдийским календарем, где каждый круг-медальон мог символизировать определенный месяц или день недели. В этой связи количество кругов на сюзане также, очевидно, имело определенное значение.

Аналогичный декор имели и многие самаркандские вышивки, где на центральном поле изображались круглые крупные розетки-светила и мотивы *чор-чирог*. Так, в пехлевийском тексте сасанидского времени «Земли Ирана» говорится:

В Самарканде семь святилищ огня... Проклятый Афрасиаб, туранец, сделал каждое из них пристанищем демонов...¹⁵

Цитата показательна: она свидетельствует о том, что храмы огня одновременно были домами идолов, которые, как мы отметили выше, ассоциировались со священными планетами на небесном своде.

В дальнейшем эти композиции встречаются в Самарканде все реже и реже, под влиянием новых веяний и вкусов *чор-чирог* заменяется более мелкими по форме розетками, а сам мотив *ой* воспринимается как растительный (*лола*). Однако провинциальный Джизак сохранил архаичную версию, вполне убедительно подтверждающую сведения средневековых источников о специфике доисламских храмов и верованиях Согда.

Тема небесных светил-планет доминирует и в вышивке Ташкента. Здесь даже не использовалось слово сюзане, – местные покрывала так и назывались – *палак* (от араб. *фалак* – небо, небесный свод).

Палак – почти квадратное по форме панно, в среднем 3х3 метра. Основным мотивом его декора являются круги *ой*, понимаемые как астральные знаки, которые плотно заполняют поверхность ткани основы. Считается, что чем старше *палак*, тем больше этих медальонов *ой*. В колорите доминирует локальный темно-красный, бордовый цвет, несущий сильный эмоциональный заряд. Насыщенность и богатство цвета *палаков* достигались за счет крашения нитей мареной (*руян*).

Символизирувавшая само небо вышивка должна была защитить молодую от злых духов в самый опасный период ее жизни – *чилля*... Даже в тех случаях, когда в приданом невесты не было *палака*, его ничто не могло заменить, и обычно брали на временное пользование таковой у родственников или знакомых¹⁶.

Тема небесных светил в *палаках* была разнообразной. *Ой-палак* – вышивка с изображением лун (лунного неба), *юлдуз-палак* – вышивка с изображением звезд (звездного неба), *беш ойлик-палак* – вышивка с пятью лунами, *он икки ойлик палак* – вышивка с двенадцатью лунами, *фалак* – небосвод... Пожилые информаторы сообщали, что в прошлом были даже *кырк ойлик палак* – вышивки с сорока лунами-*ой*¹⁷. Что касается *чор-чирогов*, то в ташкентской вышивке этот мотив значительно упрощается и воспринимается как геометрическая вставка между кругами. Тем не менее, близость джизакских, самаркандских и ташкентских композиций довольно заметна.

Ташкентские мастерицы, как и самаркандские, не могли остаться в стороне от «моды» на растительный декор: во второй половине XIX века они предпринимают попытку отойти от традиции и превращают круги-планеты в более привлекательные, с их точки зрения, цветочные мотивы. К кругу с одной стороны «прирастает» веточка; получившийся таким образом «цветок» берется в полукруг тонких зеленых ветвей. В Ташкенте такой мотив становится известен как *олма-гул*. Он используется в качестве основного элемента срединного поля, а также в декоре бордюра. Череда *олма-гулей* в полосе бордюра стала называться «следами верблюда» – *туя-туеги изи*. Визуальное сходство здесь действительно просматривается, однако более интересно парадоксальное сочетание в одном мотиве нескольких смыслов: изначально астральный знак трактуется как растительный, но получает название, связанное с образом животного. Такого рода перевоплощения были типичны для народного искусства, где зооморфные узоры с легкостью трансформировались в растительные и наоборот.

Круги *олма-гули* украшали плотными рядами срединное поле, между ними размещались мотивы *саусан* (ирис), *калампыр* (перец), *бодом* (миндаль). Такие «цветочные» *палаки* были особенно популярны в 1880-е годы.

С течением времени облик *палаков* значительно меняется. Количество кругов становилось меньше, их величина – больше. На рубеже веков преобладают *палаки* с одним огромным кругом, образованным несколькими концентрическими кольцами, со звездой в центре. Такой *палак* называется *бир ойлик палак* (с одной луной), *кыз-палак* (девичий, т.е. часть приданого) или *тогора-палак* (*тогора* – большой таз)¹⁸. Узор в целом напоминает схему Вселенной с орбитами планет, охраняемую с четырех углов срединного поля треугольными вставками – стилизованными амулетами-*туморами*. Однако название мотива – *тогора* – весьма показательное: древние символы постепенно десакрализируются в народном сознании.

Иногда вместо *туморов* по углам срединного поля *палаков* рисовальщицы помещали «букетик» из трех *калампыров*. Перец выступал как магический оберег благодаря своей жгучести – известно, что гирлянды из нанизанных стручков вешали в жилых помещениях для защиты беременных и детей от злого духа *албасты*¹⁹. Считалось также, что духов отпугивает запах перца, лука и чеснока. По поверьям, почувствовав «свой» запах, духи думают, что он исходит от их «собратьев», и не причиняют находящемуся рядом человеку зла²⁰. Соответственно, аналогичными свойствами наделялись и изображения стручков перца.

В любом случае вся образная система этого вида вышивок была связана с идеей «охраны» центрального мотива – луны. Вполне возможно, что она ассоциировалась в народном сознании с образом самой «луноликой» невесты – известно, что с лунной связывалось женское, материнское начало.

Крупный центральный медальон *тогора-палака* полностью заполняет поверхность ткани, при сплошном зашиве фона швом *босма*. Это был самый трудоемкий вид *палаков*. При вышивании одним цветом значительных площадей требовалось соблюдение одинаковой плотности стежков, ровности шва, и потому такие вышивки доверялись рукам одной мастерицы. Также большое значение придавалось цветовой гамме. При использовании доминирующего малинового, розового, бордового или почти фиолетового в деталях использовались желтый, коричневый, черный.

В целом декор этой группы вышивки отличается монументальностью форм, четкой организацией рисунка, производящего при этом впечатление стихийной, непостижимой мощи Вселенной. Сохранившееся название основных элементов – *ой* – вновь связывает содержание декора с миром небесным, божественным – звездами и планетами. Считалось, что «небесным светилам отводилась роль оплодотворяющего начала»²¹, и потому *палаки* были постоянным атрибутом свадеб. Вместе с тем «космические» узоры ташкентских *палаков* – дань древней традиции наблюдения за небесными светилами, управляющими ритмом жизни и земледельцев, и скотоводов...

Интересно, что призывы в честь небесных светил сохранились даже в практике таджикских и узбекских шаманок Самарканда, которые во время обрядов пели: «Во славу Неба, которое держится без столбов, / Во славу Звезд, которым несть числа, / Во славу прекрасного Солнца, / Во славу прекрасной Луны, / Во славу прекрасной Земли...»²².

За многие века ислама культ небесных светил канул в лету, однако его эхо дошло до нас в вышивках Самарканда, Джизака, Ташкента, Сурхандарьи (здесь также доминирует мотив *ой*). Если в Ташкенте и Джизаке сохранилась их четкая связь с небесной сферой, то в Самарканде и Сурхандарье бывшие астральные символы уже ассоциируются с объектами растительного мира и зачастую получают новые названия. Народное искусство сохранило веру в их священную силу, но композиции в целом были переосмыслены с точки зрения бытовой магии. Так, девять кругов на джизакских сюзане стали восприниматься как девять месяцев, положенных для вынашивания ребенка. С этими девятью месяцами были связаны многочисленные символы, которые, как считалось, обеспечивали защиту и предохраняли от сглаза. В числе их – и светильники *чор-чирог*, и упомянутые заговоренные *туморы* по углам серединного поля, и магические круги защиты (охранные кольца) вокруг медальонов-месяцев – круг из знаков W предохранял от сглаза, как и внешний разомкнутый круг, который трактовался как изображение двух ножей²³. Абрисы лиственных мотивов на серединном поле принимали столь причудливую форму, что ассоциировались у мастериц с изображениями ящериц и сов, которые будто бы также защищали будущую мать. Так древний культ небесных светил трансформировался в защитную магию, которая, как верили, обеспечивала благополучный исход родов.

В аналогичной стилистике были выполнены джизакские свадебные простыни *джойпуши* (также для них используется наименование *яккандоз* или *руиджо*). Они несли в себе символы покровительствующих небесных светил, охраняемых пестрыми защитными поясками, а также двумя треугольными *туморами* в верхней части ком-

позиции. В оформлении этого вида изделий выработался некий стандарт, что позволяет говорить о серийном производстве на заказ. В качестве основы использовалась хлопчатобумажная ткань оранжевого цвета, в узорах – синий, бордовый, черный, белый цвета. В верхней части П-образной композиции размещалась крупная розетка *ой*, в нескольких «защитных» кольцах. По две розетки поменьше располагались в левой и правой боковых частях. Специфика джизакских *джойпушей* заключалась в том, что узоры помещались и внутри арочного проема, который в других областях Узбекистана обычно оставлялся невышитым – здесь располагался такой же небольшой медальон, в сопровождении цветочных мотивов. Мы можем лишь строить предположения о смысле этого приема. Возможно, дополнительный медальон символизировал идею слияния, плод, новорожденного и вышивался позже, после появления на свет ребенка.

Более поздняя джизакская продукция демонстрирует упадок стиля. Декор становится массивным, грубоватым, мелкие элементы орнамента исчезают, шов укрупняется, выглядя более небрежным. Тем не менее джизакские сюзане и *яккандозы* все еще сохраняют особую экспрессию рисунка, тяготеющего к абстракции, пронзительность цветовых решений, где по-прежнему доминируют оранжево-малиновые сочетания.

В целом вышивка Самарканда и ближайших к нему центров – Ургута, Джизака, Ташкента, а также Сурхана, – представляет собой устойчивую, самобытную школу, сохранившую архаичные формы декора. Большая часть ее узоров связана с зороастрийским наследием, а также солярными и астральными культами раннего Средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лелеков Л.А. Искусство Древней Руси и Восток. – М.: Советский художник, 1978. С. 110.

² Там же. С. 118.

³ См.: Сухарева О.А. Сюзани. Среднеазиатская декоративная вышивка. – М.: Восточная литература, РАН, 2006. С. 113.

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Там же. С. 97.

⁶ Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культуры Согда (по материалам Пянджикентских храмов) // Живопись древнего Пянджикента. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 56.

⁷ Там же. С. 62.

⁸ Там же. С. 61–62.

⁹ См.: Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988.

¹⁰ Беленицкий А.М. Указ. соч. С. 49.

¹¹ Там же. С. 56.

¹² Цит. по: Шкода В.Г. Пянджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2009. С. 125.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Борозна М. Некоторые материалы об амулетах – украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. Под ред. Г.П. Снесарева и В.Н. Баилова. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1975. С. 289.

¹⁵ Цит. по: Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. – Ташкент: [б.и.], 1960. С. 31.

¹⁶ Бикжанова М.А. Ташкентская вышивка XIX–XX вв. Рукопись. Институт искусствознания АН РУз. Инв. № Б-60. С. 260, 124.

¹⁷ Там же. С. 26.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Сухарева О.А. Указ. соч. С. 86.

²⁰ См.: Борозна М. Указ. соч. С. 286.

²¹ Там же. С. 290.

²² Муродов О. Шаманский обрядовый фольклор у таджиков средней части долины Зеравшана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. Под ред. Г.П. Снесарева и В.Н. Баилова. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1975. С. 112.

²³ См.: Сухарева О.А. Указ. соч. С. 97.

АВТОРЫ НОМЕРА

- АБДУРАСУЛОВ Ульфат – историк, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН РУз. Автор работ по земельным отношениям и правовой практике в Средней Азии в доколониальный период.
- ГАЛАК Александр – художник, иконописец. Член Академии искусств Узбекистана с 1999 года. Преподаватель воскресной школы и работник Свято-Покровского храма в Самарканде. Живет в Самарканде.
- ГЮЛЬ Эльмира – искусствовед, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела изобразительного и декоративно-прикладного искусства Института искусствознания АН РУз. Живет в Ташкенте.
- ДОРЮФЕЕВ Роман – религиовед, автор исследований по истории православия и других религий в Средней Азии. Проректор Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.
- КАЛАУС Лилия – писатель, журналист, книгоиздатель. Проза публиковалась в журналах «Дружба народов», «Новая Юность», «Крещатик» и др. Участник 3-го Ташкентского фестиваля поэзии (2003 г.). Живет в Алма-Ате.
- КОТЮКОВА Татьяна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела сравнительно-исторических исследований стран постсоветского пространства Института всеобщей истории РАН. Живет в Москве.
- МОИСЕЕНКО Виктор – историк, преподаватель истории и обществоведения. Работал директором школы в Сонковском районе Тверской области, заведующим методическим кабинетом городского отдела народного образования Сырдарьи. Живет в Ташкенте.
- МОРРИСОН Александр – историк, профессор истории Университета Назарбаева в Астане (с 2013 г.). Президент Европейского общества исследований Средней Азии (2011–2013). Автор работ по истории Средней Азии, британскому колониализму в Индии, российскому исламу. Живет в Астане.
- МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Автор пяти книг стихов. Публиковался в журналах «Арион», «Дружба народов», «Звезда Востока», «Октябрь» и др. Лауреат поэтической премии «Московский счет». Живет в Подмосковье.
- ПОТОРОЧИНА Елена – искусствовед, младший научный сотрудник Института искусствознания АН РУз. Живет в Ташкенте.
- Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекстанской епархии. Живет в Ташкенте.
- Иеродиакон Михаил (СТОЛЯРОВ) – журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекстанской епархии. Живет в Ташкенте.
- ХЕРСОНСКИЙ Борис – поэт, эссеист. Лауреат конкурса имени М. Волошина (2006), премий «Московский счет» (2007), Anthologia (2008), «Русской премии» (2010). Его стихи переведены на несколько европейских языков, издавались в России, Украине, Италии, Германии, Австрии и других странах. Живет в Одессе.
- ЧЕРКЕСОВ Валерий – поэт, прозаик. Автор 19 книг поэзии и прозы. Печатался в журналах «Арион», «Нева», «Москва», «Знамя», «Дружба народов». Лауреат литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова» (2008). Живет в Белгороде.
- ШАНИЯЗОВ Камол – историк (историограф и источниковед), кандидат исторических наук. Автор ряда публикаций по истории ислама в Средней Азии, по истории суфизма, по трудам средневековых арабских историков. Живет в Ташкенте.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии — в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск XXXVIII
2015, № 3, июль-сентябрь

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . . 15 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . . 2015).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz